

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Ивановский государственный политехнический университет»

Г. М. Вишневская, А. А. Абызов

КАНАДСКИЙ ЯЗЫКОВОЙ РАЗЛОМ

(англо-французский билингвизм)

Иваново 2016

Вишневская, Г. М. Канадский языковой разлом (англо-французский билингвизм) : монография / Г. М. Вишневская, А. А. Абызов. — Иваново : ИВГПУ, 2016. — 200 с.

В монографии освещается проблема канадского билингвизма в контексте языковой глобализации, рассматриваются вопросы языкового взаимодействия контактирующих официальных языков (английского и французского) на территории Канады, анализируются основные лингвистические особенности канадского варианта английского языка и канадского варианта французского языка, затрагиваются вопросы языковой политики. Материалы монографии основаны на анализе имеющихся в специальной литературе данных и наблюдениях ученых над реальными языковыми фактами.

Для широкого круга лингвистов (ученых, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов), интересующихся вопросами языковой глобализации, языковой вариативности, языкового контакта и интерференции, билингвизма и многоязычия.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

*доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры английской филологии
Ивановского государственного университета*
А. А. ГРИГОРЯН

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

*кафедра иностранных языков
Ярославского государственного педагогического университета
им. К. Д. Ушинского*
(зав. кафедрой доктор филологических наук, профессор **О. С. ЕГОРОВА**)

*доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры французского языка
Московского государственного института международных отношений
(университета) МИД России* **И. А. ЦЫБОВА**

*доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры английского языка
Владимирского государственного университета
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых* **Т. В. ЛЕВИНА**

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Предисловие</i>	4
ГЛАВА I. Билингвизм в контексте языковой глобализации	8
1.1. Лингвистический аспект билингвизма	9
1.1.1. Языковая интерференция	11
1.1.2. Заимствования	15
1.2. Билингвизм как социальный феномен	22
1.3. Язык и политика в ситуации двуязычия	27
1.4. Канадский билингвизм	31
ГЛАВА II. Взаимодействие английского и французского языков на территории Канады	36
2.1. К истории вопроса	37
2.2. Англо-французский языковой контакт: XXI век	43
ГЛАВА III. Канадский вариант английского языка	76
3.1. Лексикографический аспект <i>CnE</i>	77
3.2. Лингвистические особенности <i>CnE</i>	80
3.2.1. К истории становления <i>CnE</i>	80
3.2.2. Характерные черты фонетики <i>CnE</i>	101
3.2.3. Лексические особенности <i>CnE</i>	121
3.2.4. Грамматический аспект <i>CnE</i>	132
ГЛАВА IV. Канадский вариант французского языка	139
4.1. Лексикографический аспект <i>CnF</i>	140
4.2. Лингвистические особенности <i>CnF</i>	143
4.2.1. Статус <i>CnF</i>	143
4.2.2. Характерные черты фонетики <i>CnF</i>	147
4.2.3. Лексические особенности <i>CnF</i>	151
4.2.4. Грамматический аспект <i>CnF</i>	156
4.2.5. О тенденциях стандартизации <i>CnF</i>	159
Заключение	161
Список использованной литературы	165
Список лексикографических изданий	195

Предисловие

Массовый характер билингвизма и многоязычия в XXI веке вызван активизацией явлений глобализации. В широком понимании современная глобализация связана с процессами интернационализации, происходящими во многих сферах жизни: в экономике, культуре, технике, финансах, социальной деятельности, миграциях населения, устной и письменной коммуникации и др. В эпоху глобализации языковые контакты, связанные с сосуществованием и взаимодействием двух или более языков в едином или смежном языковом пространстве, расширяются и углубляются, вызывая вариативность языковых единиц на фонетическом, лексическом, семантическом, морфологическом, синтаксическом, стилистическом и дискурсивном уровнях и оказывая влияние на структуру, словарь и функционирование одного языка или ряда языков.

Понимание языка как антропологического феномена стало характерной чертой лингвистики на рубеже XX–XXI веков и выдвинуло на первый план изучение взаимоотношения языка и культуры. Однако, поскольку язык тесно связан с социальной реальностью, его взаимосвязь с социумом в современном глобализующемся пространстве может порождать, с одной стороны, тенденцию к сближению наций и народов, а с другой – приводить к разного рода межнациональным конфликтам как на территории одной страны, так и на территориях соседствующих стран. В XXI веке, наряду с информационной революцией, человечество столкнулось лицом к лицу с мощными процессами лингвореволюции (Ковалева 2006), в основе которой лежат социально-коммуникативные процессы экстенсивного двуязычия и многоязычия. Социоцентрический подход к языку предполагает обращение к понятиям заимствования, билингвизма, диглоссии, языкового строительства и языковой политики.

В одноязычном социуме объектом языковой политики являются языковые нормы в письме, грамматике, лексике, стилистике, произношении. В условиях многоязычия языковая политика состоит в определении функций и сфер упо-

требления сосуществующих языков. На территории современной Канады сложилась особая ситуация билингвизма, вызывающая пристальное внимание ученых в контексте языковой глобализации (Chilton 2014). Английский и французский языки признаны государственными, что обусловлено историческими, политическими и социальными причинами.

Формирование официального билингвизма в Канаде имеет долгую историю и связано с особой языковой ситуацией, при которой английский и французский как языки иммигрантов получили государственное признание и составили основу канадского двуязычия.

Лингвистические и социолингвистические аспекты языковой ситуации в разных странах не могут не интересовать исследователей в русле современных обострившихся проблем языковой политики (Feng 2009). Англо-французское двуязычие в Канаде признано де-юре, а потому тесно связано как с языковой политикой, так и с общей политикой государства, поскольку существование в стране двух официальных языков затрагивает интересы всего населения (Ахонина 2002). Следует заметить, что английский и французский языки в Канаде не находятся по отношению друг к другу в положении равновесия. Французский язык в Канаде представляет собой «языковой остров», или языковой эксклав, полностью окруженный ареалом английского языка и существующий на территории страны де-юре и де-факто. Дополнительным фактором влияния английского языка на французский язык является процесс глобализации английского языка во всем мире.

Идея глобализации неразрывно связана с понятием единого языка, объединяющего население земного шара. В настоящее время такую объединяющую роль играет английский язык, уверенно лидирующий как *lingua franca*, как средство межкультурного общения (Kachru 1990; Crystal 2003; Richler 2007; Jenkins 2015). Интенсивный обмен информацией во всемирном масштабе, поддерживаемый неуклонно развивающимися высокими технологиями, телевидением, интернетом, всеми современными средствами массовой коммуникации, способствует дальнейшему развитию глобальных процессов взаимодействия

языков и повышению роли языков международного общения. Для понимания проблем и перспектив этносоциальных изменений в условиях глобализации социума необходимо обратиться к языку не только как к материальному выражению мысли, средству диалога, но и как к консолидирующему фактору современной цивилизации (Шефатов 2005). В Канаде в настоящее время сосуществуют две тенденции, влияющие на англо-французский языковой тандем в стране: с одной стороны, значительное воздействие английского языка как глобального, мажоритарного и более престижного в социальном плане, а с другой – стремление франкоязычного населения Канады (более всего в Квебеке) к сохранению национальной идентичности путем укрепления позиций миноритарного французского языка, обладающего маркерами большой исторической и культурной ценности (Kosel 2013). Поскольку современная государственная политика Канады нацелена на поддержание двуязычия в стране, это является немаловажным фактором укрепления позиций французского языка в межкультурном общении канадцев.

Современная языковая ситуация в Канаде демонстрирует уникальный случай билингвизма, при котором отсутствует паритет между сосуществующими языками. Контактующие языки обладают разным социальным престижем, однако двуязычие остается яркой приметой нынешней языковой ситуации в стране. Канадский «языковой разлом» проявляется, с одной стороны, в активном взаимодействии английского и французского языков, а с другой – в стремлении каждого из контактирующих языков сохранить самостоятельное существование и развитие. Следует заметить, что современные франкофоны, хорошо понимая позитивную роль английского языка в социальной жизни (в успешности карьерного роста, например) и необходимость овладения им, при этом еще острее осознают ценность своей языковой и культурной идентичности и стремятся ее сохранить, о чем свидетельствует востребованность и популярность французского языка, языка великого Вольтера, в школьных и университетских программах обучения, в мире искусства, на телевидении, в интернет-пользовании (Editorial Opinion 2015).

В настоящей монографии освещается проблема канадского билингвизма в контексте языковой глобализации, рассматриваются вопросы языкового взаимодействия контактирующих языков (английского и французского) на территории Канады, анализируются основные лингвистические особенности канадского варианта английского языка и канадского варианта французского языка, затрагиваются вопросы языковой политики.

Материалы книги основаны на анализе имеющихся в специальной литературе данных и наблюдениях ученых над протекающими в Канаде языковыми процессами, над реальными языковыми фактами.

Монография предназначена для широкого круга лингвистов (ученых, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов), интересующихся вопросами языковой глобализации, языковой вариативности, языкового контакта и интерференции, билингвизма и многоязычия.

Авторы книги будут благодарны читателям за все отклики и комментарии по ее содержанию.

ГЛАВА I

Билингвизм в контексте языковой глобализации

1.1. Лингвистический аспект билингвизма

Активно идущий последние десятилетия процесс глобализации и выдвигание английского языка на роль мирового *lingua franca* кардинально изменили парадигму лингвистических исследований в области национально-территориальных образований. В фокусе ученых оказались не только сходные, но и различительные (дивергентные) явления национальных вариантов полиэтнических (негомогенных) языков. В этой связи наибольшую актуальность приобрела проблема «пространственного» варьирования многих языков, прежде всего мировых – английского и французского.

Не подлежит сомнению тот факт, что на протяжении всей истории существования те или иные общности людей, коллективы, народности, нации находятся в постоянном (прежде всего языковом) контакте между собой (Кузнецов 2014). В современной лингвистике появилось целое направление (так называемая «контактная лингвистика»), изучающее «процессы и результаты контактирования языков в конкретном геополитическом пространстве при определенных исторических и социальных условиях общения народов, этнических групп, этнических общностей, отдельных человеческих коллективов, говорящих на разных языках» (Мечковская 2000: 12). Как отмечают Ж. Багана и Е. В. Хапилина (2010: 13), своеобразие конкретного языка обуславливают две группы факторов: его происхождение и его взаимодействие с родственными и неродственными языками. С лингвистической точки зрения глобализация способствовала углублению языковых контактов между английским и языками иных этносов. Все это наиболее актуально в свете усиления тенденций глобализации на основе английского языка в современном мире, а также внимания современной лингвистики к вопросам территориального варьирования языков эпохи глобализации (прежде всего контактирующих языков и их вариантов).

В центре проблематики языковых контактов находится явление двуязычия, или билингвизма, так как именно через двуязычных индивидов осуществляется та или иная форма влияния одного языка на другой. Таким образом, билинг-

визм, или (иначе) двуязычие, выступает в качестве важнейшего условия осуществления языкового контакта. Явление билингвизма (двуязычия) тесно связано с понятиями полилингвизма (многоязычия) и диглоссии. При этом чаще в литературе употребляется термин «двуязычие», нежели «многоязычие», выступая в качестве частного и наиболее типичного случая последнего (Трещева 2007: 53). Если билингвизм – это взаимодействие двух сосуществующих языков, то диглоссия – это взаимодействие двух сосуществующих разновидностей языка (Багана 2006: 47), точнее, нормы и диалекта одного и того же языка в речи говорящего.

Условия языковой глобализации способствуют беспрецедентному распространению билингвизма и полилингвизма во всем мире (Вишневская 2008: 6). Анализ специальной литературы свидетельствует о билингвизме как о многоаспектном и сложном явлении, предполагающем сосуществование, взаимное влияние и взаимодействие двух языков в естественном или искусственном двуязычном континууме, в котором индивиды и социальные группы владеют этими языками в одинаковой или разной степени (Ширин 2006: 67).

В XXI веке билингвизм как коммуникативный феномен, известный в трактовке У. Вайнрайха как «практика попеременного пользования двумя языками» (Вайнрайх 1979), получил небывалое распространение в мировом сообществе, что вызвало новую волну интереса ученых – лингвистов, психологов, психолингвистов, социологов, политиков, культурологов – к этому явлению. По данным ряда исследователей, билингвов (двуязычных) в мире больше, чем монолингвов.

Таким образом, билингвизм в настоящее время следует признать весьма распространенным явлением. По данным ученых, к настоящему моменту детский билингвизм охватывает почти половину детей на нашей планете (Вишневская 2002). Можно предполагать, что эта тенденция будет расти и дальше. По мнению Н. А. Забелиной, взаимодействие языков в современном мире имеет тенденцию к расширению, усложнению и углублению, билингвизм как результат контакта языков и культур оценивается сейчас большинством людей как

прогрессивное явление (Забелина 2010). Кроме того, как справедливо писал еще в XX веке известный отечественный лингвист В. Ю. Розенцвейг, «...из вопроса сугубо теоретического, интересовавшего лингвистов в связи со сравнительно-историческими исследованиями и решавшегося почти исключительно на индоевропейском материале, языковые контакты переросли в вопрос общественной и государственной практики...» (Розенцвейг 1972: 5).

При рассмотрении лингвистического аспекта билингвизма ученые чаще всего обращаются к проблеме *интерференции* контактирующих языков и к вопросам *языковых заимствований*.

1.1.1. Языковая интерференция

При языковом контакте неизбежно происходит интерференция (англ. *interference*) языковых систем. Речевое поведение билингва, являющегося активным объектом реализации языкового контакта, маркировано интерференцией. Это явление всесторонне описано в трудах многих отечественных и зарубежных лингвистов (Вайнрайх 1972, 1979; Щерба 1958; Хауген 1972; Виноградов 1990а; Бужаровска 1996; Rindler 1983; Weinreich 1953). Термин «языковая интерференция» введен Пражской школой (Vogt 1948: 33). В целом, ученые Пражского лингвистического кружка определяли интерференцию как процесс отклонения от норм контактирующих языков. С лингвистической точки зрения проблема двуязычия, по мнению У. Вайнрайха, заключается в том, чтобы «...описать те несколько языковых систем, которые оказываются в контакте друг с другом; выявить те различия между этими системами, которые затрудняют одновременное владение ими, и предсказать, таким образом, наиболее вероятные проявления интерференции, которая возникает в результате контакта языков, и, наконец, указать в поведении двуязычных носителей те отклонения от норм каждого из языков, которые связаны с их двуязычием». При этом «...не все потенциальные возможности интерференции переходят в действительность» (Вайнрайх 1972: 27).

Таким образом, под интерференцией понимаются случаи отклонения от норм любого из языков, происходящие в результате владения двумя и более языками, т. е. вследствие языкового контакта (Вайнрайх 1979: 22). У. Вайнрайх различал интерференцию в языке и интерференцию в речи.

По мнению Э. Хаугена, интерференция – это «...случаи отклонения от норм языка, появляющиеся в речи двуязычных носителей в результате знакомства с другими языками» (Хауген 1972: 62). Однако ученый указывает на то, что интерференция не всегда представляет собой отклонение от нормы, поскольку явление может быть ненормативным уже в первичном языке. Поэтому «...точно определить интерференцию можно лишь в случае, когда мы принимаем в качестве исходной базисной линии то состояние языка, которое непосредственно предшествовало установлению двуязычия» (Haugen 1953: 12).

Развитие теории интерференции в рамках теории языковых контактов сегодня достигло высокого уровня. Проблема языкового контакта рассматривалась до появления специальных работ академика Л. В. Щербы главным образом на уровне языка (заимствования, конвергенция, дивергенция и проч.). Между тем двуязычие как живой процесс происходит прежде всего не в языке, а в речи. Именно с работ Л. В. Щербы (1958) и началось изучение двуязычия как контактного процесса, осуществляемого в речевой деятельности билингва.

В современной лингвистике существует множество трактовок понятия «интерференция». Чаще всего интерференция понимается как процесс и результат взаимодействия языковых систем в речи билингва, из которых одна система является доминирующей, порождающей эффект воздействия во вторичной, приобретенной языковой системе. Результат взаимодействия контактирующих языковых систем может быть, полагают лингвисты, как *отрицательным*, так и *положительным*. Российские ученые в основных чертах разделяют позицию своих предшественников. Так, В. В. Климов (вслед за У. Вайнрайхом) полагает, что интерференция является результатом наложения двух систем в процессе речи (1970: 287). Н. Б. Мечковская в «Общем языкознании» называет ин-

терференцией ошибки в речи на иностранном языке, вызванные влиянием системы родного языка (Мечковская, Норман 1983: 368).

По мнению Б. А. Серебренникова (1970), последствия языковых контактов разнообразны и значительны: в одних случаях они приводят к различного рода заимствованиям, в других – к конвергентному развитию взаимодействующих языков (соответственно усиливающему центробежные тенденции в развитии отдельных представителей внутри групп родственных языков), в третьих – к образованию вспомогательных «общих» языков, в четвертых – к языковой ассимиляции. В некоторых направлениях лингвистики именно в факте контактов ученые усматривали решающий стимул развития языковой системы.

Общей предпосылкой возникновения интерференции является то, что индивид, употребляя в речевой ситуации второй, неродной, язык, всегда в той или иной степени использует языковые средства родного (основного) языка. Явления интерференции могут возникать на любом языковом уровне: фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом, а также в графике языка.

Современное определение интерференции, предлагаемое В. А. Виноградовым в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (ЛЭС), формулируется следующим образом: «Интерференция – взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при языковом контакте, либо при индивидуальном усвоении неродного языка» (Виноградов 1990а: 197). Отклонения от нормы и системы родного языка, вызванные влиянием родного, ученый считает выражением процесса интерференции.

Языковая интерференция в речи билингва особенно заметна на *фонетическом уровне* (Метлюк 1986; Любимова 1991; Вишневская 1993а, 1993б; Зорина 1996; Фомиченко 1998; Лаврентьева 2001; Пунегова 2002; Попков 2002; Зенкевич 2003; Лукова 2004; Пивоварова 2005; Ахметзянова 2005; Костина 2006; Соснина 2006; Шатохина 2007; Чугаева 2009; Безрукая 2009; Кусанова 2009; Касьяненко 2010; Киритова 2010 и др.). Именно *фонетическая интерференция* является основным источником *произносительного акцента* в речи говорящего.

Здесь необходимо провести различие между интерференцией и акцентом (Вишневская 1993а).

Интерференция отражает в основном отношения между языковыми системами при их контакте. Акцент связан с речевой ситуацией билингвизма, с отношениями между билингвом и носителем языка. Интерференция как процесс взаимодействия языковых систем лишь потенциально указывает на те нарушения в речи билингва, которые могут возникать в связи с различиями контактирующих систем. В акценте отражен комплекс реальных и системных фонетических нарушений говорящего индивида на неродном языке, обусловленных не только лингвистическими факторами. Акцент в речи билингва непосредственно связан с восприятием носителя языка, обладающего представлениями о нормативном произношении на родном языке. Понятие интерференции шире в том смысле, что она распространяется на все уровни языка. Понятие акцента уже, поскольку оно связано только с фонетической стороной, с качеством звучащей неродной речи говорящего.

Что касается *грамматической интерференции*, то она проявляется в ряде моментов: в межъязыковом отождествлении грамматических элементов, в структурном калькировании, в появлении новых грамматических категорий под иноязычным влиянием, в заимствовании иноязычных грамматических элементов, во влиянии на грамматическую интерференцию типологической близости/отдаленности контактирующих языков. Особенно уязвимым в плане интерференции оказывается синтаксис высказывания: неверный выбор синтаксических структур, неправильный порядок слов, ошибки в пунктуации и др. (Ковылина 1981; Григорьев 1996; Лисник 2005; Виноградская 2009; Трегубова 2009 и др.).

Лексическая интерференция в значительной степени связана с заимствованиями (Коршук 1987; Кузнецова 1998; Баранова 2003; Алимов 2005; Багана 2004; Куликов 2004; Тимачев 2005; Матвеева 2005; Кругляк 2006; Володина 2007 и др.). Типы лексических заимствований разнообразны. Разнообразны и факторы проникновения заимствований в другой язык (культурные, стилистические и др.). В результате семантической адаптации заимствований происхо-

дят семантические сдвиги в языке-реципиенте. На лексическом уровне интерференция обусловлена несовпадениями в отношениях между означающими, означаемыми и знаками в разных языках. Часто можно наблюдать различия ассоциативных полей лексики, несовпадения лексической сочетаемости и многое другое. К разряду лексической интерференции часто относят также иноязычные вкрапления.

1.1.2. Заимствования

Известно, что У. Вайнрайх считал заимствование начальной стадией интерференции при билингвизме (Вайнрайх 1979). *Заимствование* – процесс, в результате которого в языке появляется и закрепляется некоторый иноязычный элемент (прежде всего, слово или полнозначная морфема). Этот процесс есть неотъемлемая составляющая процесса функционирования и исторического изменения языка, один из основных источников пополнения словарного запаса. Иноязычное заимствование – это «...языковое явление, заключающееся в акцепции одним языком лингвистического материала другого языка вследствие экстралингвистических контактов между ними, различающимися по уровням и формам» (Володарская 2001: 17).

Заимствованная лексика отражает факты этнических контактов, социальные, экономические и культурные связи между языковыми коллективами. При анализе заимствованной лексики используются различные понятия, связанные с процессом заимствования: «заимствования лексические», «заимствования книжные», «заимствования прямые», «заимствования семантические», «кальки», «дублеты», «неологизмы», «иноязычное слово», «кодовое переключение», «иноязычное вкрапление» и т. д.

Э. Хауген (Haugen 1953), исследуя лексические заимствования в речи норвежцев, разделяет заимствованные слова на два класса: необходимые (*necessary*) и излишние, ненужные (*unnecessary*), использование которых избыточно и не имеет под собой достаточных лексико-семантических оснований,

так как у таких неоправданных заимствований есть эквиваленты в родном языке индивида.

Традиционная трактовка процесса заимствования состоит в рассмотрении его как источника пополнения номинативных и экспрессивных средств языка. Для конца XIX и начала XX века характерна трактовка языкового заимствования как заимствования лексического. В дальнейших исследованиях наметился переход к пониманию заимствования как явления многоаспектного, охватывающего фонетический, морфологический, лексический и синтаксический уровни языка.

Подходы ученых к анализу заимствований разнообразны. В. М. Аристова, Л. М. Баш, Л. П. Крысин при построении типологий заимствований руководствуются диахроническим принципом, который позволяет разграничить разные типы иноязычных лексем и анализировать динамику их освоения в языке-реципиенте. Принцип деления заимствований по сферам употребления лежит в основе типологий А. В. Зеленина, М. В. Казановой, И. В. Приваловой, Г. Н. Скляревской и ряда других исследователей.

В. И. Карасик (2002) разработал классификацию заимствованных концептов на основе признаков формальности, наличия ценностного компонента, разновидности этого компонента и ценностной спецификации. Исследователь И. В. Привалова (2005) выделяет концептуальные, параконцептуальные и бесконцептуальные заимствования. В. И. Заботкина (1989) полагает, что имеющиеся в словарном составе языка заимствованные слова можно классифицировать по источнику заимствования, по тому, какой аспект слова заимствуется, по степени ассимиляции заимствованного слова. По общему признанию лингвистов, эволюция заимствований в новой языковой системе происходит в соответствии с законами языка-приемника на фонетическом, графическом, грамматическом и семантическом уровнях (Никитин 2010).

Фонетическое осмысление имеет первостепенное значение для успеха дальнейшей ассимиляции, вследствие чего происходит потеря иноязычным словом своего первоначального иноязычного облика, слово адаптируется фоне-

тически и изменяет акцентологию (Суперанская 1968; Кимягорова 1989). Особенности изменения иноязычных заимствований в *графике* контактирующего языка определяются различием между письменными системами языка-донора и языка-реципиента. По наблюдениям В. М. Аристовой, *грамматическая ассимиляция* английских слов в русском языке связана с категориями рода, числа, а также со склонением существительных и прилагательных и спряжением глаголов (Аристова 1978). Как правило, слова приобретают грамматические категории языка-реципиента вне зависимости от их отсутствия или наличия в языке-доноре и теряют своё прежнее грамматическое значение. *Семантическая адаптация* состоит в перенесении семантики слова на новую почву. Как отмечал В. В. Виноградов, «...с процессом заимствования европейской цивилизацией прежде всего было связано усвоение иностранных слов для обозначения вещей и для выражения идей, не находящих соответствия и воплощения в русской лексической системе» (Виноградов 1978: 10).

Учёные подчёркивают, что даже если слово многозначно в языке-источнике, оно заимствуется исключительно в одном значении. Но из этого не следует, что все заимствования однозначны: многозначными они становятся позже – либо в результате появления новых значений в языке-приёмнике (усложнения лексико-семантических связей нового слова), либо вследствие вторичного заимствования слова. Встречаются случаи, когда для обозначения одного явления одновременно заимствуются две лексемы. В этом случае конкурентная борьба за место в языке-реципиенте, как правило, приводит к «выживанию» одной формы заимствования (Кубрякова 2004). *Семантическая специализация* происходит также при взаимодействии новых заимствований с устоявшимися заимствованиями более раннего периода, а также с коренными словами языка-реципиента (Крысин 1968).

Виды адаптации, по мнению ученых, дают возможность классифицировать заимствованную из других языков лексику по степени её освоенности. Результат взаимодействия языков многообразен – от полного непринятия лексических единиц до полной грамматической интеграции слова.

Внимание лингвистов к проблеме заимствования не ослабевает и в XXI веке, для которого характерно значительное оживление миграции населения в мире и создание единого языкового пространства. Заимствования невозможно рассматривать в отрыве от явлений интерференции и интернационализации, которые влияют друг на друга. В связи с повышением роли английского языка как всеобщего международного языка в эпоху глобализации особенно остро встает вопрос о границах допустимости использования иноязычных элементов в современных языках. Изучение заимствований представляет собой одну из актуальных проблем в кругу лингвистических изысканий в условиях интенсивного расширения языковых контактов. Ни один язык не может обойтись без естественного и закономерного процесса заимствования элементов из других языков. Несмотря на то, что проблема заимствования всегда привлекала к себе внимание лингвистов, менее всего на данный момент изучена социолингвистическая природа заимствования, процесс вхождения иноязычных слов и значений в систему заимствующего языка. Вопросы осмысления скрытых процессов взаимодействия двух языков – языка-источника и языка-рецептора – до сих пор не получили еще полного освещения в лингвистике.

Активизация процесса развития языка на современном этапе происходит в значительной степени за счет заимствований, что объясняется рядом причин (Сморозин 2006): наблюдается большой приток заимствований в связи с бурным ростом науки и техники; универсальный характер современной техники требует более адекватной передачи значения иноязычного термина; более широкое знакомство с иностранными языками, а также поток переводной информации делают обмен между словарями контактирующих языков более интенсивным и более разнообразным по форме.

На рубеже XX–XXI веков заимствование лексических единиц происходит чаще всего из английского языка, являющегося одним из основных источников неогенеза языковых систем многих языков мира. Вошедшие в язык-реципиент англицизмы влекут за собой изменения, затрагивающие различные уровни языка: фонетический, лексический, морфологический и др. В настоящее время в

жизни мирового сообщества во всех сферах (политической, экономической, культурной, языковой) наблюдаются бурные преобразования. Индикатором происходящих в обществе перемен являются средства массовой информации: телевидение, радио, периодические издания. В этот период времени английские заимствования используются все более и более свободно в газетах, журналах и других средствах массовой информации. Английский язык становится международным в науке, бизнесе, в дипломатии, на телевидении, радио, в кино. В сфере компьютерных технологий и интернет-пользовании английский язык выступает уже как универсальное средство общения. Важнейшим фактором столь быстрого распространения английского языка является и то, что в Азии, Африке и Европе непрерывно увеличивается число людей, считающих английский своим первым языком (Нелюбин 2005: 59). Начиная с 90-х годов XX века наблюдается расцвет так называемой «американомании», которая проявляется в установке на западный образ жизни, на некую ассимиляцию с американской культурной моделью и цивилизацией. Одним из языковых следствий этого процесса является изменение точки зрения на англицизмы: они воспринимаются, например, в русском языке уже не как «чужое», а как «свое», не как варваризмы, экзотизмы, а как слова, подлежащие заимствованию и усвоению (Сморodin 2006). Влияние английского языка на русский язык в течение последних лет продолжает резко увеличиваться, и активность процесса заимствования англицизмов становится чрезвычайно высокой. Это особенно заметно в используемых читателями компьютерных журналах, где заимствованная лексика и вкрапления, по некоторым подсчетам, составляют примерно 30–35 % от общего количества используемых слов (Там же). Если в начале 1990-х годов можно было говорить о проникновении в русскую речь большого числа компьютерных, экономических, финансовых, торговых и других терминов и терминологических сочетаний из английского языка, то теперь, в начале XXI века, английские заимствования часто присутствуют и в сленге, и в общественно-политической лексике, и в новой бытовой и терминологической лексике: *байк, кедсы, кеш, киллер, масс-медиа, ноутбук, плеер, принтер, топ-модель, шейпинг,*

шоп, чарты и др. (Сморозин 2006). Характерной особенностью современной речи является и то, что вместе с заимствованными словами возникают и новые «понятия», «реалии», «явления», т. е. новое в жизни русскоязычного общества требует и нового языка описания (ср. такие слова-понятия, как *интернет, веб-сайт, дискета* и т. д.). Особый интерес в этом плане представляет язык компьютерной периодики, в котором содержится огромное количество англицизмов: «При этом никак нельзя сказать, что журналы по компьютерной технике надеются их функцией чуждости, “инакости”, а наоборот, предполагается, что читатель должен знать эти слова, а если и не знает, то должен запомнить их и взять на вооружение» (Там же: 17). Такая политика может быть как обоснованной, так и необоснованной. С одной стороны, английские слова в большинстве своем являются более емкими и удобными в использовании по сравнению с русскими эквивалентами и зачастую позволяют избежать громоздкого описательного перевода, поскольку часто тяжело найти в русском языке эквиваленты английским заимствованиям (Там же). С другой стороны, этот факт может быть связан с недостаточным уровнем профессионализма переводчиков либо с нежеланием подобрать эквивалент, поскольку гораздо легче взять уже готовое слово, т. е. произвести транслитерацию, транскрибирование или калькирование. Во многих современных русскоязычных журналах наблюдается частое употребление английских слов и словосочетаний в исконной английской графике. Важными являются такие параметры, как относительная частота употребления единиц в социокультурном контексте, ассимиляция, дистрибуция единицы в диахроническом аспекте.

При анализе билингвизма как явления следует отдельно выделить рассматриваемое в социалингвистике параллельно понятие *диглоссии*, под которой Ч. Фергюсон понимает использование говорящими двух или более разновидностей одного языка (Ferguson 1959).

Параллельно с билингвизмом и диглоссией отмечается важное понятие *переклечения кода*, характеризующее ситуацию использования нескольких языков или субкодов одним социальным субъектом (человек или группа лиц в контексте

социального взаимодействия). Я.-П. Блом и Дж. Гамперс (Blom, Gumperz 1972) выделяют два типа переключения кодов: *ситуативное* и *метафорическое*. В первом случае детерминантом выступает коммуникативная ситуация, во втором имеет место стилистически окрашенное *использование*. *Отличие от диглоссии заключается в том, что диглоссия характерна для разных сфер коммуникации, тогда как переключение кодов – для одной. Переключение кода максимально отделено от дискурса, тогда как заимствование является полноценным его компонентом.* Переключение кода спонтанно, тогда как заимствование может быть прослежено диахронически.

Смешение кодов достаточно близко по своей специфике к переключению и встречается, когда компоненты разных языков употребляются вместе (Швейцер 2008; Бондалетов 2011). Явления переключения и смешения кодов – ситуативные и речевые, однако они могут становиться базой для последующих заимствований.

С. Н. Шридхар (Sridhar 1992) выделяет пять отличий смешения кодов от заимствований: 1) заимствования редко являются полноценными фразами, это чаще отдельные лексемы. Смешение кодов задействует все уровни языка; 2) заимствования проявляются и в речи монолингвов, тогда как смешение кодов – явление, характерное только для билингвов; 3) выражения, подверженные заимствованию, обычно не имеют эквивалентов в заимствующем языке, тогда как для смешения кодов характерна ситуация дублирования; 4) заимствования представляют собой ограниченный набор выражений, тогда как смешение кодов вовлекает весь набор средств языка; 5) наибольшее число заимствований – существительные, тогда как смешение кодов вовлекает все части речи.

В эпоху глобализации английский язык оказывает значительное влияние на языковые системы многих языков мира как в количественном, так и в качественном отношении, что обусловлено интенсивным проникновением в современные языки не только материальных, но и семантических английских заимствований. Канадские национальные варианты английского и французского языков также имеют значительное количество англоязычных заимствований

как в краткосрочной исторической перспективе, так и в долгосрочной (английские заимствования времен нормандского завоевания). Семантический подход к процессу заимствования предполагает рассмотрение англицизмов в канадском французском с точки зрения характера их лексического значения и семантической динамики в языке-реципиенте.

1.2. Билингвизм как социальный феномен

Как известно, язык возникает, развивается и существует прежде всего как социальный феномен, востребованный человеком для целей коммуникации как внутри каждой конкретной общности, так и между различными общностями. Социолингвистика является той научной дисциплиной, которая развивается на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии. Она изучает множество проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия социальных факторов на язык и той ролью, которую играет язык в жизни общества. А. А. Леонтьев писал, что «...сейчас нет ученых... занимающихся языком... которые отрицали бы социальный характер языка, не называли бы язык социальным явлением» (Леонтьев 1976: 299). В рамках взаимоотношений языка и общества изучаются социальная сущность языка, варьирование языка в обществе, взаимодействие языков в многоэтническом обществе. Социальные функции языка многообразны (Сусов 2006): коммуникативная, информативная, познавательная, когнитивная, интерпретативная, регулятивная, контактоустанавливающая, эмоционально-экспрессивная, эстетическая, магическая, этнокультурная, метаязыковая, идентифицирующая и многие другие.

Рассматривая проблемы билингвизма и мультилингвизма, социолингвистика соотносит их с определенными социальными коррелятами. При этом учитываются как определенные социальные индексы (социальная принадлежность, возраст, пол и др.), так и определенные социальные процессы, имеющие место в обществе. Термины «монолингвизм», «билингвизм», «мультилингвизм» рассматриваются в

социолингвистике и по отношению к целому языковому сообществу, и по отношению к отдельному индивиду, который владеет одним, двумя или несколькими языками.

Первый тип моно-, би-, мультилингвизма обычно называют *национальным*, а второй – *индивидуальным*. Национальный монолингвизм может сочетаться на одной территории с индивидуальным билингвизмом или даже с мультилингвизмом. Есть отдельные государства в Европе, где при наличии национального билингвизма преобладают монолингвы.

У. Вайнрайх определяет билингвизм как явление, сопутствующее многокомпонентным языковым ситуациям, так как близкое существование двух и более языковых систем в контакте обуславливает их взаимопроникновение среди социальных образований. Под билингвизмом понимается способность тех или иных групп населения общаться на двух языках (Вайнрайх 1972). В настоящей работе доминантным является рассмотрение понятия билингвизма в социальном контексте, так как именно в ситуациях тесного межсистемного взаимодействия данное явление раскрывается наиболее полно.

Кроме общественного билингвизма, А. Д. Швейцер рассматривает также государственный и индивидуальный билингвизм. Однако как первое, так и второе явление на практике строго детерминировано билингвизмом социальным, представляя собой фактически его проявления. Билингвизм коллектива предполагает билингвизм его членов, однако индивидуальный билингвизм не ведет к социальному (Швейцер 2008: 116).

В лингвистической литературе выделяют несколько факторов, определяющих соотношение языков в многонациональном обществе:

- официальный статус языков;
- распространенность каждого из них;
- характер и степень индивидуального билингвизма;
- социальный престиж языков;
- генетическая близость языков;
- степень влияния процесса аккультурации.

Существуют, как известно, несколько типов билингвизма: смешанный, чистый, координативный, субординативный, естественный, искусственный и др. (Вишневецкая 1997; 2011). В XXI веке сложным образом развиваются языковые процессы в странах, освободившихся от колониальной зависимости: многие вынуждены в течение длительного времени использовать язык бывших метрополий и как официальный язык международного общения, и как *lingua franca* (общий язык) для межъязыкового общения внутри страны. Это относится к многочисленным бывшим колониям Британии, Франции в Африке, в Азии. Один из интересных примеров – Индия, бывшая английская колония, многонациональная и мультидиалектная кастовая страна, в которой попытки сделать хинди общенациональным языком не увенчались успехом. Однако в Индии получил большое распространение хинглиш (*Hinglish*) – смешанный язык на основе английского языка и различных языков Индии (прежде всего, хинди). Известный британский лингвист Д. Кристал (Crystal 2004) полагает, что на этой разновидности языка говорят около 350 млн человек. В настоящее время многие из говорящих на хинглише на территории Великобритании – иммигранты из Индии.

Однако часто при наличии национального билингвизма ни один из языков не может принять на себя функции единого национального языка, поскольку он не является в достаточной степени стандартизированным. Если между языками есть конкуренция, то шансы на победу имеет тот язык, который лучше лингвистически описан, кодифицирован в учебных пособиях, словарях и т. д., а не тот, который более распространен среди местного населения. Механизмы переключения с одного языка на другой в ситуации билингвизма сходны с диглоссией: определяющим фактором переключения является социальная ситуация, способ коммуникации. Многое зависит от социальной структуры общества, предписанных им правил выбора языка в сфере образования, в СМИ, в официально-деловом общении, в быту.

Одной из важных социолингвистических проблем, по мнению А. Д. Швейцера (1990: 481), является проблема социальных аспектов билингв-

визма (двуязычия) и *диглоссии* (взаимодействия различных социально противопоставленных друг другу подсистем одного языка). В условиях билингвизма два языка сосуществуют друг с другом в рамках одного коллектива, использующего эти языки в различных коммуникативных сферах в зависимости от социальной ситуации и других параметров коммуникативного акта. В условиях диглоссии наблюдаются сходные отношения между разными формами существования одного языка (литературным языком, койне, диалектами). Социолингвистика изучает также использование языка в коммуникативных целях и, в частности, речевое поведение как процесс выбора оптимального варианта для построения социально корректного высказывания. При этом выявляется сам механизм отбора социально значимых вариантов, устанавливаются критерии, лежащие в основе выбора. Конечной целью анализа является выявление социальных норм, детерминирующих речевое поведение.

Среди положительных последствий глобализации следует прежде всего отметить расширение мирового информационного пространства, усиление процессов языкового и культурного взаимодействия, обеспечение обычному человеку доступа к информации и к мировым интеллектуальным достижениям. В то же время глобализация способствует утверждению мощных цивилизационных систем, которые постепенно оттесняют на задний план слабые системы, навязывая им собственные ценности и законы развития.

Важной предпосылкой трансграничной коммуникации является выбор языка, на котором она осуществляется. На роль средств этой коммуникации, как правило, претендуют несколько так называемых мировых языков, прежде всего английский. По разным оценкам, им теперь пользуются от 400 до 800 млн людей: те, для кого английский является первым (родным) языком, и те, кто постоянно употребляет английский язык в сферах информации, образования и международного общения. Выбор английского на роль первого языка международного общения обусловлен как внутренними, так и внешними факторами. Исследователи отмечают его рациональное строение, богатство словарного состава, который позволяет создавать разветвленные терминосистемы. По мне-

нию Е. Ю. Артемьевой, основными факторами мирового господства английского языка являются современные глобальные процессы, потребность в международном языке в сфере науки, технологий и коммерции (Артемьева 2003). Британский колониализм и американское экономическое господство сделали английский язык популярным практически во всех регионах мира, а развитие информационных технологий, во многом благодаря США, укрепило его позиции в плане того, что до сих пор его знание и изучение продолжает оставаться гарантией доступа на рынок, в том числе и труда, равно как и доступа к информации и ИКТ (информационно-коммуникационным технологиям) (Там же). Все это обеспечивает английскому языку высокий престиж в глазах говорящих, побуждая их к его изучению. Режим средств международного общения выполняют также французский, испанский, арабский, португальский, русский языки, которые обслуживают несколько национальных сообществ, получив распространение на отдельных континентах. В условиях глобализации усиливается естественное давление языков международного общения на менее употребляемые языки.

В связи с явлениями глобализации в различных аспектах жизни современного общества особое значение приобретают вопросы взаимодействия мировых языков. Переход к информационному обществу и процессы глобализации неизбежно порождают унификацию языков и усиливают темпы распространения доминирующих языков, среди которых английский язык продолжает оставаться на данный момент лидером (Phillipson 1992; Hewings, Tagg 2012). При таких условиях становится очевидной необходимость сохранения целостности и самобытности других языков. Задача лингвиста состоит в том, чтобы не только описать существующие процессы взаимодействия языков, но и предвидеть перспективы языкового развития общества нового типа. Проблема «войны и мира» языков (Тер-Минасова 2008) сегодня актуальна не только для лингвистики. Она имеет большой социально-политический резонанс, а также важное стратегическое, идеологическое и государственное значение.

1.3. Язык и политика в ситуации двуязычия

Описание языка политики приобретает все большую актуальность в условиях расширяющейся глобализации, характеризующейся интенсивным развитием не только международных экономических факторов, но и факторов политических. Наблюдается появление все новых и новых исследований в сфере политической лингвистики, обращение исследователей к новым аспектам изучения языка политики: интенсивное развитие политических технологий, возрастающая роль средств массовой информации, все большая «театрализация политической деятельности» способствуют повышению внимания общества к теории и практике политической коммуникации (Будаев, Чудинов 2009).

Язык как объект политики приобретает в современных условиях глобализации особое значение. Социолингвистика исследует различные процессы языковой политики, взаимовлияние и взаимодействие разных языков на общественном уровне, социальную и региональную стратификацию языка, то есть явления действительности, являющиеся комбинацией социальных и лингвистических факторов. Анализ языковой политики на территории современных государств, несомненно, должен проводиться с учетом процессов, вызванных глобализацией и новыми геополитическими условиями (Хохлова 2013). В новых геополитических условиях, характеризующихся «...глобализационными сдвигами и транснациональной экспансией, а также ростом локальных национализмов, риску подвергается культурный и языковой суверенитет крупных государств, коммуникативно мощных региональных неанглийских языков; происходит теоретическое дезавуирование культур и этносов через ослабление позиций языка и политизацию его концепций» (Гриценко, Кирилина 2014: 96). Согласно дефиниции В. Т. Клокова, языковая политика «...представляет собой особый экстралингвистический фактор, способный одновременно оказывать воздействие на все стороны языкового развития: на социальные функции языка в языковой ситуации региона, на стратификацию его функциональных подсистем (стилей, жаргонов, диалектов и проч.), наконец, на внутреннюю структуру

его фонетического, морфо-синтаксического, лексико-семантического уровней, а также на письменность и графику» (Клоков 2005). По мнению Н. Ф. Алефиренко, под языковой политикой понимается вся практика сознательного регулирования стихийных языковых процессов, протекающих в многонациональных и однонациональных странах, имеющих как перспективный, так и ретроспективный характер (Алефиренко 2004).

С социолингвистической точки зрения проблема языковой политики состоит в определении совокупности мер, предпринимаемых государством, партией, классом, общественной группировкой для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков или языковых подсистем, для введения новых или сохранения старых языковых норм (Ricento, Burnaby 1998). В социальной жизни XXI века все чаще наблюдается обострение вопросов языковой политики. Современный мир трудно себе представить без политики, основная функция которой состоит в урегулировании конфликтов между отдельными группами общества или государствами. Язык в мире политики выступает как инструмент воздействия на общество для достижения определенных политических целей.

Внешняя языковая политика связана с взаимоотношениями между различными государствами. Она существует в двух крайних формах – пуристической и антипуристической. Пуристы резко возражают против заимствований из других языков, а их противники, напротив, считают, что от заимствований любой язык всегда выигрывает, поскольку становится богаче. Пуристы, как правило, исходят из патриотических соображений, а антипуристы – из космополитических. В определенные периоды своего исторического развития борьба между пуристами и их противниками принимает очень острые формы. Очевидна крайность позиций как пуристов, так и антипуристов. Истина находится посередине между ними. Внутренняя языковая политика проводится в пределах одного и того же государства. Она может осуществляться в двух крайних формах: антагонистической и неантагонистической. Первая из них характеризуется выдвижением на положение государственного языка, удобного господствующему меньшинству, а дру-

гая, напротив, проводит языковую политику в интересах общественного большинства. Составными частями процесса языковой политики, по мнению Е. Б. Гришаевой, являются: изучение языковой ситуации и определение основных принципов языковой политики; кодификация языковых норм; разработка путей совершенствования общественных функций языка: практическое воплощение целей данной языковой политики и запланированной программы действий (Гришаева 2007).

Проблемы языка политики все чаще становятся предметом обсуждения на международных лингвистических форумах. На международной конференции *Political Linguistics* (Польша: Варшавский ун-т, Лодзинский ун-т) обсуждались вопросы языковой глобализации, лингвистической идеологии, «власти» языка, перспектив государственной языковой политики в различных странах мира, языка политики и языка политиков, языковой экологии и др. (PL 2007, 2009, 2014). Программа международной конференции «Язык и политика», состоявшейся 27–28 марта 2014 года на факультете государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова, включала два основных направления заявленной тематики: язык как *инструмент политики* (языковое манипулирование, нейролингвистическое программирование, язык политической рекламы, лингвистическая политическая имиджелогия, политическая публичная речь) и язык как *объект политики* (модели языковых ситуаций и языковой политики в различных странах мира, коммуникативная ситуация, формирование речевого поведения и через него языковой личности, влияние СМИ на язык, актуальные проблемы российской языковой политики, международный статус русского языка, язык большинства и языки меньшинств). Дальнейшее развитие этого сравнительно молодого направления современной лингвистики связано с рассмотрением сложных взаимоотношений между языком и политикой в глобализующемся мировом пространстве (Кузнецов 2001; Гронская 2005; Chilton 2003; Lasswell 2006; Llamas, Watt 2009; Watt, Llamas 2014) и сосредоточено на ряде аспектов политического дискурса – риторическом, культурологическом, социологическом, идеологическом, когнитивном, коммуникативном, гендерном, прагмати-

ческом, социопсихологическом, антропологическом, аксиологическом, дискурсивном, лингводидактическом и др.

В связи с недавними политическими событиями в мире большой резонанс в средствах массовой информации получили вопросы языка и политической власти (языковая ситуация в Приднестровье, Украине, других частях планеты). Как отмечает известнейший британский лингвист, один из основателей теории критического дискурсивного анализа (*critical discourse analysis*) Н. Фэрклаф (Fairclough 2013: 2), существует тесная связь между языком, властью и идеологией, поэтому все, кто серьезно интересуется сложными вопросами политической власти в современном обществе, не могут себе позволить игнорировать вопросы языковой политики (“...*nobody who has an interest in relationships of power in modern society, can afford to ignore language*”).

Нельзя не согласиться с мнением Е. Б. Гришаевой о том, что комплексная проблема языковой политики и языкового планирования, проблема функциональной дифференциации различных этнических языков и основных языков межкультурного общения требуют привлечения обоснований, имеющих политическую, социально-экономическую и культурно-языковую природу. Объем частных коммуникативных функций языка зависит от внешних факторов: наличия или отсутствия у данного народа собственной государственности, его социального и правового положения, национальной политики в полиэтническом государстве и т. д. Недостаточный учет общих тенденций языкового развития, а также недооценка социологических факторов приводят к неудачам в социальном и языковом прогнозировании (Гришаева 2007).

Глобализация во всем многообразии своих проявлений находится в тесной связи с языком, с процессами языкового и социального развития, с политическими тенденциями в обществе. Связь всеобщей тенденции к глобализации с языковой жизнью народов в современном мире прослеживается по множеству линий и на самых различных уровнях – общемировом, национальном, региональном, локальном. Глобализация как сумма революционных перемен в информационной, коммуникационной сферах не может не затрагивать языковую

жизнь общества, социально-лингвистические и социально-политические ситуации в тех странах, которые вовлекаются в процесс таких перемен. Языковая политика в том или ином государстве может определяться разными факторами, может быть сознательной или стихийной. Но всегда она объективно связана с двумя естественными и в то же время противоположными человеческими потребностями, которые можно назвать, по мнению В. М. Алпатова (2014), потребностью *идентичности* и потребностью *взаимопонимания*.

1.4. Канадский билингвизм

Двуязычие, как известно, бывает индивидуальным или массовым. Примером последнего может служить Канада – классическая страна билингвизма. Наличие двух официальных языков (английского и французского) отличает Канаду от других англоговорящих наций (Voberg 2010: 2). При этом Канада является одной из сорока стран в мире, где государственными являются два языка. Но если в странах Африки, Азии, Латинской Америки, Европы один или два и более языков родные, то в Канаде оба официальных языка – языки иммигрантов, причем второй язык (французский) стал официальным сравнительно недавно. «Двуязычие здесь тесно связано как с языковой политикой, так и с общей политикой государства, поскольку существование в стране двух официальных языков затрагивает интересы всего государства» (Ахонина 2002: 112).

На территории современной Канады языковая ситуация имеет многокомпонентный, многоязычный характер. Она определяется как количественным, так и качественным составом входящих в нее компонентов: двух национальных вариантов мировых языков, языков этнических сообществ, диалектов, социолектов и т. д. (Исаев 2015). Реально заметное влияние на общество оказывают английский и французский языки как отдельные, независимые подсистемы. В подобных ситуациях, как правило, и наблюдается билингвизм. Роль других языков (кри, инуктитута, оджибвы) заключается в поставке лексем для доминантных языков (Там же). Отношения между языками и их статусом в мно-

гонациональном государстве могут быть различны: один из языков может быть доминирующим, другой – подчиненным, два языка могут быть формально равноправными. Особая языковая ситуация сложилась в Канаде: в этой стране два государственных языка – французский и английский, но билингвизм больше распространен среди франкоговорящего, а не англоговорящего населения, составляющего большинство жителей Канады.

По данным В. С. Ахониной, население Канады делится на три лингвистические группы: англофоны (родной язык – английский), франкофоны (родной язык – французский) и аллофоны (родной язык – другой). Однако двуязычие в Канаде носит односторонний характер. Франкоязычное население в городах англоязычной части Канады обязательно должно владеть английским языком, который используется повсеместно в бытовом общении, в то время как англо-канадцы не испытывают жизненной необходимости изучать французский язык (Ахонина 2002).

В целом можно говорить об исторической обусловленности наличия двух доминирующих языков в Канаде. В настоящее время английский и французский языки признаны официальными на федеральном уровне. На территории Квебека единственным официальным языком признается французский, юридически он также признается в провинциях Онтарио, Манитоба, Нью-Брансуик, а в Нунавуте официальным считается инуктитук, в северо-западных территориях – другие языки коренных народов.

С 7 июля 1969 года, по закону об официальных языках, английский и французский языки имеют равноправный статус в парламенте, в федеральном суде и государственных учреждениях. Эта мера отражает важную историческую, политическую и культурную роль франкоязычного Квебека. Последняя перепись жителей Канады показывает (Исаев 2015), что в настоящее время большую часть канадского населения составляют англо-канадцы (около 40 %). Из 26 млн населения около 6 млн человек (порядка 23 %) пользуются французским языком как родным. Представители других национальных групп (среди которых коренные индейцы и эскимосы) составляют около 35 %. Франко-канадцы проживают главным образом в восточной части Канады: в провинциях

Квебек (80 % от общего населения провинции), Нью-Брансуик (40 %) и Онтарио (12 %). Среди франко-канадцев различают квебекцев и акадийцев. Квебекцы – жители провинции Квебек, акадийцы проживают в исторической местности, называемой Акадией. К Акадии относят восточные провинции Канады: Нью-Брансуик и Новую Шотландию.

Рассмотрение существующих статистических данных дает возможность проанализировать количественный состав говорящих на том или ином языке, т. е. позволяет получить общее представление как о статическом состоянии системы, так и о динамическом при сопоставлении диахронических данных. На основании данных переписи населения Канады за последние 50 лет, по мнению Д. В. Исаева, можно сделать следующие выводы: 1) 1961 год: 19,1 % населения говорили исключительно на французском языке; 67,4 % – исключительно на английском; к билингвам относились 12,2 % населения; 2) 2006 год: 13 % населения (4 млн из 31 млн жителей (против 19 млн в 1961 году)) говорят исключительно на французском языке; 68 % говорят только на английском; 17,5 % владеют обоими языками; около 1,5 % не владеют ни одним из официальных языков (Исаев 2015).

При сопоставлении темпов распространения билингвизма в последние годы отмечено, что с 1996 по 2006 годы количество билингвов выросло практически на миллион, тогда как с 1961 по 1996 годы их прирост составил около 2 млн. Большинство билингвов проживает в Квебеке, хотя при этом провинция преимущественно одноязычна. За его пределами только 10 % населения знают французский, в Квебеке 40 % жителей владеют английским. Результаты анализа свидетельствуют об ускорении темпов распространения билингвизма, что в свою очередь обуславливает особенную языковую политику государства.

Следует отдельно отметить функцию национальной идентификации языка, наиболее полно проявляющуюся на примере франкоговорящего населения Канады: языковой признак, наряду с экономическим, территориальным, этническим и психологическим, является одним из основных признаков нации (Ладыгина 2014). Язык тем самым служит основой для отделения культуры одной национальности и нации от другой. Употребление языка в случае двукомпо-

нентной языковой ситуации определяет некоторую степень единства, своего рода разделение на крупные языковые коллективы, связанные общим историческим и культурным наследием. То есть реализация культурной соотнесенности человека через язык и является идентификационной функцией социально-коммуникативной подсистемы.

Анализ результатов переписи населения Канады, включающей информацию об используемом языке в тех или иных ситуациях, подтверждает существующие исследования относительно своего рода полярности канадской языковой ситуации: доминирование французского языка в Квебеке, «пояс билингвизма» и преобладание английского языка на остальной территории (Исаев 2015). Тем не менее статистика показывает, что даже на территории Квебека около 40 % работающего населения употребляют английский язык во время профессиональной деятельности. Цифра достаточно высокая для региона, в котором официальным является исключительно французский язык. Несмотря на отнесение в некоторых источниках к «билингвальному поясу» и других провинций, серьезное значение в профессиональной деятельности французский язык имеет только в Квебеке и Нью-Брансуике. Число рабочих, использующих французский язык в своей деятельности, на других территориях в целом не превышает 5 %, а число регулярно использующих – 4 %. Кроме того, из переписи очевидно не только процентное сокращение франко-канадцев за последние 50 лет при общем возрастании их численности, но и то, что для Канады характерен как англо-французский билингвизм, так и билингвизм со знанием неофициального языка, с преобладанием англоориентированного (Там же).

Анализ имеющихся статистических данных показывает, что на 1961 год около 5,5 млн человек относились к канадцам французского происхождения, для которых родным языком являлся французский. Цифру 6,6 млн, отражающую число людей, говорящих на французском языке дома, по результатам переписи 2006 года, можно считать наиболее близкой к числу людей с родным французским через 50 лет (Исаев 2015). Общеизвестным является факт увеличения числа франко-канадцев, а также уменьшения их доли в общем населении Канады. Таким обра-

зом, можно говорить о неравновесии языковой ситуации в Канаде, о стремлении ее сбалансировать внешними воздействиями, а также об определенном внутреннем сопротивлении самой ситуации смещения полярности.

Результаты исследований ученых-лингвистов свидетельствуют о том, что государственная языковая политика в Канаде направлена на продвижение билингвизма. Но в связи с неравномерностью распределения носителей языка по территории, в связи с социокультурными особенностями и определенным общественным противодействием процесс принимает форму разделения на два монолингвальных общества (англофонов и франкофонов), хотя и размытых в сфере социально-коммуникативной функциональности (Исаев 2015).

Исследования английского языка в Квебеке, где англофоны представляют меньшинство, показывают, что переключение кодов – в данном случае достаточно активный процесс. Однако, как свидетельствуют социологические опросы, жители не заостряют внимание на том, что они говорят на другом языке. Среди лингвистического меньшинства высок престиж билингвизма, и большинство из них видит за ним будущее (Poplack 1985). Тем не менее на территории франкоязычной Канады (в Квебеке) политика билингвизма не является однозначно поддерживаемой в силу преобладания консервативных тенденций. Квебек – единственный официально одноязычный регион в Канаде, и во многом именно подобная изоляция помогает сохранить канадский французский язык в том виде, в каком он существует. С точки зрения социально-коммуникативной функциональности воздействие английского языка на различных уровнях языковой структуры, как предполагают ученые, будет продолжаться вне зависимости от проводимой политики в сфере регулирования языковой ситуации. Возможно, что в отдаленной перспективе роль английского языка будет усиливаться. Как отмечают ученые, своеобразие языковой политики Канады состоит главным образом в том, что она представляет собой сочетание нескольких языковых политик: централизованной, осуществляемой федеральным правительством, и региональных, проводимых провинциальными правительствами, в частности Квебека (Багана, Трещева 2008).

ГЛАВА II

***Взаимодействие английского и французского языков
на территории Канады***

2.1. К истории вопроса

С самого начала между англо-канадцами и франко-канадцами Канады наблюдаются определенные политические, экономические, культурные трения (открытое военное противостояние франко-канадцев и англо-канадцев в XVIII веке, затем растущая неприязнь франко-канадцев к англо-канадцам под властью Великобритании в XIX веке, изолированное сосуществование обоих национальных анклавов в рамках федеративного государства в XX веке, наконец, непрекращающиеся до сих пор попытки отделения Квебека от остальной Канады). По мнению ученых (Voberg 2010), кризис в англо-французских отношениях в Канаде никогда не разрешится. Языковая ситуация в этой стране вот уже четыре столетия определяется сосуществованием, взаимодействием, взаимовлиянием, интерференцией, а также во многом противостоянием двух языковых систем, находящихся в непосредственном контакте, на разных уровнях: фонологическом, морфологическом, лексико-семантическом, синтаксическом и стилистическом.

Об актуальности изучения проблем англо-французского билингвизма свидетельствует рост интереса к данной проблематике в отечественном и зарубежном языкознании (Реферовская 1969, 1976, 2012; Попова 1974, 1978; Ищенко 1977, 1980; Анищенко 1981; Дудник 1986, 1988; Быховец 1988; Кожемякина 1994; Бондаренко 1999; Голубева-Монаткина 2000, 2003, 2010; Ахонина 2002; Кругляк 2004, 2006; Клоков 2005; Миронова 2006; Суходоева 2006; Трещева 2007; Багана, Трещева 2008; Гаращенко 2009; Курбанов 2009; Михальченко, Кожемякина, Кондрашкина 2010; Скарлупина 2009; Доржиева 2011; Зеленцова 2011; Исаев 2011, 2015; Разумова 2011, 2014; Пильгун 2012; Усманова 2014a, 2014b; Устинова 2015; Fortin 1988; McArthur 1989, 2003; Yuen 1994; Grant-Russell 1996, 1999; Fee, McAlpine 1997, 2007; Fee 2008; Poplack 2008; Voberg 2010 и др.). Главной задачей этих исследований было рассмотрение либо частных вопросов взаимодействия английского и французского языков в Канаде (лексико-семантические изменения французского языка под влиянием английского языка Канады, лексическая система канадских вариантов французского и

английского языков, топонимия Квебека, лингвокультурологическая сущность французского языка Канады, языковая норма квебекского варианта французского языка, функционирование французских заимствований в английском языке Канады и др.), либо только проблем функционирования канадского варианта французского языка (типологические особенности французского языка во многих странах мира, в том числе на территории Канады, а также английские лексические заимствования в условиях языкового контакта, французский язык в Канаде и Северной Америке и др.). Однако до сих пор отсутствуют комплексные исследования, освещающие взаимодействие и взаимовлияние английского и французского языков в Канаде. При этом изучение контакта английского языка с французским языком, имеющего место на территории Канады, сводится в основном к вопросам влияния английского языка на французский и в меньшей степени ставятся вопросы влияния канадского варианта французского языка на канадский английский.

Билингвизм в Канаде имеет свою специфику и особенности. Прежде всего двуязычие здесь обусловлено историческими причинами, поскольку контакт английского и французского языков в Канаде – наиболее активный и продолжительный – ведет свое начало с XVII века. Так, в 1605 году было основано первое постоянное французское, а в 1622 году – английское поселение, но наиболее активное взаимодействие между двумя языками начинается со второй половины XVIII века (с 1791 года) – времени перехода Канады в английское владение. При этом с самого начала колонизация Канады сопровождалась жестоким англо-французским соперничеством в Новом Свете.

Этнический состав населения современной Канады чрезвычайно пестрый: страну населяют представители свыше тридцати этнических групп, говорящих на таком же количестве языков. Условно все население Канады лингвистически делится на англофонов (англо-канадцев), франкофонов (франко-канадцев) и аллофонов (представителей коренных народов и иммигрантов из разных стран), составляющих примерно треть населения страны. Характерно, что на работе они пользуются английским или французским

языками, а в быту сохраняют родной язык. Основные же две группы составляют англичане и французы.

Стоит также отметить, что интенсивность взаимодействия английского и французского языков была неодинаковой с самого начала. Она носила асимметричный характер, поскольку большее распространение в Канаде получил английский язык. В результате сейчас каждый шестой из десяти жителей Канады считает его родным, в то время как французский язык – родной только для четверти населения страны (Fortin 1988: 22). Доминирующими районами проживания франко-канадцев являются восточные части страны – провинции Квебек (80 % от общего населения провинции), Нью-Брансуик (40 %) и Онтарио (12 %). В незначительном количестве франко-канадцы распространены и в других провинциях, тогда как англо-канадцы проживают по всей стране. В настоящее время англо-канадцы и франко-канадцы живут изолированно друг от друга, но эта изолированность носит скорее психологический, чем экономический характер (Михальченко, Кожемякина, Кондрашкина 2010: 403).

Принятый в 1969 году канадским парламентом закон об официальных языках, юридически закреплявший равенство английского и французского языков в федеральных учреждениях, т. е. официально провозглашавший двуязычие в Канаде, на деле не выполняется. Так, исследователями (Fortin 1988) отмечается переход довольно большого количества франко-канадцев (примерно 40 %) на английский язык в повседневном общении по мере удаления от провинции Квебек, что неизбежно в условиях доминирования иной языковой группы, каковой является англоговорящая часть населения страны.

Такое двуязычие можно назвать вынужденным. Франкоязычное население, проживающее на территории англоязычной части Канады, должно владеть английским языком, используемым в госучреждениях, сфере обслуживания, на фабриках, заводах и т. д.

Та же социолингвистическая ситуация характерна для англо-канадцев провинции Квебек, вынужденных пользоваться французским языком – единственным официальным языком данной провинции.

Следовательно, ситуация билингвизма в Канаде носит типично этнический характер, поскольку при этническом двуязычии люди общаются прежде всего в своих этнических группах, на своих родных языках, и только при межэтнических контактах один из собеседников переходит на второй язык социума, неродной для себя (Мечковская 2001: 168).

Ученые констатируют существование «глубоко английской» Канады, «глубоко французского Квебека» и «двуязычного пояса» – зоны франко-английского адстрата, включающей северо-восток Онтарио, западные регионы Квебека и Акадии (провинции Новая Шотландия и Нью-Брансуик). В данном случае адстрат подразумевает сосуществование и взаимодействие языков при условии территориального соседства и контактов населения, говорящего на своем и данном языке. При этом адстратные явления составляют прослойку между двумя контактирующими языками (Панькин, Филиппов 2011: 7). Именно в этой зоне – зоне особо тесного контакта английского и французского языков – в наибольшей степени проявляется интерференция и оказывается влияние этих языков друг на друга.

Все эти обстоятельства во многом обуславливают этнолингвистическую ситуацию в стране, характеризующуюся тем, что обе эти национальные группы населения предстают, с одной стороны, как наиболее крупные нации, а с другой – как национальные меньшинства. Дело в том, что англо-канадцы, составляя большую часть населения страны, являются меньшинством в одной из важнейших провинций Канады – Квебеке, в свою очередь, франко-канадцы представляют меньшинство в общеканадском масштабе, но являются большинством в Квебеке (Клоков 2005: 9).

Особенностью канадского билингвизма также считается наличие так называемой англо-французской диглоссии, имеющей свои специфические формы проявления. В Канаде функционируют и сосуществуют, вступая в контакт, два официально равноправных языка: английский – *Canadian English (CnE)* и французский – *Canadian French (CnF)*. При этом речь идет о местных вариантах данных языков на территории Канады, которые в лингвистике обозначаются

по-разному (территориальные, региональные, локальные, пространственные, географические и т. д.), а не о полинациональных английском и французском языках. В современной Канаде местная разновидность французского языка не только взаимодействует, но и противостоит доминирующему в стране (кроме провинции Квебек) локальному варианту английского языка. При этом оба языка – *CnE* и *CnF* – влияют друг на друга и испытывают доминирующее воздействие со стороны американского английского как проводника мирового (в том числе языкового) глобализма, а также вследствие непосредственной близости к самому источнику влияния и экономической интеграции Канады и США.

В Канаде имеют место билингвизм и диглоссия на английской и французской основах. В тех провинциях, где эти языки находятся в тесном контакте между собой, они оказывают наибольшее влияние друг на друга. Так, в основе национального варианта французского языка Канады лежали завезенные диалекты крестьян и малообразованных горожан Франции, к тому же французский язык в Канаде изначально формировался в совершенно особых условиях изолированности колонистов от метрополии, после поражения французов в войне с англичанами и последовавшего затем отъезда из Канады значительной части французов на исконную родину во второй половине XVIII века. Однако, как утверждают ученые, франкоязычное единство Канады стало распадаться со второй половины XX века в первую очередь в связи с сепаратистскими устремлениями Квебека. В стране наблюдается дробление франко-канадской нации на квебекцев и акадийцев, а следовательно, и их языковых разновидностей. Во французской Канаде в настоящее время складывается парадоксальная ситуация, когда национальные варианты Квебека и Акадии, с одной стороны, предстают как элементы общеканадского французского языка, а с другой – сам общеканадский французский в социальном плане получает статус, ниже статуса его территориальных вариантов (Клоков 2005: 94).

Диглоссия французского языка Канады (т. е. система его подязыков в данной стране) представляет собой континуум, в котором сосуществуют, с одной стороны, литературно-письменные и литературно-устные формы, а с дру-

гой – просторечие (так называемый «жуаль»¹) в рамках канадского варианта французского языка, отличающегося в некоторой степени от литературного языка Франции.

Таким образом, литературный французский язык Канады противопоставлен, с одной стороны, литературному французскому языку Франции, а с другой – жуалю, т. е. просторечному варианту французского языка Франции. При этом главная особенность франко-квебекской диглоссии состоит в ее континуальном характере, заключающемся в отсутствии резких границ между литературной и просторечной формами, легко проникающими друг в друга. Так, в высказываниях на жуале обнаруживаются черты литературного языка; в то же время элементы жуаля встречаются в речи образованных франко-канадцев (Скарлупина 2009: 34).

Еще одной особенностью франко-канадской диглоссии является влияние на литературную разновидность французского языка Канады не только жуаля, но и английского языка, контактировавшего с французским языком Канады в качестве адстрата. Данные контакты имели большое значение, поскольку оказали огромное влияние на французский язык Канады. Английское влияние стало сказываться на языке франко-канадцев начиная с 1791 года, с момента подписания Конституционного Акта о переходе Канады под юрисдикцию Великобритании. Английский язык становился языком правительственных учреждений, языком большинства, языком культуры и т. д. «Особенно сильно сказывалось английское влияние в речи горожан и сельских жителей, приходивших в города на заработки. Возвращаясь затем домой, они приносили и в деревню свою англизированную речь» (Реферовская 1969: 255). Неправомерной, однако, представляется точка зрения, согласно которой *CnF* представляет собой смесь французского и английского языков, поскольку большинство заимствований из английского языка были ассимилированы французским языком. Например, в

¹ Своеобразное монреальское произношение слова *cheval* («лошадь») как *joual* – социолект, местное наречие (патуа) французского языка, сформировавшееся среди франко-канадского рабочего класса в Монреале XIX – начала XX веков.

области правописания и произношения они приобрели характерные для языковой системы *CnF* особенности и т. д. Иными словами, отличительными чертами канадской разновидности французского языка изначально являлись консерватизм, архаичность и результаты контакта с английским языком.

2.2. Англо-французский языковой контакт: XXI век

Учеными (Реферовская 1969, 1976, 2012; Анищенко 1981; Голубева-Монаткина 2000, 2003, 2010; Кругляк 2004, 2006; Клоков 2005; Трещева 2007 и др.) отмечается неоднородный характер заимствований из *CnE* в *CnF*, представленных разными языковыми уровнями. На лексическом уровне многие исследователи отмечают наличие в *CnF* большого количества заимствований и калек с английского языка (так называемых англицизмов). Среди них – слова и выражения, связанные с областью политической, экономической, производственной жизни, бытовой сферы и др. Стоит отметить, что франко-канадцы всячески пытаются оградить свой язык от влияния английского языка и тем самым сохранить аутентичность французского языка Канады. Иногда эти попытки принимают весьма крайние формы своего проявления (замена уже существующих во французском языке Канады англицизмов неологизмами французского происхождения; борьба в провинции Квебек даже с французскими словами, схожими с английскими и др.) (Гаращенко 2009). Несмотря на это, интерференция английского языка во французский язык Канады усиливается под действием как общеканадских тенденций, связанных с расширением сотрудничества с США, так и мировых тенденций образования всеобщего языка на базе английского (Трещева 2007: 74). Как следствие, в канадский национальный вариант французского языка проникают базовые единицы из английской лексики. Они сталкиваются с соответствующими эквивалентами собственно французского языка и создают условия для их замещения. Примечательно, что данная лексика заимствуется не из-за терминологической недостаточности и не в силу отсутствия соответствующих понятий в заимствующей культуре, а главным об-

разом в силу коммуникативных привычек билингов, пользующихся в разных коммуникативных ситуациях то одним, то другим языком. Это особенно типично для франко-канадцев, проживающих в провинциях с преимущественно англоязычным населением (Трещева 2007).

Как уже отмечалось выше, весь корпус английских, прежде всего лексических, заимствований, существующих в канадском варианте французского языка, неоднороден. Отдельными исследователями (Реферовская 1969, 1976, 2012; Анищенко 1981; Кругляк 2006; Трещева 2007 и др.) в разное время предпринимались попытки классифицировать заимствованные французским языком английские лексические единицы. Наиболее полной и всеобъемлющей из существующих классификаций типов английских лексических заимствований в канадском варианте французского языка представляется классификация в диссертационном исследовании Н. В. Трещевой (2007). Согласно данной классификации, все заимствованные французским языком Канады лексические единицы делятся: на неизменяемые англицизмы; адаптированные англицизмы; гибридные англицизмы; усеченные англицизмы; кальки и семантические англицизмы.

Под неизменяемыми англицизмами² понимаются как английская словоформа, так и английское значение (или одно из значений, если речь идет о многозначном слове), заимствуемые французским языком и ассимилируемые им без изменений. Подобные заимствования являются очень распространенными во французском языке Канады. По своему содержанию неизменяемые англицизмы относятся по большей части к терминологической и бытовой лексике, обозначают явления и предметы, ранее неизвестные франко-канадцам. Так, многочисленны в *CnF* неизменяемые англицизмы, связанные со спортом.

² Здесь и далее примеры лексических, фонетических и грамматических заимствований в *CnF* из *CnE*, а также в *CnE* из *CnF* приведены из работ: Реферовская 1969; Попова 1978; Оксентюк 1981, 1986, 1988; Дудник 1986, 1988; Быховец 1988; Кругляк 2004, 2006; Трещева 2007; Orkin 1971; Fee, McAlpine 1997; McArthur 2003; Boberg 2005; Fee 2008. Часть примеров заимствована из лексикографических источников: DCHP 1967; CDC 1973; Isajlovic, Martin 2003; Клоков 2004 и др.

Например, в речи франко-канадцев можно встретить такие слова, как: *football* – «американский футбол» (в то время как его европейская разновидность называется *soccer*); *lawn-tennis* – «лаун-теннис» (игра в мяч через сетку); *soft ball* – «мягкий бейсбол» (разновидность бейсбола, в который играют на меньшем по размеру поле и более крупным, но более мягким мячом); *mini-putt* – «малый гольф»; *snowbord* – «лыжный серфинг»; *hockeyà pied* – «хоккей на льду без коньков» или *roller-hockey* – «хоккей на роликовых коньках» и др.

Большое количество неизменяемых англицизмов можно найти и в СМИ, пишущих на спортивные темы, например: *пuck* – «шайба»; *play-off* – «финальная игра, серия финальных игр»; *power-play* – «численное превосходство» (в игре в хоккей); *bantam* – «детская команда» (в хоккее или в футболе для детей в возрасте от 14 до 15 лет); *pee-wee* – «детская команда» (в хоккее или в футболе для детей от 12 до 13 лет) и т. д.

Поскольку автомобиль пришел в Канаду и Квебек из США, весь терминологический словарь, связанный с ним, первоначально был заимствован из американского варианта английского языка, например: *exhaust* – «выхлопная труба автомобиля, выхлопные газы»; *choke* – «стартер»; *muffler* – «глушитель»; *windshield* – «ветровое стекло»; *mag* – «колпак» (у автомобильного колеса); *hood* – «капот автомобиля» и др.

В *CnF* из *CnE* проникает не только специализированная терминология или лексика, обозначающая новые понятия и явления, часто заимствуются самые обычные слова из бытовой сферы: либо по причине их частотного употребления, либо в силу языковой моды, в погоне за престижными формами речи. В качестве проводника в быт франко-канадцев таких заимствований выступают торговая реклама и журналистика ближайшего соседа – США. Примером может служить лексика из сферы отдыха и развлечений. К данной сфере принадлежат такие англицизмы, как: *musical* – «музыкальный спектакль, мюзикл»; *blockbuster* – «дорогой масштабный фильм, блокбастер»; *thriller* – «триллер»; *show floor* – «спектакль в кабаре»; *one-man show* – «представление с одним действующим лицом».

Больше всего английских вкраплений встречается в речи молодого поколения с его стремлением ко всему модному и престижному: *all right* – «хорошо, как надо»; *hot* – «модный, современный, популярный»; *chum* – «друг/подруга, приятель(-ница)»; *smart* – «умник, умница»; *twit* – «кретин, дурак»; *stool* – «доносчик»; *cool* – «крутой, модный» и др.

Но наиболее впечатляющим является количество неизменяемых англицизмов, принадлежащих к сфере питания. Лексика данной сферы буквально «наводнена» англоязычными заимствованиями. Каждый франкоязычный канадец, посещая американский *fast-food* – «фаст фуд» (ресторан с подачей простых блюд и быстрым обслуживанием), неизбежно сталкивается с такими блюдами и напитками, как: *hot dog relish-moutarde* – «хот-дог с овощной начинкой и горчицей»; *hamburger* – «гамбургер»; *sandwichau baloné* – «сэндвич с болонской колбасой»; *club sandwich* – «многослойный бутерброд»; *hot chicken* – «бутерброд с кусочками горячего цыпленка»; *chips* – «жареный картофель-фри, чипсы»; *coke* – «кока-кола»; *smoothy* – «фруктовый сок, прохладительный напиток»; *milk-shake* – «молочный коктейль»; *mix* – «коктейль» и др.

Однако наряду с поистине огромным количеством английских заимствований данного вида в языке, отмечает Н. В. Трещева, их присутствие в речи не представляет лавинообразного потока, как это могло бы показаться (Трещева 2007: 83–84). При этом наличие значительного числа неизменяемых англицизмов в лексической системе *CnF* позволяет говорить о действительно огромном влиянии английского языка и о существовании так называемого франко-английского варианта.

Большинство адаптированных англицизмов возникает в процессе аффиксальной деривации, когда новое слово образуется чаще путем добавления к уже существующему англицизму французского суффикса. Так, инфинитивная форма глаголов получает наиболее типичное для французских глаголов окончание *-er*: *booker* < *to book* – «заказывать (билеты, места), программировать, планировать»; *bossier* < *to boss* – «руководить, командовать, вести себя как начальник»; *breaker* < *to break* – «выключать, останавливать»; *cashier* < *to cash* – «получать

деньги по чеку или в кассе»; *caster* < *to cast* – «проводить прослушивание» (на телевидении, в кино); *mailer* < *to mail* – «отправлять по почте»; *crasher* < *to crash* – «разбиваться» (о самолете); *bruncher* < *to brunch* – «обедать в ресторане».

Вместо английского суффикса *-er* на конце заимствований из английского языка, обозначающих действующее лицо, появляется характерный для французских существительных суффикс *-eur* (или *-eux*): *scoreur* – «результативный игрок» (забивающий много голов); *galmbleur* – «картежник, игрок в азартные игры»; *secondeur* – «поручитель» (человек, поддерживающий чего-либо: предложение, инициативу, кандидатуру); *draveur* – «сплавщик леса, плотогон»; *runneur* – «водитель, предприниматель, рассыльный, поставщик наркотиков»; *snijfeux* – «нюхающий наркоман»; *swigneux* – «любитель быстрого, шумного танца»; *tripeia* – «большой любитель чего-либо, фанат» и др. Такие слова, не являясь чисто английскими, составляют значительный пласт лексики *CnF*.

Одной из самых продуктивных форм пополнения словарного состава канадского варианта французского языка, по мнению Н. В. Трещевой (2007: 88), являются так называемые гибридные англицизмы, представленные случаями скрещиваемой лексики, т. е. лексики, элементы которой происходят из разных языков. Так, на основе английского слова *set* – «гарнитур» образуются гибриды, созданные для обозначения предметов мебелировки: *set de chambre* [гибрид от англ. *set* + фр. *chambre* – «спальный»] – «спальный гарнитур»; *set de cuisine* [гибрид от англ. *set* + фр. *cuisine* – «кухонный»] – «кухонный гарнитур»; *set de salon* [гибрид от англ. *set* + фр. *salon* – «гостиный»] – «гостиный гарнитур»; посуды: *set de table*, *set de vaisselle* [гибрид от англ. *set* + фр. *table/vaisselle* – «столовый»] – «столовый прибор, посуда»; *set de livres* – «комплект книг» и др.

Гибридизация лексики, кроме гибридных словосочетаний, наиболее полно может быть представлена разнообразными глагольными выражениями. Для обозначения действия *CnF* использует аналитические гибриды, построенные по модели «фр. глагол + англ. существительное или прилагательное»: *faire au feeling* [гибрид из фр. *faire* – «делать» + англ. *feeling* – «ощущение, настрое-

ние»] – «делать инстинктивно, в зависимости от настроения»; *faire du cash* [гибрид из фр. *faire* – «делать» + англ. *cash* – «деньги»] – «делать/зарабатывать деньги» и др.

Гибридными могут также быть и устойчивые выражения, особенно популярные в молодежной среде: *c'est cute* – «как это мило»; *c'est du fake* – «это обман»; *c'est rough* – «это тяжело»; *c'est fair* – «это верно»; *c'est le fun* – «это интересно»; *c'est le top* – «это фантастика» и т. д.

Усеченные англицизмы, существующие во французском языке Канады, могут быть определены как английские лексемы, составной десигнат которых претерпевает в момент проникновения во французский язык или после него потерю одного из своих элементов. Данное усечение происходит чаще всего справа налево, т. е. посредством апокопы, и негативно влияет на семантику англоамериканизма, поскольку его структура имеет вид «определяемое – определяющее» (Трещева 2007: 92).

Усечение представляет собой один из способов экономии языковых средств в процессе коммуникации – один из универсальных законов, охватывающих все языковые уровни и системы и проявляющихся прежде всего в разговорной речи. Например: *boxer* < *boxer shorts* – «боксерские трусы»; *living* < *living room* – «гостиная»; *self* < *self-service* – «самообслуживание»; *snack* < *snack-bar* – «забегаловка»; *trench* < *trench coat* – «длинное непромокаемое пальто» и др.

По наблюдениям Н. В. Трещевой (Там же), апокопы являются самой многочисленной группой усеченных англицизмов в *CnF*. Усечению подвергается в данном случае исход слова, поскольку большей информативностью обладает начало слова, например: *chiro* < *chiropractic* – «специалист по мануальной терапии»; *doc* < *doctor* – «врач»; *condo* < *condominium* – «многоквартирный дом»; *gas* < *gasoline* – «бензин»; *lab* < *laboratory* – «лаборатория»; *nick* < *nick-name* – «прозвище, псевдоним»; *demo* < *demonstrator* – «образец товара»; *panel* < *paneltruck* – «небольшой автофургон»; *prop* < *proprietor* – «владелец, собственник»; *shower* < *shower party* – «домашний праздник с вручением подарков»;

speedo < *speedometer* – «спидометр» и др. Стоит отметить, что данный вид усечения широко представлен и в канадском варианте английского языка.

Во французском языке Канады также встречаются усеченные англицизмы, представленные:

- инициальными аббревиатурами: *BBQ* (*barbecue*) – «мангал»; *BO* (*body odor*) – «запах пота»; *ROC* (*Rest of Canada*) – «англоязычная Канада» – часть Канады без Квебека и др.;

- послоговыми сокращениями, или иначе, телескопическими структурами: *lavothon* (гибрид от фр. *laver* + англ. *marathon*) – «марафон по мойке автомобилей»; *Newfie* (англ. *Newfoundlander*) – «житель Ньюфаундленда»; *pepsi* (англ. *French pea soupe*) – «оскорбительная кличка жителей Квебека».

Одним из наиболее динамичных путей проникновения англицизмов в канадский вариант французского языка на современном этапе, как утверждает Н. В. Трещева (2007: 121), является калькирование, представляющее собой построение лексических единиц по образцу соответствующих лексических единиц языка-донора, путем точного перевода их значимых частей или заимствования отдельных значений.

Среди калек в канадском варианте французского языка различают:

- *семантические калки* (лексические образования, в которых с помощью французских слов передаются английские понятия), например: *cabane à sucre* < *sugarhouse* – «сахароварня» (небольшая постройка в лесу, приспособленная для варки сахара из кленового сока); *double-fenêtre* < *doublewindow* – «вторая оконная рама»; *chaiseberçante* < *rocking-chair* – «кресло-качалка»; *lave-auto* < *car wash* – «станция для мойки автомашин»; *nom de plume* < *pen name* – «писательский псевдоним» и др.;

- *морфологические калки* (перенос во французский язык структурного устройства английских слов), например: *planche à neige* < *snowboard* – «доска с парусом» (для занятий серфингом на твердом снегу); *prioriser* < *to prioritize* – «отдавать предпочтение, устанавливать приоритеты»; *publidser* < *to publicize* – «рекламировать, делать достоянием гласности»; *performer* < *to perform* – «ставить

спектакль, давать концерт, хорошо проявлять себя, успешно сдавать экзамен» и др.;

- *синтаксические кальки* (перенос моделей своеобразного построения английских предложений). Наиболее своеобразным является употребление франкоканадцами предлогов или опущение их, не соответствующее традиционным нормам французского языка. Очень распространена замена в словосочетании предлога, принятого во французском языке, предлогом соответствующего английского выражения. Вообще, отмечает Н. В. Трещева (2007: 104), у франкоканадцев наблюдается тенденция слишком часто прибегать к предлогу *sur*, возможно, под влиянием соответствующих английских конструкций, в которых участвует предлог *on*. Так, например, часто употребляются конструкции: *sur la rue* < *on the street* – «на улице» вместо центральнофранцузского *dans la rue*; *sur la job* < *on the job* – «на работе» вместо *au travail*; *sur le téléphone* < *on the phone* – «по телефону» вместо *par telephone*; *sur l'avion* < *on the plane* – «в самолете» вместо *dans l'avion*; *répondre une question* – «отвечать на вопрос» вместо *répondre à une question*; *arrêt expériences* – «приостановка экспериментов» и др.;

- *фразеологические кальки* (перенос во французский язык структурного устройства английских фразеологизмов). Все фразеологические кальки-англицизмы могут быть разделены на несколько групп в зависимости от того, какими языковыми средствами их значения могут быть выражены в канадском территориальном варианте.

В своем исследовании Н. В. Трещева предлагает следующую классификацию фразеологических калек (Там же: 105):

- 1) *фразеологические кальки, не имеющие эквивалентов во французском языке Франции* (и, следовательно, заполняющие собой фразеологические лакуны), среди которых выделяются:

- а) фразеологические кальки, значение которых может быть передано во французском языке Франции только описательно, например: *rester sur la clôture* < *to sit on the fence* – «занимать нейтральную или выжидательную позицию, не высказывать своего мнения»; *faire face à la musique* < *to face the music* –

«стоически переносить трудности, неприятности»; *voler le show* < *to steal the show* – «затмить всех, оказаться в центре внимания»; *patate chaude* < *hot potato* – «неприятный вопрос, которым приходится заниматься; дело, от которого хочется скорее избавиться» и др.;

б) фразеологические кальки, которым во французском языке Франции соответствуют лексемы, например: *sur la slaille* < *on the sly* = *furtivement* – «тайком»; *prendre sa aisé* < *to take it easy* = *ne pass'emballer* – «не волноваться»; *chiquer la guenille* < *to chew the rag* = *ronchomer, rechigner* – «ворчать, брюзжать» и др.;

в) фразеологические кальки, которым во французском языке Франции соответствуют необычные устойчивые сочетания, например: *numéro un* < *number one* = *de première qualité* – «первоклассный, первосортный»; *par la peau des dents* < *by the skin of one's teeth* = *de justesse* – «еле-еле, чудом»; *dans mon livre* < *in my book* = *à mon avis* – «на мой взгляд»; *prendre le plancher* < *to take the floor* = *prendre la parole* – «взять слово»; *avoir le meilleur sur qn* < *to have the better of smb* = *l'emporter sur qn* – «взять верх над кем-либо» и др.;

2) фразеологические кальки, имеющие эквиваленты во французском языке Франции, причем большинство из этих французских фразеологизмов известны и жителям Квебека, например: *être dan sle même bateau* < *to be in the same boat* = *être logé à la même enseigne* – «оказаться в одной лодке»; *le chat est sorti du sac* < *the cat is out of the bag* = *on a découvert le pot aux roses* – «тайное стало явным»; *frapper un noeud* < *to hit a knot* = *tomber sur un bee* – «потерпеть неудачу»; *mettre qch sur la tablette* < *to put smth. on the shelf* = *mettre qch au rancart* – «положить что-либо под сукно» и др.

Англицизмы в виде калек, включает Н. В. Трещева (2007: 110), действительно входят в новую языковую систему в привычной и, главное, мотивированной форме. Носители языка предпочитают их, так как такие слова легко и прочно закрепляются в сознании. Наряду с номинативной кальки выполняют и диссимилятивную функцию, т. е. их появление во французском языке Канады

имеет тенденцию к индивидуализации, конкретизации понятия, чтобы устранить явление полисемии и омонимии.

Наряду с калькированием немалую роль в процессе взаимовлияния французского и английского языков в Канаде играет семантическое заимствование, представляющее собой изменение семантической структуры слова в результате включения дополнительного значения или изменения значения слова, в виде расширения или сужения одного или нескольких значений. Распространению семантических заимствований и калек способствуют условия активного двустороннего языкового контакта, в ходе которого происходит подчас неосознанное нивелирование социально-культурной маркированности языка (Сухорукова 2005). Говоря об изменении значения коренных французских слов под влиянием таких же слов английского языка, Е. А. Реферовская отмечает, что «это влияние, носящее совершенно особый характер, трудноуловимо, значение слова смещается почти незаметно для говорящих» (Реферовская 1969: 260).

Следствием семантического заимствования являются изменения семантической структуры слова или изменения значения слова. По типу данных изменений Н. В. Трещева (2007: 112) выделяет следующие группы:

- лексические единицы, семантическая структура которых изменена в результате включения дополнительного значения (лексика данной группы может заимствовать у английского эквивалента от одного до нескольких значений). Например, глагол *rencontrer* заимствовал у английского глагола *meet* семь значений: 1) «выполнять обязательства»; 2) «отвечать на аргументы, на обвинение»; 3) «получать поддержку, апробацию»; 4) «отвечать на пожелания, на требования»; 5) «оправдывать прогнозы»; 6) «знакомиться»; 7) «разъезжаться». Существительное *place* заимствовало у английского *place* пять значений: 1) «комната, помещение»; 2) «квартира»; 3) «комплекс зданий, торговый центр»; 4) «пол в кухонной комнате»; 5) «город»;

- в лексических единицах, семантическая структура которых не изменена, происходит изменение одного или нескольких лексических значений слова. При этом имеет место расширение или сужение одного или нескольких значе-

ний слова. Например: существительное *festival* – «фестиваль» во французском языке Франции употребляется только в значении «артистический праздник». В канадском варианте французского языка под влиянием английского слова *festival* оно стало называть любой праздник, т. е. имело место расширение лексического значения. *Breuvage* под влиянием английского *beverage* во французском языке Канады употребляется в значении «напиток» (молоко, чай, кофе, пиво, вино и проч.), тогда как во французском языке Франции данное слово имеет значение «лекарственное питье, фальсифицированный спиртной напиток». Данный тип изменений значения является, по мнению Н. В. Трещевой, наименее распространенным (Трещева 2007: 114). Более продуктивной моделью семантических трансформаций во французском языке Канады является сужение лексического значения, при котором многие лексические единицы претерпевают смысловую специализацию. Так, слово *engin* – «механизм» приобрело два узких значения: 1) «двигатель»; 2) «локомотив». Существительное *union* – «союз» во французском языке Канады приобрело узкое значение «профсоюз», а существительное *vente* («торговля») – значение «распродажа по сниженным ценам».

К этому списку можно добавить еще следующие примеры: *acte* («акт, документ») приобретает значение «контракт, договор»; *compte* («счет») приобретает два узких значения: 1) «гол»; 2) «счет (за коммунальные и прочие услуги)»; *alignement* («установка по прямой линии») приобретает значение «центровка (регулировка автомобильных колес и валов)»; *accrochage* («подвеска; сцепление; стычка; вступление в контакт») приобретает значение «захват клюшкой (недозволенный прием в хоккее)» и др.

Изучая семантические изменения в лексике канадского варианта французского языка, Е. Е. Кругляк отмечает, что большинство языковых изменений, происходящих сегодня или происходивших некоторое время назад, фиксируется в общественно-политической лексике. При этом именно семантические заимствования являются довольно продуктивным способом пополнения общественно-политических семантических подсистем. Анализ лексических единиц,

отобранных Е. Е. Кругляк, показал, что для формирования общественно-политической лексики французского языка Канады характерно заимствование специально-политического (относящегося к политической терминологии) или общеполитического (относящегося к разряду социально значимых и в связи с этим часто употребляемого в языке СМИ) значения (Кругляк 2006: 9, 10).

I. В случае заимствования специально-политического значения:

1. Лексические единицы (ЛЕ) французского языка Канады, принадлежащие к бытовой сфере употребления, заимствуют из английского языка специально-политическое значение, становясь, таким образом, терминами, например:

agenda, m.

- французский язык Франции (ФФ): 1) «записная книжка на каждый день»; 2) «еженедельник»;

- французский язык Канады (ФК): 1) «график мероприятий»; 2) «повестка дня» (от англ. *agenda*).

2. ЛЕ, являющиеся терминами, но не входящие в общественно-политическую лексику (ОПЛ), могут заимствовать политическое значение, приобретая тем самым ещё одну сферу употребления:

ajusteur, m.

- ФФ: 1) «наладчик, слесарь-монтажник, слесарь-сборщик»; 2) «монтер»;

- ФК: *сmpax.* «оценщик» (от англ. *adjuster/or*).

3. ЛЕ, являющиеся политическими или социальными терминами, заимствуют из английского языка ещё одно политическое или социальное значение:

dénomination, f.

- ФФ: «наименование, обозначение»;

- ФК: 1) «религия»; 2) «вероисповедание»; 3) «конфессия»; 4) «культ»; 5) «церковь» (от англ. *denomination*).

II. В случае заимствования общеполитического значения:

1. ЛЕ, не являющиеся терминами, заимствуют общеполитическое значение, например:

affecter

- ФФ: 1) «притворяться, принимать вид»; 2) *устар.* «стремиться к ..., добиваться»; 3) *устар.* «любить, чувствовать расположение к ..., предпочитать»; 4) «приобретать, принимать»;

- ФК: 1) «воздействовать на ..., влиять» 2) «вредить, наносить ущерб» (от англ. *affect*).

2. ЛЕ, являющиеся терминами, но не входящие в ОПЛ, также могут заимствовать общеполитическое значение:

modérateur, m.

- ФФ: 1) *устар.* «повелитель»; 2) *техн.* «модератор, регулятор»; 3) *физ.* «замедлитель (в ядерных реакторах)»; 4) *муз.* «модератор»;

- ФК: 1) «председатель собрания»; 2) «ведущий (во время дебатов на телеэкране, при организации чатов и т. п.)» (от англ. *moderator*).

3. ЛЕ, являющиеся политическими или социальными терминами, заимствуют дополнительное общеполитическое значение:

social, m.

ФФ: 1) «социальное, социальная проблематика»; 2) *арго* «друг, дружок»;

ФК: «небольшой праздник, вечеринка» (от англ. *social*).

Е. Е. Кругляк (2006: 19) приходит к выводу о том, что характерной чертой общественно-политической лексики Канады является наличие в её составе большого количества *семантических англицизмов*. Административно-государственное управление, судопроизводство, юриспруденция, законодательная и дипломатическая деятельность в Канаде осуществляются на двух языках.

Среди общественно-политической терминологии английского и французского языков встречается довольно много слов с одинаковой орфографией; это объясняется тем, что оба языка обладают общим фондом, сформированным из

слов латинского происхождения. Однако, имея общее происхождение и одинаковое написание, эти слова прошли различные пути семантического развития, и их значения стали разными. Семантическое заимствование, или калькирование, здесь выступает как продолжение начавшегося ранее процесса языкового взаимодействия. Английский язык возвращает французскому языку лексические единицы, заимствованные у него в X–XII веках, при этом данные лексические единицы переносят значения, появившиеся в английском языке и являющиеся новыми для французского языка Франции.

В ходе своего исследования Н. В. Трещева выявила случаи семантических трансформаций самих англицизмов (Трещева 2007: 114). Эти изменения могут быть систематизированы следующим образом:

- лексические единицы, изменившие значение в результате появления специфических семантических наложений (коннотаций). Например: английское заимствование *buck* – «самец оленя», первоначально вошедшее во французский язык Канады именно в этом значении, в результате семантической трансформации, приобрело также и пейоративную коннотацию, а именно, «жеребец» (о сексуально озабоченном мужчине). К другим коннотативным изменениям в *CnF* относятся: *matchmaker* (англ. «антрепренер») в значении «сводник»; *cheap* (англ. «что-либо купленное дешево») в значении «пошляк»; *flush* (англ. «внезапный прилив, приступ») в значении «кутила, транжира»; *fullpatch* (англ. «лохмотья») в значении «полный идиот, шут гороховый»; *chum* (англ. «друг, приятель») в значении «ухажер, кавалер, любовник/-ца»; *frog* (англ. «лягушка») в значении «лягушатник» (прозвище франко-канадцев) и др.;

- лексические единицы, изменившие значение в результате апеллятивации английских имен собственных. При переходе имен собственных в разряд нарицательных они наполняются новым значением. Например: *Kodak* (от названия американского бренда, производящего фототовары) – «фотоаппарат»; *Kleenex* (от названия американского бренда, производящего средства гигиены) – «салфетка»; *Paul Jones* (от имени собственного Пол Джонс) – «танец, во время которого танцующие меняются партнерами в тот момент, когда останавливается музыка» и др.

Семантические англицизмы во французском языке Канады широко распространены и, как правило, обусловлены явлением глобализации английского языка. Кроме того, они являются очередным выражением английского языкового и культурного влияния в ряду проявлений последствий билингвизма в Канаде. К сказанному выше стоит также добавить, что изменения на семантическом уровне происходят, как правило, на поздних стадиях языкового контакта и представляют особый интерес, являясь результатом межкультурной и межъязыковой коммуникации двух языковых сообществ (Кругляк 2006: 20).

Гораздо меньшему влиянию со стороны английского языка подвергся *грамматический уровень* канадского варианта французского языка. Особо здесь выделяется употребление предлогов. Так, в соответствующих следующим английским фразам французских словосочетаниях употребляются не те предлоги, которые в этих конструкциях соответствовали нормам французского языка. Например: *it is so with me, within ten minutes, What to do with it?* и др. Иногда также бывает опущение предлогов после некоторых глаголов, имеющих во французском языке предложное управление, как, например, в соответствующей английской фразе: *Answer the question.*

Орфографический уровень канадского французского также испытывает на себе влияние английского языка Канады. Так, вместо суффикса *-er* на конце таких заимствований из английского языка, как *grocer* – «бакалейщик»; *informer* – «осведомитель»; *loafer* – «бродяга»; *proposer* – «создатель теории»; *shaver* – «бритва», появляется *-eur*. Иногда английской букве *k* в заимствованном слове (*cook, cookery*) соответствуют французские буквы *qu*. Конечное *-u* в английских словах типа *grocery* – «бакалейная лавка» подверглось трансформации в соответствующих им французских словах на конечное *-ie* и др.

Влияние *CnE* на *CnF*, по мнению Е. А. Реферовской (1969: 262), в наибольшей степени сказалось *на фонетическом уровне*, поскольку именно здесь прежде всего происходят изменения. Исследователями отмечается назализация французских звуков, недостаточность напряженности, даже неотчетливый характер их звучания, тяготение смычных к фрикативным, превращение их

в щелевые вплоть до элизии последних (чаще в интервокальной позиции), особенно в быстрой речи. Меньшая напряженность артикуляции особенно сказывается на произношении переднеязычных *t* и *d*, которым очень свойственна палатализация. На почве Канады эти звуки развились в аффрикаты *ts* и *dz*. Иногда английским словам придаются французская форма и произношение. Примерами могут служить следующие английские корни: *safe* (*saipe*); *shape* (*shaipe*); *strap* (*strappe*) и др. Для соответствующего английскому слову *copper* французского слова характерна элизия конечного согласного *-r* (*coppe*) и др.

Встречаются также случаи явной гибридизации, когда в результате заимствования получается лексическая единица смешанного характера, не имеющая аналога ни в английском, ни во французском языке, например: *adidou* (*howdoyouido*); *aneouie* (*anyway*); *becosse* (*back-house*); *cannages* (*cannedgoods*); *kikeur* (*kicker*); *tchipe* (*cheap*) и др.

В области интонации отмечается общность звучания и интонации с английским языком, так что бывает трудно определить, говорит ли франкоканадец по-французски или по-английски.

Итак, можно отметить, что английский язык Канады оказывает заметное влияние на французский язык на всех его уровнях, которое со временем может приобрести системный характер. Проводником английского влияния прежде всего является ситуация двуязычия и глобального наступления английского языка.

Изучение языкового контакта, имеющего место в Канаде, сводится в основном к вопросам влияния английского языка на французский. К тому же, говоря о билингвизме Канады, обычно имеют в виду билингвизм франкоканадцев. Согласно данным В. Т. Клокова (2005: 95–96), на общенациональном уровне билингвизм среди франкофонов развит в пять раз выше, чем среди англофонов. Н. И. Голубева-Монаткина (2000: 214) считает, что «этническое сознание франкоканадцев определяется как “билингвистическое”, двуязычное, и находящееся вне “французскости”». Н. В. Трещева (2007: 52) полагает, что происходит постепенное размывание национального единства франкоканадского общества, поскольку в англоязычном окружении многие люди свя-

зывают свою национальную принадлежность в равной степени с франко-канадским и общеканадским сообществом. Отсюда стремление франко-канадцев всячески оградить свой язык от англицизмов и тем самым сохранить его аутентичность. На территории Канады (прежде всего в провинции Квебек) ведется последовательная борьба за чистоту французского языка. Англицизмы воспринимаются франко-канадцами как угроза их национальному достоинству (Кругляк 2006: 6). Вместе с тем влияние английского языка на французский язык Канады присутствует, и притом в значительной степени.

Напротив, перед англо-канадцами проблема необходимости отстаивать родной язык в двуязычном государстве никогда не стояла и не стоит сейчас. В их речи, особенно в речи англофонов Квебека, встречается значительное количество французских заимствований, выступающих в роли «этнических идентификаторов» (Оксентюк 1986: 68). Многие просто забывают, что английское население провинции Квебек тоже билингвально, поскольку проживает на территории, где французский язык считается единственным официальным языком. Так, в статье «Действительно ли французский портит английский в Монреале» Б. Ханна справедливо отмечает: «Влияние французского велико, и мы даже не осознаем, насколько он влияет на то, как мы говорим и пишем. О влиянии английского языка на квебекский французский можно прочитать везде. А вот об обратном – нигде» (цит. по: Пильгун 2012). К этому стоит добавить, что влияние французского языка Квебека на английский язык данной провинции мало изучено.

Английский язык Квебека – это язык меньшинства и в численном, и в социальном, и в институциональном плане (Breton-Carbonneau, Cleghorn 2010). Между тем здесь выделяется особый региональный диалект, так называемый *Quebec English (QE)*, явившийся результатом взаимодействия английского и французского языков на данной территории Канады. При этом речь идет в основном об английском языке жителей Монреаля. Стоит отметить, что в Монреале наблюдается наиболее тесный контакт английского и французского языков (Poplack, Walker, Malcolmson 2006). В работах отечественных и зарубежных

ученых (Попова 1978; Оксентюк 1981, 1986, 1988; Дудник 1986, 1988; Yuen 1994; Grant-Russell 1996, 1999; Fee, McAlpine 1997; McArthur 1989, 2003; Fee 2008; Poplack 2008; Voberg 2010 и др.) ставятся вопросы влияния канадского варианта французского языка в целом на национальный стандарт *Canadian English* и, в частности, на региональный вариант *Quebec English*.

Как во французском языке Канады имеются англицизмы, так и в канадском английском присутствуют галлицизмы. Хотя стоит отметить, что *CnF* не столь сильно повлиял на *CnE*. В наибольшей степени данное влияние сказалось на лексическом уровне. Проникая в отдаленные уголки обширной территории Канады вплоть до границы с США, французские поселенцы несли с собой французский язык; в результате английский язык неизбежно вступал в контакт с языком французским. При тесном контакте двух языков имел место процесс ассимиляции довольно большого количества французской лексики английским языком Канады. При этом характер заимствований носил не случайный, эпизодический характер, он вносил заметные системные изменения в англо-канадскую лексико-семантическую парадигматику.

На протяжении почти четырехсотлетнего существования английского языка в Канаде французский язык был и остается одним из основных источников лексических заимствований для него. При этом в каждом хронологическом периоде характер этих заимствований имел свои особенности. В монографии «Лексические особенности английского языка Канады» (Быховец 1988) подробно исследуются и анализируются пути пополнения дивергентного лексического фонда английского языка Канады с конца XV века вплоть до конца XX века. Материалом для анализа Н. Н. Быховец послужил корпус из 10439 лексических канадизмов, собранных в результате обработки исторических и толковых словарей *CnE*, самым авторитетным из которых по праву считается *A Dictionary of Canadianisms on Historical Principles* (DCHP 1967). Только в период с конца XV по XVIII век канадским английским были ассимилированы 76 лексических единиц французского происхождения (Быховец 1988: 21), входящих в такие тематические группы, как: «Географическая среда» (*prairie* –

«прерия»; *sault* – «водопад»³; *portage* – «волоок»; *vase* – «топкий земельный участок»; *rapid* – «стремнина, порог реки»; *levee* – «дамба, набережная»; *cache* – «секретное место хранения провианта, мехов, пороха, устраиваемое охотниками в лесах» и др.); «Флора и фауна» (*caplin* – «мелкая рыба для наживки»; *fleur* – «седой сурок»; *bluet* – «голубика»); «Средства передвижения» (*raquette* – «снегоступ»; *bateau* – «плоскодонная большая лодка») и др. Большинство иноязычных заимствований приходило в *CnE* в этот период через устную речь со значительными фонетическими искажениями. Это связано прежде всего с источником данных канадизмов. По справедливому утверждению Л. М. Дудник (1988: 25), канадизмы анализируемого периода – это заимствования, для которых канадский французский является генетическим и ближайшим историческим источником, причем большинство из них имеет канадскую маркированность (жуаль – язык франко-канадцев).

В период со второй половины XVIII века вплоть до конца XIX века французский язык остается, как и прежде, основным источником обогащения *CnE* лексическими единицами (226 канадизмов). По мнению Ю. А. Жлуктенко (1981: 81–82), французский язык в описываемый период становится особенно популярным и главным источником заимствований. Галлицизмы в XVIII веке составили 71 % прироста специфического фонда англо-канадской лексики. Здесь выделяются заимствованные единицы из общего лексического ядра французского языка Канады и Франции (*anse* – «бухточка, залив»; *marais* – «болото»), а также лексические единицы, характерные для французского языка Новой Франции, т. е. будущей Канады (*gusperot* – «сельдь *Alosa*»; *Canadien* – «франко-канадец»; *malderaquette* – «воспаление мышц и суставов ног после бега на снегоступах» и др.). Н. Н. Быховец (1988: 39) выделяет довольно большую группу повторных заимствований среди поступлений из французского языка данного периода. Большинство из этих слов подверглись семантическому смещению еще в *CnF*, откуда после этого проникли в *CnE*. Например: *glacier* в *British English (BrE)* означает «ледник, глетчер», а в *CnE* под влиянием *CnF* это

³ Ныне это слово входит в состав топонима *Sault Ste. Marie*.

слово стало обозначать «ледник, холодильник». Другими примерами из данного лексического пласта могут также служить: *muffle* – «блюдо из верхней губы и носа оленя» (в *BrE* «верхняя губа и нос жвачного животного»); *brave* – «индеец, особенно воин» (в *BrE* «храбрый человек, воин»); *barrier* – «запруда для ловли рыбы» (в *BrE* «ограждение») и др.

Исследователями также отмечается приобретение некоторыми лексическими единицами *CnE* данного периода новых значений под воздействием французских слов (*park* – «загон для животных во время охоты»; *voyage* – «поездка во внутренние районы страны в качестве вояжера»; *voyager* – «вояжер» и др.).

По замечанию Н. В. Ищенко (1977: 182), канадизмы французского происхождения в большинстве случаев воспринимаются англо-канадцами в тексте как инородные вкрапления и довольно часто сопровождаются английскими соответствиями. Например: “*The Canadians wear scanty, thick woolen coats, and sometimes leather ones, with hoods to them, over a bonnet rouge, a red bonnet*” (DCHP 1967: 66) или “*The boats in general had to be propelled by oars ... or towed by the long cordelle, or towing line*” (Ibid.: 171) и др.

Наконец, в период со второй половины XIX века и до конца XX века французский язык по-прежнему остается основным источником пополнения дивергентного лексического фонда канадского варианта английского языка. За это время на месте аморфного объединения нескольких колониальных владений Великобритании возникает централизованное государство Канада, прошедшее всего за сто лет путь от аграрной страны к высокоразвитой капиталистической державе. Канада на официальном уровне провозглашается страной билингвизма: оба официальных языка (английский и французский) формально становятся равноправными, что закрепляется Конституцией и рядом других официальных документов. Н. Н. Быховец (1988: 59) отмечает, что английский язык Канады все больше отклоняется от британского и американского вариантов, вырабатывая свою собственную специфику. При этом углубляется контакт с французским языком, особенно в провинции Квебек, которую по праву можно назвать самой билингвальной провинцией в Канаде. Одним из наиболее важ-

ных показателей этого является дальнейшее формирование дивергентного лексического корпуса. В этот период *CnE* обогатился 117 лексическими единицами французского происхождения. Они делятся на две группы: 1) единицы, специфичные для *CnF* (*Ermite* – «сыр рокфор»; *patro* – «молодежный клуб» и др.); 2) общефранцузская лексика (*caboteur* – «франко-канадское каботажное судно»; *tinette* – «деревянная кадка для масла» и др.).

Как видно из приведенных примеров, по своей семантике данные заимствования в основном относятся к тематике, связанной с жизнью и деятельностью человека. Ряд лексических заимствований ушли в прошлое (*Sault*), а называющие их слова стали архаизмами, историзмами или же перешли в разряд локально маркированных единиц, другие же лексические единицы (*prairie*, *portage*) расширили ареал своего употребления: они распространились на территорию США, пополнив лексический состав так называемых североамериканизмов. Ученые также отмечают (Оксентюк 1981: 13), что процесс лексического заимствования затронул главным образом локально маркированные единицы французского языка Канады, а не общефранцузскую лексику. Среди них преобладали имена существительные. В целом же заимствования из *CnF* составляют самую многочисленную группу заимствований в этимологической структуре *CnE*, примерно 65,3 % (Дудник 1986: 89).

Выше уже отмечалось, что наиболее тесный контакт, а следовательно, и взаимовлияние между *CnF* и *CnE* наблюдается в провинции Квебек, где выделяется особый региональный диалект *Quebec English (QE)*. Главная особенность английского языка провинции Квебек (как, впрочем, и французского языка) заключается в его континуальном характере, выражающемся в тесной связи английского языка англофонов, являющегося для них родным, с английским языком билингвов и франкофонов, использующих его в качестве второго официального языка (McArthur 2003: 218).

QE находится под наиболее сильным давлением со стороны французского языка Квебека со времен так называемой «тихой революции» 60-х годов XX века, когда франкоговорящее большинство данной провинции начало проводить в

жизнь свою политическую волю, имеющую целью «офранцузивание» всех сфер общественной жизни Квебека и увеличение доли билингвов среди англоговорящего населения. Поэтому, по мнению О. Р. Оксентюк (Оксентюк 1981: 23–24), значительное воздействие французского языка на английский язык в Квебеке в условиях билингвизма обусловлено прежде всего менее выраженным функциональным неравенством французского языка на данной территории Канады. В то же время есть исследователи (Poplack 2008: 189–200), которые не наблюдают системных изменений в структуре *QE* под влиянием *CnF*: все изменения со стороны последнего ситуационно обусловлены и встречаются исключительно в разговорной речи.

Несмотря на то, что французский язык является единственным официальным языком провинции Квебек, английский язык – язык меньшинства на данной территории – пользуется широкой поддержкой, прежде всего в СМИ, сфере образования, культуры, книгоиздательства и т. д. Отсюда наиболее интенсивное взаимодействие двух официальных языков Канады в виде лексико-семантических заимствований в *QE* из *CnF*, являющееся следствием билингвизма.

Согласно многочисленным исследованиям, проведенным в Монреале, английский язык данной территории Канады имеет свои специфические черты прежде всего в плане лексики и семантики, отличающие его от английского языка остальной части Канады (Voberg 2005: 53). Однако не стоит забывать, что проявление лексико-семантической интерференции французского языка в английском языке Канады (в данном случае *QE*) – это лишь одна из сторон процесса взаимодействия двух контактирующих языковых систем (*CnE* и *CnF*).

Для анализа французских лексико-семантических заимствований английским языком Канады нами была применена модель классификации англицизмов, заимствованных французским языком Канады, приводимая в диссертационном исследовании Н. В. Трещевой (2007), так как она наиболее полно и последовательно отражает типологические особенности заимствованных языковых единиц. Как во французском языке Канады англицизмы группируются по определенным типологическим классам, так и присутствующие в канадском

английском галлицизмы можно подразделить на следующие группы: неизменяемые галлицизмы; адаптированные галлицизмы; гибридные галлицизмы; усеченные галлицизмы; кальки и семантические галлицизмы.

Неизменяемые галлицизмы – вкрапления отдельных галлицизмов (французских словоформ и французских значений), заимствованные английским языком и ассимилированные им часто без изменения. По своему содержанию неизменяемые галлицизмы относятся по большей части к терминологической лексике. Так, многочисленны в *CnE* неизменяемые галлицизмы, употребляющиеся в контекстах, связанных по тематике с названиями различных политических партий, учреждений, министерств, СМИ Квебека, например: *Ministère de la Justice, the Université du Québec à Montréal, the Institut québécois d'opinion publique; Parti Québécois; Péquiste* – “a supporter or member of Parti Québécois”; *Régie* – “government office”; *Créditiste* – “a member or supporter of the Quebec wing of the Social Credit Party”; *kétaine/quétaine* – “tacky, kitschy”; *communiqués* – “press releases” и др.

Большинство неизменяемых галлицизмов в *CnE* обозначают понятия, связанные с жизнью, бытом и деятельностью человека, и соответствуют референтам, относящимся к провинции Квебек (Оксентюк 1981: 19), например: *fête* – “holiday, celebration”; *arrêt* – “stop”; *Anglais* – “English Speaking Canadian” (при этом общепринятым в Канаде является также галлицизм *Anglophone*); *Québécois, Canadien, Francophone* – “French Canadian”; *depanneur/dépanneur* – “corner store”; *caisse populaire* – “credit union”; *autoroute* – “highway”; *permanence* – “job security”; *guichet* – “bank machine”; *chalet* – “cottage”; *garderie* – “daycare centre”; *alongé* – “diluted espresso coffee”; *biologic* – “organic – of agricultural produce”; *cabanon* – “garden shed”; *frippe* – “used clothing store”; *métro* – “subway, underground”; *suce* – “baby’s pacifier/dummy”; *terrasse* – “sidewalk café”; *tisane* – “herbal tea”; *patro* – “youth club”; *to mush* – “to go, travel on foot on the snow”; *concession* – “lot”; *sault* – “falls”; *levee* – “reception”; *raquette* – “snowshoe”; *parfleche* – “rawhide” и др.

Нередки случаи перехода с английского языка на французский в виде иноязычных вкраплений (отдельных слов и фраз), социально и культурно детерминированных укладом жизни квебекцев. Переход на французский язык в виде вкраплений осуществляется в основном при ролевых отношениях «англо-канадец – англо-канадская аудитория» (квебекская уникальность) (Оксентюк 1981: 7–8). Несмотря на то, что англоязычная аудитория (получатель) в основном одноязычна, переход говорящего на французский язык в примерах (Там же: 10–11) не нарушает правил речевого поведения по следующим причинам:

1) многие вкрапления знакомы англоязычным англо-канадцам Квебека, так как являются французскими названиями окружающих их повседневных реалий, например: *quartier; centre-ville; submerge; sale de dance; chanteuse;*

2) иногда вкрапление растолковывается по-английски или во фразе содержится его точный перевод, например: *à chaud* (in a hurry); *la grande noirceur* (the great darkness); *ca fait mal* (it hurts);

3) вкрапление может представлять собой одно из наиболее частотных французских слов и выражений и быть знакомым одноязычным англо-канадцам. Иными словами, оно может выступать в роли этнических идентификаторов, то есть указывать на связь описываемого им явления и т. п. с французской провинцией, например: *par exemple; très; naturellment; minuit; bon voyage; à la minute; adieux; l'hiver; vitesse.*

Все вышеуказанные французские единицы, имеющие в английском языке относительно точные эквиваленты, не несут, как справедливо утверждает О. Р. Оксентюк (Там же: 69–70), каких-либо специфических экспрессивно-стилистических оттенков. Здесь социолингвистической переменной, коррелирующей с некоторыми параметрами коммуникативного акта, является сам факт их предпочтения. Англо-канадцы вполне терпимы к французским вкраплениям в речи в отличие от франко-канадцев, проповедующих чистоту своего языка.

Адаптированные галлицизмы – заимствованные английским языком лексемы и ассимилированные лингвистической системой английского языка. Они претерпели различные графические и морфологические адаптации в соответ-

ствии с правилами английского языка. Большинство адаптированных галлицизмов, так же, как и англицизмов в *CnF*, возникает в процессе аффиксальной деривации, когда новое слово образуется путем добавления к уже существующему галлицизму суффикса или префикса. Например, многие заимствования из *CnF* в дальнейшем проявили в *CnE* способность к словообразованию и послужили мотивирующими единицами для создания новых дериватов. По мнению Л. М. Дудник (1986: 91), одно только слово *Canada*, будучи канадизмом французского происхождения (КФП), обладает наибольшей словообразовательной способностью. Сначала по суффиксальной модели было образовано прилагательное *Canadian* (а могло образовываться и существительное *Canadian*), от него по модели «прилагательное + *-ize*» – глагол *Canadianize*, а от последнего по модели «глагол + *-tion*» образовалось существительное *Canadianization*. Вторичный КФП *Canadian* был способен образовывать новые дериваты. Так, по модели «существительное + *-ness*» образовывалось существительное *Canadianness* («ирокезское поселение»). В свою очередь, от прилагательного *Canadian* по модели «прилагательное + *-ism*» образовывалось существительное *canadianism* и т. д. Большими словообразовательными возможностями также обладает КФП *totelegraph* – “especially in Quebec, voteille gally by impersonating another voter” (*telegrapher, telegraphing*).

Иногда специфическое канадское значение не прослеживается у всех членов словообразовательной парадигмы. Это свидетельствует, как указывает О. Р. Оксентюк (1981: 22), о сравнительно небольшом удельном весе канадского значения в смысловой структуре данной единицы. Так, у слов, производных от *concession* – “in Ontario and Quebec a tract of surveyed farmland, itself further divided into lots”, канадское значение не наблюдается: *concessionaire* – “a person, business company, etc. to whom a concession has been granted”; *concessionary* – “having to do with, or obtained by a concession”; *concessive* – “yielding, making, or implying concession”.

Довольно часто встречаются случаи присоединения английского суффикса *-er* к основе французского лексического заимствования с образованием семан-

тики «название деятеля», например: *portager* – “one who portages, or skilled in portaging”; *musher* – “a traveler on foot or on snowshoes” и др.

О. Р. Оксентюк (1981: 23) приводит примеры заимствованных *CnE* галлицизмов с возможностью новых словообразовательных связей путем конверсии. Например, глаголы *to portage* – “to convey (a boat or goods) between navigable waters”; *to cache* – “put food, supplies, etc. in a place, structure for storing”; *to car(r)iole* – “to ride in a light, open sleigh having a single seat for the driver” и др. образованы по конверсии от соответствующих именных основ. Значительно реже встречаются случаи образования существительных по конверсии от глаголов (*mush*) и прилагательных (*brave*).

Гибридные галлицизмы – случаи скрещивания лексики, элементы которой происходят из разных языков, в нашем случае английского и французского. Так, галлицизмы, появившиеся в *CnE* в условиях двуязычия, обладают способностью образовывать в сочетании с общеанглийскими лексическими единицами устойчивые словосочетания, например: *voyageur route*; *portage strap*; *portage bay*; *mushing the trails*; *back concession* и др.

Гибридизация лексики, кроме гибридных словосочетаний, наиболее полно может быть представлена разнообразными глагольными выражениями. Для обозначения действия *CnE*, в отличие от *CnF*, использует аналитические гибриды, построенные по модели «англ. глагол + фр. существительное», а не наоборот. Например: *to cover manifs (demonstartions)*; *to cover a vernissage (the opening of an art exhibition)*; *to cover an atelier (a studio)*; *to apply for a post (a position)*; *to contact a liaison agent (liaison officer)*; *to go on a stage (a workshop)*; *to plan the implantation of a program (implementation)*; *to give a conference (a lecture)* и др.

Усеченные галлицизмы представляют собой один из способов экономии языковых средств в процессе коммуникации и образуются безаффиксальным способом, при котором новые лексические единицы возникают в результате сокращения производящего слова (Лазарева 2004: 5). Апокопы являются самой многочисленной группой усеченных галлицизмов в *CnE*, как и в случае с заимствованными *CnF* англицизмами. Усечению подвергается в данном случае ис-

ход слова, поскольку большей информативностью обладает начало слова, например: *dep* < *depanneur* – “cornerstore”; *caissepop* < *caissepopulaire* – “creditation”; *the Habs* < *les Habitants* – “the NHL hockey team, the Montreal Canadiens nickname” и др. Крайне редки случаи афрезы, например: *bogan* < *toboggan* – “along, light, narrow sleigh with flat bottom”; *parlour/parlor* < *beer parlour*; *tempo* < *abri-tempo* – “snow shelter for drive way” и др.

В английском языке Канады (прежде всего Квебека) также встречаются усеченные галлицизмы, представленные инициальными аббревиатурами, например: *SQ* (*Sûreté de Québec*) – “provincial police”; *SAQ* (*Société des alcools du Québec*) – “the liquor store”; *QAM* (*the Université du Québec à Montreal*); *GEGER* (*Collège d’enseignement général et professionnel*) – “junior college” и др. Как видно из примеров, усечения последнего типа связаны с реалиями провинции Квебек. Сама их форма более понятна англоговорящему населению данной провинции, нежели их полные эквиваленты, о чем косвенно свидетельствуют вновь образованные акронимы *SAQ* и *QAM*.

Кальки – прямые заимствования, при которых одним языком перенимаются из другого готовые материальные единицы (словосочетания, слова, морфемы) и их семантика. Большая часть из указанных галлицизмов проникает в *СnE* через *QE*. Так, канадский ученый М. Оркин (Orkin 1971: 155), рассматривая частотность употребления выражения (*in*) *back of* в значении *behind* (*the truck is in back/or back/of the barn*), высказывает предположение, что относительная частотность (*in*) *back of* в Монреале может объясняться тем фактом, что это сочетание является буквальным переводом французского выражения с тем же значением *en arrière de*, которое англоязычные жители Монреаля заимствуют из речи франко-канадцев, говорящих на английском языке. Примечательно, что в *QE* существует 3 кальки-названия французского происхождения провинции Квебек: *old Province*, *la vielle*, *province* (Дудник 1988: 24).

Как отмечает Ч. Боберг (Boberg 2005: 23; 2010: 183), кальки-галлицизмы чаще всего встречаются в тематических группах, связанных с областью современных технологий, сферами школьного образования и быст-

рого питания, т. е. с жизнью, бытом и деятельностью человека, например: *all dressed pizza* – “pizza with all the toppings”; *cinq-à-sept* – “literally ‘five-to-seven’ o’clock, the time when bars offer special prices on drinks (else where called ‘happy hour’)”; *pure laine* – “literally ‘pure wool’, Quebecker of pure French-Canadian origin”; *one-and-a half/two-and-a-half apartment* – “studio or bachelor apartment” и др.

Одной из особенностей лексико-семантического заимствования в *CnE* из *CnF* О. Р. Оксентюк (1981: 16) считает наличие «англо-французской» синонимии в английском языке Канады вследствие калькирования уже функционирующих в *CnE* французских лексических единиц, проникших в него сначала в результате лексического заимствования, а затем претерпевших сдвиг в семантике под влиянием *CnF*, например: *mal de raquette* – “snowshoe-sickness”; *pomme de neige* – “snow apple”; *tripe de roche* – “rock tripe” и др.

Семантические галлицизмы, т. е. языковые единицы, заимствующие значения у эквивалентной французской лексемы, довольно широко представлены в *CnE*. Процесс семантического заимствования, как утверждает О. Р. Оксентюк (Там же: 14), приведший к изменениям в семантической структуре *CnE* некоторых общеанглийских слов, нередко происходит в той части страны, где проживает больше всего франко-канадцев (Нижняя Канада, сейчас – Квебек). По своей семантике данные заимствования в основном относятся к тематике, связанной с жизнью и деятельностью человека. Как отмечалось выше, семантические заимствования представляют собой:

а) изменения семантической структуры слова в результате включения дополнительного значения, представляющие собой семантические дублеты, т. е. лексические единицы, имеющие одно общеанглийское значение (*OA*) и отличное от него значение в *QE*. Например: *animator* – *OA* “a film cartoonists”, *QE* “someone who organizes a workshop, conference, or similar event”; *conference* – *OA* “a means of a group of people to discuss common interests”, *QE* “a lecture”; *global* – *OA* “worldwide, international”, *QE* “comprehensive, overall”; *ameliorate* – *OA* “make something easier or better in some way”, *QE* синоним “improve”; *determinant* – *OA* “determining factor”, *QE* “decisive”; *population* – *OA* “all the people

who live in a country or area”, *QE* “public”; *primordial* – *OA* “originating in the distant past”, *QE* “essential, fundamental”; *professor* – *OA* “a university teacher”, *QE* “a secondary school or community college teacher”; *bourgeois* – *OA* “conventionally middle class”, *QE* “wintering partner”; *delay* – *OA* “check, dawdle”, *QE* “deadline”; *formation* – *OA* “arrangement, compilation”, *QE* “training” и др.;

б) изменения значения слова в виде расширения или сужения одного или нескольких значений, например: *exposition* вместо “exhibition”; *accept* вместо “agree”; *to mush* вместо “to march” и др.

Итак, основной чертой лексико-семантической интерференции английского и французского языков Канады на современном этапе их контактирования является повышение частотности употребления, с одной стороны, заимствований-англицизмов в *CnF*, а с другой, что наиболее важно, – заимствований-галлицизмов в англоязычных контекстах, имеющих отношение прежде всего к провинции Квебек, где менее всего проявляется неравенство двух официальных языков Канады. Квебек представляет собой ареал наибольшего взаимовлияния и соприкосновения двух языков, объединенных в одну лингвистическую ситуацию. Данное взаимовлияние имеет далеко идущие социальные последствия.

Причем интересно отметить, что ряд лексико-семантических заимствований-галлицизмов, отражавших первоначально реалии провинции Квебек, начинают осознаваться англо-канадцами как относящиеся ко всей Канаде. Через местную разновидность английского языка *QE* языковые единицы проникают через речь билингвов и даже англофонов Квебека в национальный стандарт *CnE*. Можно предположить, что то или иное проявление особенностей языковой ситуации в речи билингвов и англофонов Квебека в виде отдельных вкраплений-галлицизмов, прямых заимствований из французского языка, семантической контаминации на основе французских лексических единиц находит свое отражение и на системном уровне языка. Свидетельством тому может служить присутствие указанных лексических единиц в авторитетных словарях *CnE*. Это, в свою очередь, отражает отличительные черты местной языковой нормы.

Грамматический уровень *CnE* оказался гораздо менее всего затронутым влиянием французского языка Канады. Среди наиболее заметных примеров данного ряда можно привести использование слова *Canada* в качестве прилагательного в обозначениях реалий национальной флоры и фауны (*Canada goose, Canada jay, Canada lily, Canada Thistle*), а также в названиях некоторых национальных учреждений (*Canada Council, Canada Development Corporation, Canada Labour Relations, Canada Post*). Здесь явно ощущается влияние морфологии французского языка. Интерференцию со стороны французского синтаксиса, например, можно увидеть в особом порядке слов в названиях некоторых министерств и ведомств правительства Канады (*Environment Canada, Revenue Canada, Statistics Canada* и др.). О. Р. Оксентюк (1981: 7) также отмечает присутствие английского определенного артикля, предшествующего некоторым названиям учреждений Квебека. Иногда после артикля может идти английское определение, например: *The fledgling Sundy cat des travailleurs fédéraux québécois*. Это, по мнению исследователя, свидетельствует о значительной степени интегрированности этих галлицизмов и, следовательно, обязательности их в системе английского языка Канады.

Ч. Боберг (Boberg 2005), изучающий влияние французского языка на английский язык в Монреале, отмечает, что данное влияние распространяется далеко за пределы заимствования простых слов и затрагивает также и синтаксис англофонов Квебека. Например, некоторые жители Монреаля говорят *I'm living here three years* или *It's the first time I see that* (что является прямым переносом с французского) вместо *I've been living here for three years* или *It's the first time I've seen that*. Студенты часто употребляют *They got eight on 10 on a homework* вместо *Eight out of 10* и т. д.

В области фонетики также наблюдается определенное воздействие на *CnE*, особенно на его региональный вариант *Quebec English*, со стороны *CnF*. Как отмечает Л. Г. Попова (1978: 86–87), французские слова, будучи заимствованы английским языком Канады, подвергались, как правило, фонетической ассимиляции. Канадский английский заимствовал много французских слов, оканчива-

ющихся на *é* (*ée*), таких как: *guignolée*, *brulé*, *sagamité* и др. Вместо французского напряженного закрытого недифтонгического *é* англоговорящие канадцы произносят дифтонг /eɪ/. Фонетическая субституция наблюдается и у французских заимствований, оканчивающихся на *eau*, *eur*, когда долгие гласные во французском языке заменяются английскими дифтонгическими образованиями: например, /ou/ вместо напряженного заднего долгого /o:/; /ʊə/ вместо полуоткрытого лабиализованного округленного переднего ряда /ɜ:/ (*flambeau*). Фонетической ассимиляции подверглись также французские заимствования, оканчивающиеся на суффикс *-euse* (например, *fameuse*), имеющий два варианта произношения: /fə'mu:z/ и /fə'mɜ:z/. В *CnE* имеется целая группа французских заимствований, оканчивающихся на *eu*, которые также подверглись ассимиляции английским языком Канады. Буквосочетание *eu* произносится в *CnE* как /u:/ (например, в слове *bleu*). В ряде случаев фонетическая ассимиляция заимствованного слова распространяется и на ударение, например, существительное *barbote*, в отличие от французского, имеет ударение на первом слоге.

Наряду с ассимиляцией в *CnE* наблюдается и противоположный фонетический процесс реассимиляции. Так, ряд заимствований французского происхождения, ассимилированных *CnE* в тот или иной временной отрезок, подверглись реассимиляции и стали снова произноситься и писаться в соответствии с нормами французского языка Канады, например: *Canadien*, *Canadienne*, *Québec*, *voyageur* и др. При этом данные лексические единицы имеют в *CnE* дублиеты, пишущиеся и произносящиеся в соответствии с правилами канадского английского языка (*Canadian*, *voyager*). Слово *Québec*, например, имеет один вариант написания и несколько вариантов произношения. В отношении *Québec* следует также сказать, что реассимиляция привела к увеличению не только орфоэпических, но и орфографических вариантов-derivатов этого слова (*Quebecer*, *Quebecker*, *Quebecois*).

В целом, большинство заимствований французского происхождения либо ассимилированы *CnE* и произносятся в соответствии с нормами произношения

последнего, либо имеют орфографические дублиеты, близкие своим французским аналогам. При этом все варианты в равной степени употребляются в речи англо-канадцев в зависимости от контекста и коммуникативной ситуации.

Менее всего французское влияние сказалось на *супрасегментном* уровне английского языка Канады. Отмечаются единичные случаи воздействия такого французского явления, как сцепление и связывание, накладывающиеся на звучание английской фразы в целом, особенно в разговорной речи, прежде всего англофонов и уроженцев провинции Квебек. Данное накладывание придавало непрерывный характер звучания всей фразе, делая ее емкой и краткой.

Итак, в Канаде сосуществуют, вступая в контакт, два официально равноправных языка (английский и французский). При этом речь идет о национальных вариантах данных языков на территории Канады, которые в лингвистике обозначаются по-разному (территориальные, региональные, пространственные, географические и т. д.). Однако важным в плане функционирования обеих языковых разновидностей является наличие экзогlossной языковой ситуации в Канаде, т. е. соотношение между английским языком и другими (прежде всего французским) сосуществующими в данном ареале языками (Оксентюк 1988: 117).

Результаты указанной ситуации проявляются в особенностях языкового контакта французского и английского языков, способствующего формированию дивергентных (различительных) черт национальных вариантов английского *CnE* и французского *CnF* языков Канады. Наиболее существенным также представляется и то, что экзогlossная ситуация в Канаде оказывает влияние на особенности функциональной стратификации обоих вариантов национальных языков. Поскольку, когда речь идет о национальном языковом стандарте в Канаде, не стоит говорить только о норме *CnE* или *CnF*, а рассматривать всю совокупность норм двух официальных языков в этой стране.

По сути «взаимодействие двух языков, объединенных в одну лингвистическую ситуацию в Канаде» (Трещева 2007: 4), приводит к появлению особых локально-маркированных единиц и в *CnE*, и в *CnF*. Как известно, взаимодействие языков представляет собой сложный процесс, затрагивающий элементы как си-

стемного, так и речевого плана. Анализ последних, по мнению О. Р. Оксентюк, позволяет выявить современные процессы межъязыкового взаимодействия на территории Канады (Оксентюк 1981). Наиболее интенсивное иноязычное влияние неизбежно ведет к изменениям в контактирующих языках (Хапилина 2005: 31) и со временем может вызвать изменения в структуре последних и появление в условиях языкового контакта большого количества инноваций на разных уровнях языковой системы: фонетическом, лексическом и даже на грамматическом. Особую языковую разновидность представляет собой английский язык Канады. Помимо французской составляющей, *СnE* исторически и генетически связан с американским и британским вариантами английского языка, отсюда бидиалектный (двойственный) характер прежде всего его местной орфоэпической нормы.

ГЛАВА III

Канадский вариант английского языка

3.1. Лексикографический аспект *CnE*

Историю лексикографии в Канаде можно проследить вплоть до XVI века – начала создания первых глоссариев на материале лексики *CnE*. Первые англичане – торговцы пушниной и охотники – составляли списки необычных слов (глоссарии), которые они могли слышать от местного населения или французов-поселенцев. Глоссарии были призваны объяснить значения этих слов англичанам-британцам. Изначально обозначаемые как американизмы данные лексические единицы позднее вошли в обширный корпус канадизмов (маркированной лексики *CnE*). Позднее к ним присоединились слова, обозначающие понятия, созданные англоговорящими поселенцами в новых ситуациях, а также диалектизмы от вновь прибывавших в Канаду иммигрантов из разных регионов Британских островов. Эти лексические единицы дополнились многочисленными заимствованиями из языков иммигрантов-неангличан, а также коренных народов Канады и французов.

Самым известным считается глоссарий, составленный Дж. Картрайтом в 1792 году и содержащий 134 наименования-канадизма. Так с 1792 года и начинается изучение локально-маркированной лексики *CnE* (Considine 2003: 251). Канадизмы как лексические единицы спорадически появлялись то в британских, то в американских лексикографических источниках, но не в канадских. Ситуация начала меняться лишь к началу XX века в связи с публикацией С. Клапеном в 1905 году словаря *Nugent's Up-To-Date English-French and French-English Dictionary* (Clapin 1905). Этот словарь содержал американизмы в качестве входных единиц в своем англо-французском разделе (например, *sidewalk* вместо *pavement*) и в качестве толкований – во франко-английском разделе. Он впервые указал на сходство *CnE* и *AmE*.

В основном издавались билингвальные словари. Первым же монолингвальным словарем *CnE* стал *The Western Canadian Dictionary and Phrase Book* Дж. Сэндилендза, выпущенный в 1912 и 1913 годах и содержащий 853 и 1530 входных лексических единиц соответственно (Sandilands 1912). Данный лекси-

кографический источник стал толковым словарем для вновь прибывавших в Канаду иммигрантов-англичан (Considine 2003: 252). Большинство подобных словарей носили описательный характер (содержали множество орфографических вариантов написания одного и того же слова, отражая нормы как *BrE*, так и *AmE*). И только с основанием в 1954 году Канадской лингвистической ассоциации (*Canadian Linguistic Association*) можно говорить о начале подлинной лексикографии в Канаде.

С 1954 года в свет вышла целая серия словарей (учебных, толковых, билингвальных, на исторических принципах и др.). Наиболее авторитетными считаются лексикографические источники двух издательств: канадского *Gage Ltd.* и британского *Oxford University Press*. Среди словарей *Gage Ltd.* особо стоит отметить «Словарь канадизмов на исторических принципах» (*A Dictionary of Canadianisms on Historical Principles*) под редакцией «пионера» канадской лексикографии У. Эвиса (DCHP 1967). В нем впервые приведена дефиниция единицы вариативной (дивергентной) лексики *CnE* (канадизма), DCHP 1967 содержит богатый этнолингвистический материал *CnE* (10439 локально-маркированных лексических единиц) и до сих пор считается одним из самых авторитетных лексикографических трудов в этой области. В DCHP 1967 вошли все слова и выражения, принадлежащие к разным сферам жизнедеятельности носителей английского языка в Канаде, употребляемые в речи на протяжении 400 лет. Этот словарь был составлен в лучших традициях «Большого Оксфордского словаря английского языка» (*The Oxford English Dictionary* (OED 1989)), «Словаря американского английского» (*The Dictionary of American English on Historical Principles* (DAENP 1951)), а также «Словаря американизмов» (*The Dictionary of Americanisms* (DA 1952)).

В 1973 году У. Эвис выпускает сокращенную версию «Словаря канадизмов на исторических принципах» (DCHP 1967) под названием *Concise Dictionary of Canadianisms* (CDC 1973). В предисловии к нему ученый дополнил и уточнил понятие канадизма как дивергентной единицы языковой системы *CnE*. С 2006 года рядом авторов во главе с С. Доллинджером ведется активная подготовка ко вто-

рому изданию словаря DCHP с учетом произошедших с 1967 года изменений и вновь появившихся канадизмов (*loonie, toonie, double-double* и др.). Особо стоит выделить и словари *Dictionary of Canadian English – The Senior Dictionary* (SD 1973), *Canadian Senior Dictionary* (CSD 1979), – на основе которых был в дальнейшем выпущен словарь *Gage Canadian Dictionary* (GCD 1983), выдержавший ряд изданий и остающийся в настоящее время одним из самых авторитетных словарей канадского английского языка, а также словари *Gage Canadian Thesaurus* (GCT 1998) и *Gage Canadian Concise Dictionary* (GCCD 2002).

Не менее плодотворной была работа издательства *Oxford University Press*. В 1998–2008 годах там вышло в свет под общей редакцией К. Барбер⁴ и Дж. Телфера (Telfer 2009) несколько изданий словаря *The Canadian Oxford Dictionary* (COD 1998, 2004), ставшего прекрасным дополнением к вышеуказанным словарям и надежным руководством по стилю и орфографии *CnE*. Среди изданий данного типа стоит отметить и авторитетное руководство по стилю, орфографии и печатной правке канадского варианта английского языка *Guide To Canadian English Usage* (Fee, McAlpine 1997; 2007), а также труд Л. Бертон с соавторами по редактированию *CnE* (Burton et al. 1987).

Специалисты отмечают, что два ведущих канадских лексикографических издательства *Gage Ltd.* и *Oxford University Press* с самого начала конкурировали. Эта конкуренция скорее мешала, нежели способствовала развитию лексикографии в Канаде. Появление в конце XX века словаря *Canadian Oxford Dictionary* (COD 1998) отодвинуло на второй план словари *Gage Ltd.*, которые еще в 80–90-е годы XX века считались незаменимыми справочными пособиями почти для каждого канадского журналиста, играли роль связующего звена между профессионалами и широкой общественностью (Абызов 2015; Gregg 1993).

К сожалению, сегодня в Канаде после долгого перерыва (с начала 1960-х годов) ни одно из издательств так и не делает попыток публикации лексикографических источников *CnE*, т. е. не занимается популяризацией местного языкового стандарта.

⁴ Не считая сборника канадизмов этого же автора (Barber 2008).

Gage Ltd. прекратило существование в начале 2000-х годов, а канадское представительство *Oxford University Press* было закрыто в 2008 году.

3.2. Лингвистические особенности *СпЕ*

3.2.1. К истории становления *СпЕ*

В истории распространения английского языка можно выделить три ключевых момента:

1) проникновение языка западногерманской группы племен (англов, саксов и ютов) из континентальной Европы на Британские острова в V–VI веках;

2) перенесение английского языка в Новый Свет с переселенцами из Англии в XVII веке, ставшее отправной точкой формирования его локальных вариантов и образования впоследствии британского и североамериканского языковых континуумов, а также одним из условий будущей глобализации;

3) придание английскому языку международного статуса (*lingua franca*) и нивелирование его до понятия *Global English*, с одной стороны, а с другой – стремление к национальной идентификации, самовыражению в эпоху глобализации и, как следствие, дальнейшая фрагментация, усиление процесса варьирования английского языка, возникновение все новых его разновидностей – «транснациональных» (Подстрахова 2010; Trudgill 2004) вариантов – в связи с глобализацией на рубеже XX–XXI веков.

Это касается не только многочисленных *World Englishes* (Mesthrie 2006; Pennycook 2010), но также и национальных вариантов английского языка (*Canadian English* прежде всего). Можно сказать, что глобализация способствовала усилению противоборства уже существующих национальных вариантов английского языка с американским английским, а в Канаде еще и с французским языком.

Сегодня, когда мир вступил в эпоху глобализации, необходимо по-новому взглянуть на традиционные вопросы языковой вариативности (Вишневская

1993b, 2009, 2013). В современном языке вариативность, или способность к постоянным изменениям, рассматривается в качестве одного из основных свойств любого естественного языка (Vishnevskaya 2000): причем вариативность – не изолированное свойство, а способ «существования и функционирования всех без исключения единиц языка», обнаруживающий «специфические черты в пределах каждого уровня» (Солнцев 1984) как в диахронии (в плане эволюции языковой системы), так и в синхронии (в плане функционирования языка).

Непременной основой вариативности является некоторый инвариант, сохраняющий тождество самому себе в серии видоизменений объекта и объединяющий эту серию в тождество более высокого ранга, в данном случае – в языковую систему. В любом языке постоянно происходят видоизменения частных при сохранении общего (инвариантного).

Термины «вариативность» и «вариантность» зачастую отождествляются лингвистами, но в рамках вариантологии (иначе, теории вариативности) следует разграничивать данные понятия. Так, Д. А. Шахбагова (1992) рассматривает два вида варьирования: варьирование единиц языка (вариативность) и более широкое варьирование языковой системы (вариантность). При этом вариативность можно трактовать как процесс изменения языка. Результатом вариативности является вариантность, выступающая в виде определенных вариантов данного языка.

Необходимо также разграничивать значения таких понятий, как «вариант», «инвариант», т. к. только при их дифференциации возможна сущностная характеристика понятия «вариант» (в частности, «вариант национального языка»). Исходя из узкой трактовки вариативности, представляется возможным рассматривать дихотомию «вариант-инвариант» как цепь взаимосвязанных и взаимообусловленных понятий, поскольку инвариант существует лишь при наличии его манифестаций – вариантов (Макаев 1962). Так, вышеуказанная дихотомия используется применительно к сфере вариантности, характеризующей существование разновидностей языка как равноправных сущностей (например, национальных вариантов любого полинационального языка, лишь в идеале соотносимых с

инвариантом – некой абстрактной межнациональной нормой, общей для всех национальных вариантов). При этом динамические изменения на различных уровнях полинационального языка следует отнести к сфере вариативности.

В настоящее время в мировой лингвистике накоплен обширный материал по так называемым полинациональным, иначе, негомогенным, языкам (английскому, немецкому, испанскому, французскому и др.), распадающимся в свою очередь на ряд национальных вариантов. Национальные варианты языка представляют собой совокупность частных систем (микросистем) «общего языка всей нации» (Ахманова 2013: 532), «полинационального языка» (Жлуктенко 1981: 17), национально «негомогенного языка» (Домашнев 1988: 96) или «единого национального языка» (Каспранский 1976: 228) как единой макросистемы, существующей в виде ряда практических реализаций. Каждая микросистема содержит общие с другими и специфические (дивергентные) признаки.

Всё вышесказанное справедливо и в отношении английского языка, который функционирует в форме не только местных (территориальных) диалектов, но и национальных вариантов. Каждый из его национальных вариантов обладает как общими (константными) особенностями на всех языковых уровнях (лексическом, грамматическом и фонетическом) единой макросистемы английского языка, так и специфическими национальными чертами во всех своих аспектах, свойственных микросистеме отдельно взятого национального языка. Всё это служит причиной широкой вариативности английского языка не только в территориально-пространственном (наличие множества национальных вариантов), но и в исторически-временном (лексическая, грамматическая, фонетическая и др. вариативность) отношении. При этом, как справедливо отмечают В. А. Васильев и Д. П. Венцкуте, «...фонетические межвариантные различия наиболее заметны и важны в коммуникативном плане, так как от них в первую очередь зависит степень взаимного понимания носителей различных вариантов данного языка» (Васильев, Венцкуте 1974: 148). Значительны также межвариантные расхождения на лексическом уровне, в плане образования локально-маркированных словарных единиц. Расхождения же между вариантами англий-

ского языка на грамматическом уровне, как правило, состоят в частотности употребления тех или иных грамматических форм, а также в том, что в каждом варианте развиваются свои собственные разговорные идиоматические выражения, то есть различия носят не конститутивный, а вариативный характер (Weiner 1985: 203).

Крайне актуальным на сегодняшний день оказалось изучение национальной вариативности английского языка, обусловленное прежде всего интенсивным и экстенсивным распространением двуязычия и многоязычия вследствие языковых контактов, заметно активизировавшихся на современном этапе в связи с усилением тенденций глобализации на основе американского варианта английского языка. При этом наиболее широко представлена в лингвистике национально-территориальная вариативность так называемых основных вариантов английского языка – британского и американского. Канадский же вариант английского языка (*Canadian English*) до недавних пор оставался вне поля зрения исследователей в силу не только объективных, но и ряда субъективных факторов. *Canadian English* в течение долгого времени существовал в тени американского английского языка (*American English*), диалектом которого он незаслуженно считался. Однако, согласно некоторым данным (Bauer 2002: 14), английские колонисты-переселенцы сначала появились в Канаде (1583) и только спустя год на территории современных США. Перенесение английского языка на новые территории послужило отправной точкой формирования его североамериканской ветви, изначально ассоциируемой лишь с *American English*. И только во второй половине XX века ученые заговорили о североамериканском языковом единстве, включающем не только *American English*, но и *Canadian English* как самостоятельный национальный вариант английского языка (Владимирова 2001). Североамериканское языковое единство, объединяющее *American English (AmE)* и *Canadian English (CnE)*, противостоит, в первую очередь в плане лексики и фонетики, британскому языковому единству, включающему *British English* и *New Zealand English*.

Робкие попытки научного изучения «иной» разновидностей английского языка на Северо-Американском континенте предпринимались зарубежным

языкознанием еще в XIX веке, однако серьезное исследование *CnE* началось лишь после Второй мировой войны. В 1954 году возникает Канадская лингвистическая ассоциация (*Canadian Linguistic Association – CLA*), целью которой стало подлинно научное изучение региолектов *CnE* и подготовка к изданию первых лексикографических источников «своего» английского языка.

В 1950–1960-е годы в Канаде развернулось издание статей, посвященных особенностям местной разновидности английского языка⁵. Важными источниками информации об английском языке Канады стали монографии М. Оркина (Orkin 1971) и Р. МакКоннел (McConnell 1978). При этом они не были серьезными научными трудами по *CnE*, их целью было лишь познакомить общественность в научно-популярном виде с новой разновидностью английского языка на Северо-Американском континенте.

Кроме указанных трудов, исследованию канадского варианта английского языка посвящены как статьи отдельных авторов (Ahrend 1934; Priestley 1951; Avis 1956, 1973a, 1973b, 1975, 1986; Chambers 1973, 1986, 1989, 1995, 1997, 1998a, 1998b, 2002, 2010; Gregg 1973, 1975; Allen 1975, 1989; Bloomfield 1975; Hamilton 1975; Joos 1975; Scargill 1975; Chambers, Hardwick 1986; Clarke et al. 1995; Pringle 1986 и др.), так и сборники статей под редакцией Дж. Чеймберса (Chambers 1975a, 1975b), С. Кларк (Clarke 1993), Дж. Эдвордза (Edwards 1998), Э. Голд и Дж. Макэлпин (Gold, McAlpine 2010) и др. В данных работах затрагивались отдельные вопросы: в частности, дискуссионный аспект территориальной вариативности *CnE*, проблема языковой ситуации на всей территории Канады (от северного до восточного побережья), социолингвистический статус и отличительные характеристики речи представителей разных возрастных групп насе-

⁵ Итогом данных изысканий канадских лексикографов стало появление в 1967 году «Словаря канадизмов на исторических принципах» (DCHP 1967) и серии словарей канадского издательства *Gage Ltd.: A Concise Dictionary of Canadianisms* (CDC 1973), *Dictionary of Canadian English: The Senior Dictionary* (SD 1973), *Canadian Senior Dictionary* (CSD 1979), *Gage Canadian Dictionary* (GCD 1983), *Gage Canadian Thesaurus* (GCT 1998), *Gage Canadian Concise Dictionary* (GCCD 2002) и др. В 1998–2008 годах британское издательство *Oxford University Press* выпустило в свет несколько изданий словаря *The Canadian Oxford Dictionary* (COD 1998, 2004).

ления крупных городов Канады (Ванкувера, Торонто и др.), а также ряд вопросов, связанных с фонологической системой канадского варианта английского языка. Однако в рамках и формате отдельных статей невозможно претендовать на всесторонний и исчерпывающий анализ такого лингвистического феномена, как *CnE*.

В начале XXI века данная разновидность английского языка все чаще стала попадать в поле зрения не только канадских ученых-англистов (Scargill 1977; Fee, McAlpine 1997, 2007; Hamilton 1997; Boberg 2000, 2005, 2008, 2010, 2011 и др.), но и европейских языковедов (Moreton, Thomas 2007; Dollinger 2008; Bednarek 2009; Lobunez 2009; Kirsten 2013; Skorupska 2013; Walker 2015 и др.), освещавших вопросы стиля, отдельных фонологических явлений в диахронии, а также морфологии, орфографии, лексики и семантики канадского варианта английского языка. Из названных работ наибольший интерес представляет известная монография Ч. Боберга (Boberg 2010). Эта книга стала итогом более чем полувекового исследования различных аспектов *CnE*, предпринятого рядом ученых, а также первой подлинно научной работой в области изучения лингвистических особенностей канадского варианта английского языка.

Большинство отечественных лингвистов ограничивались лишь эпизодическими замечаниями относительно *CnE* в своих трудах (Брозович 1967; Швейцер 1971 и др.). Среди немногих основательных исследований английского языка Канады стоит назвать работы Г. А. Поповой (1978) и Н. Н. Быхолец (1988), посвященные лексике *CnE*, Д. А. Шахбаговой (1992; Shakhbagova 1982), сосредоточившей внимание на сравнительном анализе произносительной системы английского языка (на материале британского, американского, канадского и австралийского вариантов), Ю. А. Жлуктенко (1981), выявлявшего существенные характеристики канадского национального варианта английского языка, О. Р. Оксентюк (1981, 1986, 1988), исследовавшей лексико-семантические особенности английского языка Канады в условиях двуязычия, О. Н. Морозовой (2004), описавшей аллофонное варьирование гласных канадского английского языка, А. А. Абызова (2005b), рассмотревшего фонетические характеристики

компрессированной речи на материале *CnE*. Рядом исследователей затрагивались лишь частные вопросы канадского варианта английского языка: функционирование французских заимствований в *CnE* (Ищенко 1977, 1980; Дудник 1986, 1988); отличия в употреблении простого условного наклонения (Касаткина 1973; Щур 1974), перфекта без вспомогательного глагола *have* (Дроздова 1973); формирование стандарта канадского варианта английского языка в рамках североамериканского языкового континуума (Бондаренко 1999); лексикографический аспект *CnE* в сравнении с другими национальными вариантами английского языка (Скибина 1996, 1998); лингвокультурологические аспекты национальных вариантов английского языка, канадского в частности (Ощепкова 2006); регионализмы в национальной лексико-семантической системе *CnE* (Бондаренко 2006) и др.

Несмотря на столь обширный объем литературы по различным аспектам английского языка Канады, тем не менее остается ряд спорных моментов и прежде всего в определении социолингвистического статуса *CnE*. Среди отечественных работ последних лет особого внимания заслуживает диссертационное исследование Д. В. Исаева (2015), посвященное вопросам становления и развития канадских вариантов английского и французского языков с фокусом на социолингвистическом аспекте функционирования двух контактирующих языков.

А. Д. Швейцер (1976: 25) при описании национальных вариантов языка учитывает не только объективные факторы, но и субъективные установки членов того или иного языкового коллектива. В понимании Ю. А. Жлуктенко и Н. Н. Быховец (Жлуктенко, Быховец 1981: 48), субъективные установки представляют собой собственные суждения и оценки разновидности языка, которым пользуется та или иная этническая общность, т. е. речь здесь идет о социальном статусе языка в обществе (Швейцер 1976: 26). Так, языковое самосознание англо-канадцев проявляется вполне отчетливо, а именно, в полном отсутствии интереса к собственной разновидности английского языка: большинство англоговорящих граждан Канады воспринимают свой язык просто как английский, не маркируя его ни национально, ни территориально. По словам М. Скарджилла

(Scargill 1955: 26), сами канадцы иногда даже не осознают, есть ли у них собственная культура и собственный язык.

Причины странного, на первый взгляд, отношения к родному языку и собственной культуре у англоговорящего населения Канады кроются в особенностях историко-культурного развития данной страны. В отличие от США автономия Канады от бывшей метрополии (Великобритании) проходила мирным (эволюционным) путем, поэтому спорный характер национального языкового стандарта никогда не считался большой проблемой в самой Канаде. Немалую роль в этом также сыграли антипатия канадцев к нормативным предписаниям в языковой политике и особое нежелание образовательных учреждений страны заниматься проблемами языковой стандартизации начиная с самого раннего периода становления *CnE* (Cumming 1997; Dollinger 2008). Дж. Чеймберс отмечал, что «...само понятие стандарт/стандарты чуждо, даже невыносимо для нашего национального характера» (Chambers 1986: 2–3). В то же время англо-канадцы противятся любому навязыванию стандартизации *CnE* извне (Bednarek 2009: VI). Если британская и американская языковые нормы четко дифференцированы, то для носителей канадского английского характерна приемлемость использования широкой вариативности языковых единиц в речи: произносительных, орфографических, лексических и др.

В Канаде на сегодняшний день сложилась своеобразная лингвистическая ситуация, наложившая особый отпечаток на формирование и развитие локальной разновидности английского языка. Лингвистическую ситуацию в Канаде отличает: во-первых, сосуществование и взаимодействие *CnE* с многочисленными языками (иммигрантов, коренных жителей страны – индейцев, эскимосов и др., а также французов, причем с французским языком прослеживается наиболее интенсивный и продолжительный по времени контакт); во-вторых, «бидиалектный» характер локальной языковой нормы, т. е. наличие в английском языке Канады разновариантных особенностей, в первую очередь – британского и американского английского. Подобная противоречивость напрямую связана с историческими условиями формирования английского языка в Кана-

де. Дело в том, что к моменту широкой английской экспансии в Канаду, по мнению Д. А. Шахбаговой (1992), уже сложились нормы *American English* и *British English* и канадский вариант соотносился одновременно с этими двумя эталонами, чем и объясняется его двойственный характер. В основе *CnE* на начальном этапе его становления лежал английский язык так называемых «лоялистов», бежавших на север из мятежных США в конце XVIII века (в основном жителей восточного побережья США: востока Новой Англии, Нью-Джерси, запада Пенсильвании и Нью-Йорка) и основавших Верхнюю Канаду (будущую провинцию Онтарио). Однако в еще большей степени, по мнению Ч. Боберга (Boberg 2010: 244), на формирование английского языка Канады оказали многочисленные диалекты иммигрантов с Британских островов первой половины XIX века, отправлявшихся в Канаду в поисках новых земель и возможностей (это в основном были жители Ирландии, Шотландии, а также севера, запада и юго-запада Англии). Таким образом, сначала английский язык Канады ориентировался на американский английский (диалекты Средне-Атлантического побережья США), а затем на британский английский (диалекты Ирландии, Шотландии, запада и юго-запада Англии). В результате указанных процессов в настоящее время для *CnE* более характерно существование не одного-единственного способа выражения какого-либо языкового явления, а сразу нескольких. При этом подобная двойная ориентация *CnE* (на британский и американский варианты) помогает сохранить его *national identity* по отношению к обоим указанным вариантам английского языка.

Вследствие неоднородности канадского варианта английского языка его социолингвистический статус по-разному оценивается как зарубежными, так и отечественными лингвистами. Стоит отметить, что после полувековой дискуссии по поводу статуса *CnE* даже сегодня некоторые англо-канадцы ставят под сомнение наличие собственной разновидности английского языка (Dollinger 2008: 11). Так, Ж. Лиллис на страницах журнала *English Today* заявляет, что *CnE* – это миф, специально выдуманый самими канадцами с целью самоидентификации (Lilles 2000: 5).

Впервые термин *Canadian English* прозвучал в одном из выступлений британского путешественника А. Гейки (1857), охарактеризовавшего *CnE* как «испорченный диалект» британского английского (Цит. по: Orkin 1971: 9). В 30-е годы XX столетия в зарубежном языкознании возобладала другая точка зрения, согласно которой английский язык Канады уже рассматривался как диалект *AmE* (Ahrend 1934: 136). М. Блумфилд (Bloomfield 1975: 6) выдвинул предположение о том, что *CnE* – это лишь видоизменённый американский английский XVIII столетия, в который проникли некоторые южноанглийские и шотландские черты. По мнению Я. Прингла (Pringle 1986: 231), *CnE* – это типично американская разновидность английского языка, в основу современного национального стандарта которого лёг язык так называемых американских «лоялистов», основавших южные города провинции Онтарио. Некоторые ученые подкрепляют свое мнение еще и тем, что граница между Канадой и США длиной в 3000 миль никогда не рассматривалась с лингвистической точки зрения (Maskey 1998: 13). Таким образом, *CnE*, как утверждают вышеназванные исследователи, не имеет самостоятельного национального статуса. Есть учёные, которые рассматривают *CnE* как «гибрид», образованный в результате смешения британского и американского вариантов английского языка (Dean 1963: 282; Fortin 1988: 49).

Однако существуют и иные взгляды канадских исследователей на природу *CnE*. Первым о самобытном характере канадского английского заговорил Ф. Пристли (Priestley 1951: 78), писавший о том, что «...первая половина XX столетия вызвала появление особого канадского национального характера и особого канадского языка», несмотря на одинаково сильное влияние на него со стороны как американского, так и британского английского языка. Известный канадский лингвист и лексикограф У. Эвис, рассматривая *CnE* как продолжение северного диалекта США, приходит к выводу о том, что «...английский язык Онтарио (и, конечно, всей Канады) не является ни американским, ни британским, а представляет собой комплекс, отличающийся от обоих многими особенностями словаря, грамматики и произношения» (Avis 1956: 55). В более поздней работе

этот же лингвист писал о *CnE* как о «...сплаве языков Америки и Англии, к которому прибавилось много специфических признаков типично канадских» (Avis 1973b: 62). Другой канадский учёный М. Скарджил, также отстаивающий тезис о самостоятельности английского языка Канады, заявляет, что «...канадский английский – это не смесь британского с американским. Он существует сам по себе и обязан своим существованием канадцам, которые сделали его таковым, каков он есть» (Scargill 1977: 10). По мнению Ч. Боберга, *CnE* – это разновидность английского языка, которой пользуются люди, родившиеся в Канаде (Boberg 2010: 25). Еще один представитель первого поколения канадских ученых-языковедов, Г. Аллен, призывает к серьезному изучению *CnE* как особой разновидности английского языка со своими отличительными признаками (Allen 1980: 36). В то же время среди канадских лингвистов всё больше укрепляется точка зрения на *CnE* как на особый национальный вариант английского языка (Pratt 2002: 7). Именно в совокупности разновариантных особенностей, проявляемых английским языком Канады, и заключается его уникальность (Burton et al. 1987: 7).

Лингвистический статус *CnE* в отечественной науке о языке определяется по-разному. В исследовании Д. Брозович (1967: 18) английский язык Канады не признаётся в качестве особого варианта. Учёный относит его к так называемой «зоне», т. е. ареалу, без «чёткой дифференциации, где скрещиваются разные особенности вариантов». А. Д. Швейцер (1971: 18) также включает Канаду в число «зон», в которых «...английский язык проявляет мало своих собственных черт и в то же время подвергается давлению со стороны как британского, так и американского вариантов с явным преимуществом черт последнего». О невозможности сделать окончательный вывод относительно «лингво-территориального статуса» английского языка Канады на данном этапе его развития заявляет А. И. Лысенко (1979: 136), отмечая, что национальный вариант *CnE* находится в процессе становления. О. А. Морозова (2004: 51) также подвергает сомнению социолингвистический статус *CnE* как самостоятельного варианта английского языка, ссылаясь на наличие немногочисленных черт в фонологии, отличающих его от *AmE*.

Однако большинство отечественных учёных рассматривают *CnE* как самостоятельный вариант английского языка, содержащий, с одной стороны, черты литературного языка Англии и США, а с другой – свои лингвистические особенности (Беляева, Потапова 1961: 51; Жлуктенко, Быховец 1981: 47). В концепции Л. Г. Поповой *CnE* предстаёт как «...дискретная микросистема или отдельный вариант литературного языка, занимающий промежуточное положение между *AmE* и *BrE* и тяготеющий в большей степени к американскому варианту» (1978: 20). При этом учёный сосредоточивает всё своё внимание только на литературном языке канадского варианта, а все нелитературные языковые средства, используемые на территории Канады, выводит за пределы *CnE*.

Более широко *CnE* трактуется Н. Н. Быховец (1988: 15–16), которая рассматривает его как национальный вариант английского языка, имеющий свои особые структурные черты (собственный вариант литературного языка, в основе которого лежит местная норма, территориальные диалекты, повседневный разговорный язык).

Новым в концепции Д. А. Шахбаговой стало синхронное и диахронное описание перекрещивающихся систем двух или более вариантов одного и того же языка. Отмечая промежуточный характер *CnE* между *BrE* и *AmE*, Д. А. Шахбагова (1992: 27) утверждает, что произносительная норма *CnE* находится на пути к стандартизации. Учёный приходит к следующему весьма важному, на наш взгляд, выводу: «Сравнительный анализ путей схождения и расхождения национальных вариантов английского языка даёт нам основание полагать, что ныне каждый из означенных вариантов следует своему собственному пути развития» (Shakhbagova 1982: 119).

В литературе распространено общее мнение о полном отсутствии территориальных диалектов в Канаде и удивительной однородности английской речи на всём протяжении страны (Priestley 1951: 75). Рассматривая проблему однородности *CnE*, С. Доллинджер уточняет данное понятие и связывает его с вопросом о национальном языковом стандарте в Канаде (Dollinger 2008: 13). Стоит отметить, что название, характеристика и объем понятия «национальный

стандарт» *CnE* менялись со временем в концепциях разных исследователей. Так, по мнению У. Эвиса, основу национального языкового стандарта Канады, обозначаемого им как общеканадский (*General Canadian*), составил ранний диалект жителей провинции Онтарио, или бывшей Верхней Канады (Avis 1973b: 62). В работах другого видного канадского социолингвиста Дж. Чеймберса национальный стандарт обозначается термином *Heartland Canadian English* – «центральноканадский английский» (Chambers 1973). Он распространен от Кингстона (провинция Онтарио) на северо-восток до Эдмонтона (провинция Алберта) к западу, вплоть до Скалистых гор, и на юг, до канадско-американской границы. Чуть позднее в область центральноканадского английского Дж. Чеймберс включил и речь жителей провинции Британская Колумбия. Впоследствии многие канадские лингвисты перешли от чисто территориального к социальному принципу описания национального языкового стандарта Канады. Так, в работах социолингвистов появилось понятие *Standard Variety* вместо *General Canadian* и *Heartland Canadian English* соответственно. Например, Р. Грегг (Gregg 1973: 105) полагал, что в основу национального стандарта легла речь большинства населения Канады. Особенно быстро *Standard Variety* распространяется среди молодого поколения (Avis 1986: 216). С точки зрения Г. Вудза (Woods 1979: 58), «...общеканадский является стандартным вариантом, на котором говорят в большинстве провинций Канады от реки Оттава до Тихого океана; это диалект, принятый на национальном радио и телевидении; его используют в речи выпускники университетов. Это также диалект большинства городского населения Канады». Дж. Чеймберс, уточняя понятие национального языкового стандарта и основываясь на материале фонологических исследований, проведенных им в крупных городах (прежде всего в провинции Онтарио), вводит понятие «стандартный акцент» (*standard accent*) применительно к *CnE*, который, по мнению автора, распространен среди англоговорящих представителей среднего класса крупных городов Канады во втором поколении, исключая (по историческим причинам) жителей острова Ньюфаундленд, Атлантических провинций (Новая Шотландия, Нью-Брансуик, остров

Принца Эдуарда) и франкофонный Квебек (Chambers 1998a: 252). Похожей точки зрения придерживаются авторы авторитетного руководства по стилю, орфографии и печатной правке канадского варианта английского языка *Guide To Canadian English Usage*, в котором приводится дефиниция слова *standard* применительно к *CnE*: “*Standard Canadian English is used in the media, taught in the education system, and understood from region to region*” (Fee, McAlpine 1997: 469). Далее авторы указанного пособия утверждают, что стандартный английский язык используется по большей части образованными слоями городского населения Канады с присущими им фонетическими, орфографическими, лексическими, а также грамматическими признаками. Стандарту противостоят региональные варианты *CnE* (особенно диалект острова Ньюфаундленд, Атлантических провинций, франкофонного Квебека) и просторечие (небрежная разговорная речь, прежде всего эмигрантов – неносителей нормы *CnE*). Подтверждение этому отчасти содержится в работах английских социолингвистов П. Традгила и Дж. Ханна, рассматривающих стандартные разновидности английского языка в мире. По мнению ученых, существует три региональных разновидности *CnE*: «однородный» *General Canadian*, «...охватывающий огромную территорию англоговорящей Канады от Виктории и Ванкувера на западе до Торонто, Оттавы и англоговорящего меньшинства на востоке страны» (Trudgill, Hannah 2002: 48). *General Canadian* (1-я разновидность *CnE*) отличают от речи жителей Атлантических провинций (2-я разновидность *CnE*) и от речи населения острова Ньюфаундленд (3-я разновидность *CnE*). Более поздние изыскания (Labov, Ash, Boberg 2006) указывают на наличие «общей фонетической изоглоссы» («канадского передвижения гласных» и «канадского подъема») в пространственном континууме к западу от Торонто до провинции Британская Колумбия. Область распространения «канадского подъема», однако, простирается от Торонто лишь до провинции Альберта. И снова в плане произношения выделяются Атлантические провинции и остров Ньюфаундленд. Таким образом, получается, что стандартный тип произношения *CnE* по определению присущ англофонам (а не франкофонам), родившимся и проживающим в крупных городах Канады

(прежде всего в Торонто, Ванкувере и др.) во втором и последующих поколениях, являющимся представителями среднего класса (Абызов 2015).

Сколько же канадцев владеют стандартным типом произношения? По мнению Ч Боберга (Boberg 2010: 107), *Standard CnE* представляет собой «...однородный/унифицированный тип канадского английского языка, которым почти повсеместно пользуется в речи подавляющее большинство англоговорящего населения страны». Утверждение об «удивительной однородности» английского языка Канады по всей стране имеет более чем полувековую традицию (см. об этом: Alexander 1951; Priestley 1951; Bloomfield 1975) и множество сторонников этой идеи прежде всего в самой Канаде. С. Доллинджер напрямую связывает проблему стандарта *CnE* с вопросом об однородности последнего почти на всем протяжении страны. Однородной при этом признается только речь носителей *Standard Variety of Canadian English* (Dollinger 2011: 5). Исходя из данных последней переписи населения Канады (2006), С. Доллинджер заключает, что *Standard Variety of Canadian English* владеют примерно 36 % населения страны (приблизительно 11 млн из 31 млн жителей Канады). Треть населения Канады, говорящего на *Standard Variety of Canadian English*, представляет собой внушительную часть. Подводя итог дискуссии относительно национального языкового стандарта в Канаде, С. Доллинджер заключает, что объем понятия *Standard CnE* намного шире, чем кажется на первый взгляд, поскольку средний класс Канады в настоящее время постоянно увеличивается, в том числе и за счет многочисленной армии детей иммигрантов, которые являются носителями не только *Standard Variety of Canadian English*, но и культурных ценностей новой родины, несмотря на культурные и языковые корни своих родителей (Ibid.: 6). С учетом всего вышесказанного более подходящим следует признать термин «национальный языковой стандарт» в наибольшей степени отражающим социальный аспект языка, являющийся самым важным при описании вариативности языковой ситуации (Швейцер 1976: 26).

Понятие языкового стандарта тесно связано с понятием языковой нормы. Согласно отечественному «Словарю лингвистических терминов» под редакци-

ей О. С. Ахмановой, норма – это «...принятое речевое употребление языковых средств, совокупность правил (регламентаций), упорядочивающих употребление языковых средств в речи индивида» (Ахманова 2013: 270). О. С. Ахманова по сути отождествляет понятия «норма» и «стандартный язык». Стоит отметить, что последняя дефиниция также принята в англоязычном языкознании.

Стандартный – это «...образцовый, нормированный язык, нормы которого воспринимаются как “правильные” и обязательные и который противопоставляется диалектам и просторечию» (Там же: 532). В русской традиции стандартный язык, как полагает О. С. Ахманова, – это то же самое, что и язык литературный, общелитературный, нормализованный, стандартный, правильный, соответствующий нормам образцового языка. Стандартизацией языка О. С. Ахманова называет «...сведение различных вариантов произношения, построения, морфологического изменения и т. п. к одному; выбор предписываемого образцового варианта как основы нормализации языка» (Там же).

Для англоязычной лингвистики более характерно употребление термина *standard*. В работе П. Стревенса (Stevens 1985) – одного из первых исследователей *World Englishes* – под языковым стандартом понимаются «нормы/каноны общепринятого языкового употребления». При этом П. Стренсен различает понятия «стандартный диалект» (охватывающий синтаксис, морфологию и лексику) и «стандартный тип произношения». Понятие «диалект» применительно к английскому языку в дальнейшем рассматривается Д. Кристалом (Crystal 2006: 298), который понимает его как диалект особого типа, лишенный какой-либо региональной культурной основы. Ни в грамматике, ни в лексике нет ничего, что бы указывало нам на региональное происхождение данного «диалекта». Комментируя трактовку П. Стревенса, Дж. Чеймберс (Chambers 1986: 2) связывает со стандартным диалектом грамматические и лексические особенности речи образованных слоев населения, а со стандартным типом произношения – произношение людей, не привязанное к какому-либо определенному региону или территории. Все приведенные выше замечания весьма существенны, на наш взгляд, для характеристики стандарта *SnE*.

Как известно, английский язык относится к национально негомогенным языкам, т. е. к языкам, обслуживающим разные нации. По справедливому замечанию Д. Брозович, «...национально негомогенный стандартный язык существует в принципе только как абстракция и практически и в письменной, и в устной форме реализуется в виде вариантов» (Брозович 1967: 17). В отношении английского языка это прежде всего национальные варианты, каждому из которых присущи свои нормы-стандарты. По мнению В. Н. Ярцевой, «...варианты английского литературного языка являются нормой для стран, где они употребляются» (Ярцева 1969: 250).

Норма канадского варианта английского языка имеет динамичный характер, что отмечается в недавно появившихся лексикографических источниках *CnE* и публикациях канадских социолингвистов второй половины XX века. Будучи исторически стабильной категорией, норма допускает варьирование языковых средств. Норма, подобно языку, находится в процессе постоянного изменения под влиянием как внешних, так и внутренних законов. Поэтому все отклонения, т. е. варианты, также необходимо учитывать при оценке нормативности. Дело в том, что для *Standard Canadian English* характерно не существование одного-единственного, а сосуществование нескольких способов выражения одного и того же языкового явления, что связано с историческими условиями формирования национального стандарта в Канаде. В наибольшей степени вариативность нормы *CnE* манифестируется на фонетическом ярусе, поскольку характерной чертой фонетической вариативности является то, что распределение допустимых нормой вариантов больше, чем на других уровнях (Шахбагова 1992: 57).

Как это ни парадоксально, но подобная вариативность способствовала удивительной унификации национального языкового стандарта на всей территории Канады, особенно в крупных городах (Торонто, Ванкувере и др.), что неоднократно отмечалось в литературе. Усилению процесса языкового нивелирования также, по мнению Н. Н. Быховец (1988: 16), способствовал рост внутренней миграции населения в периоды кризисов и во время Второй мировой войны. Неслучайно канадцы воспринимают свой язык как английский и не маркируют его ни нацио-

нально, ни территориально. В *CnE* речь идет о приемлемости или неприемлемости употребления в речи той или иной языковой модели. Возникающее в связи с этим многообразие в единстве не разрушает самой нормы, а делает ее более тонким инструментом отбора языковых средств (Розенталь, Теленкова 1985: 153).

В качестве причин самоидентификации и укрепления позиций национального стандарта в Канаде можно назвать новые социально-политические условия функционирования *CnE*. Это, во-первых, угроза распада страны вследствие обострения франко-канадского сепаратизма, во-вторых, усиление экономической и культурной «экспансии» со стороны «южного соседа» в лице США, которое не следует игнорировать. Последствия этой «экспансии» особенно ощущаются в речи молодёжи, тяготеющей ко всему американскому, в том числе к американскому типу произношения. Причины данного влияния можно объяснить как географической и генетической близостью двух стран и народов, так и все усиливающимися глобалистскими тенденциями по американскому образцу.

Важной составляющей любого национального языка также являются территориальные диалекты. Своеобразие *CnE* в этом плане заключается в том, что национальный языковой стандарт равномерно распространен на территории почти всей Канады, исключая небольшие островки диалектной речи. (Мы оставляем в стороне дискуссионный аспект территориальной вариативности *CnE*, поскольку эта проблема не входит в задачи данной работы⁶.)

Основываясь на социолингвистических исследованиях по указанной проблеме, можно выделить четыре «анклава» региональной речи на территории Канады (Dollinger 2008: 18–20):

- 1) диалект острова Ньюфаундленд;
- 2) диалект Атлантических провинций (Новая Шотландия, Нью-Брансуик, остров Принца Эдуарда);

⁶ Проблемы территориальной вариативности *CnE* широко освещаются в работах канадских социолингвистов. В первую очередь следует выделить сборники трудов под редакцией: Chambers 1975a; Clarke 1993; Gold, McAlpine 2010 и др. В фокусе нашего внимания находятся вопросы взаимодействия английского и французского языков на территории Канады.

3) диалект провинции Квебек (г. Монреаль);

4) центральноканадский диалект, ассоциируемый с национальным языковым стандартом, распространенный на обширной территории континентальной Канады к западу от провинции Онтарио, включая последнюю, и далее на запад страны, охватывая Манитобу, Саскачеван, Альберту и Британскую Колумбию.

Безусловно, в пределах указанных «анклавов» обнаруживаются более мелкие «очаги» местных диалектов (долины рек Оттава и Красная, г. Луненбург, расположенный на юге Новой Шотландии, юг Онтарио, Алберта и Манитоба, остров Ванкувер и др.). Особым «очагом» скорее межэтнической, нежели региональной, вариативности *CnE* следует считать северо-западные территории, Юкон, Нунавут, а также север провинций Британская Колумбия, Квебек и острова Ньюфаундленд. В этих малозаселенных регионах преобладает особый тип билингвизма, представляющий собой своеобразный «микс» английского языка и местных наречий коренных жителей-туземцев. К тому же, удаленность данных территорий плюс малый процент этнических европейцев (в данном случае англо-фонов) питает указанный тип билингвизма (Voberg 2010: 29). Тем не менее национальный языковой стандарт *CnE* признается как наиболее социально приемлемый на всей территории Канады от Виктории (Британская Колумбия) на западе до Галифакса (Новая Шотландия) и Сент-Джонса (Ньюфаундленд) на северо-востоке, исключая Квебек, где французский язык – это единственный официальный язык провинции (Clarke 1997: 31). В целом ученым Канады удалось собрать обширный языковой материал по диалектным различиям в рамках *CnE* и обобщить полученные данные с целью описания национального разговорного узуса.

Несмотря на обширную дискуссию в литературе относительно природы *CnE*, данная разновидность английского языка имеет не только общие с *BrE* и *AmE*, но и свои особые структурные характеристики. Как известно, в составе канадского английского существует собственный вариант литературного языка. В его основе лежит местная литературная норма, культивируемая и контролируемая системой школьного и университетского образования, а также средствами массовой информации и распространяемая ими. Данная норма распространяется

даже на те территории Канады, которые отличаются локальным своеобразием речи, близким к диалектному статусу (Avis 1973b: 51). В структуру нормы *CnE* входит также важный компонент – норма разговорного языка, реализуемая в норме разговорной речи, представленной в свою очередь разными регистрами (начиная с литературно-разговорной речи и заканчивая просторечием) и содержащей множество специфически канадских явлений, постепенно проникающих из нее в норму литературного языка Канады.

Итак, в современной лингвистике доминирует мнение о том, что в ареалах, подобных Канаде, язык не представляет собой чётко сформировавшейся единицы, поскольку здесь слабо выражен национальный признак, присутствуют особенности разных вариантов (*BrE* и *AmE*). С другой стороны, многие отечественные и зарубежные учёные признают существование национального стандарта в рамках *Canadian English*.

Во многом соглашаясь с положениями тех лингвистов, которые рассматривают *CnE* в контексте перекрёстного влияния на него как *BrE*, так и *AmE*, можно попытаться определить канадский английский как развивающийся по собственному пути и самостоятельно функционирующий национальный вариант английского языка с довольно широкой вариативностью употребления единиц всех уровней (лексического, грамматического и фонетического).

Именно наличие нескольких произносительных вариантов одного и того же слова, а также локально-маркированных (дивергентных) лексических единиц, с одной стороны, и общих с другими национальными вариантами лексических единиц – с другой, а также определённое варьирование на грамматическом уровне (затрагивающее морфологию и синтаксис), при этом равноправное функционирование всех вариантов (лексических, грамматических и фонетических) в *CnE* и составляют своеобразие и специфику последнего как национального варианта английского языка. В подтверждение этой мысли можно сослаться на мнение канадских ученых, которые полагают, что смешение категорий в канадском английском не только приемлемо, оно также конституирует канадский стиль (Burton et al. 1987: 7).

Из понимания национального *CnE* вытекает понятие канадизма как дивергентной единицы его языковой системы. Напомним, что уже в одном из первых лексикографических источников *CnE* – *A Dictionary of Canadianisms on Historical Principles* – содержалось определение канадизма как любого лингвистического признака (например, в произношении, морфологии, синтаксисе, лексике, правописании), характерного для английского языка Канады. «Характерный» в данном контексте означает «специфический, своеобразный, являющийся отличительным» (DCHP 1967: XIII).

В отечественной лингвистике, сосредоточившей основное внимание на лексике *CnE*, проблема «национально-специфического компонента» (Скибина 1998: 17) или «канадизма» рассматривается в основном применительно к лексике канадского варианта английского языка и решается весьма неоднозначно. Так, Л. Г. Попова понимает под лексическими канадизмами «...единицы, специфичные для канадского варианта и отсутствующие в американском и британском вариантах современного английского языка». Все остальные лексические единицы, которые, «...будучи единственными словесными обозначениями определённых явлений и предметов в английском языке», употребляются «и носителями английского языка Великобритании и США для выражения соответствующих понятий», учёный неоправданно считает «псевдоканадизмами» и не относит их к дифференциальным (вариативным) признакам канадской лексики (Попова 1978: 26–28).

Н. Н. Быховец понимает лексический канадизм более широко, в отличие от Л. Г. Поповой, и характеризует его как слово, словосочетание или значение, возникшее в Канаде или характеризующееся канадским употреблением, хотя оно может использоваться и в других англоязычных странах. Языковые же единицы, у которых лишь часть смысловой структуры специфична для *CnE*, Н. Н. Быховец называет «частичными» канадизмами, которые являются результатом семантического переосмысления как общеанглийских, так и заимствованных из других языков лексических единиц (Быховец 1988: 15, 20).

Авторами настоящей монографии «канадизм» рассматривается как *единица лексико-семантического, фонетико-орфографического и морфолого-грамматического уровней, характерная прежде всего для СпЕ. «Частичный» канадизм может функционировать также в одном или нескольких других национальных вариантах английского языка (чаще в британском и американском), но с разным статусом лингвистического употребления. При этом вариативность в дистрибуции «чистых» и «частичных» канадизмов выступает как особенность функционирования СпЕ.* В целом следует отметить, что канадизм как вариативная единица языковой системы канадского варианта английского языка прочно утвердил свои позиции в современной лексикографии, существенно расширив свое значение. Все это способствовало дифференциации «чистых» и «частичных» канадизмов, функционирующих на разных уровнях языковой системы СпЕ.

3.2.2. Характерные черты фонетики СпЕ

Как утверждает Б. А. Жигалёв (1984: 57), в организации фонетического яруса структуры языка лингвисты различают явления двух уровней: сегментного и супraseгментного (просодического). Сегментный уровень, в свою очередь, подразделяется на фонематический с определённым инвентарём фонем и фонетический (вариативный), состоящий из реализаций фонем-аллофонов.

Самым вариативным в СпЕ следует считать его фонетический ярус⁷. При этом в наибольшей степени дивергенция (вариативность) проявляется в области вокализма СпЕ, нежели в консонантной системе. В области со-

⁷ Примеры канадизмов сегментного уровня взяты в основном из работ: Шахбагова 1992; Цибуля 2000; Шепелина 2002; Абызов 2005b; Orkin 1971; Chambers 1973, 1989; Gregg 1975; Joos 1975; Vance 1987; Allen 1989; Clarke et al. 1995; Wells 2000; Jones 2003; Moreton 2007; Dollinger 2008; Boberg 2000, 2010; Nagiawara 2012 и др., а также из лексикографических источников СпЕ и АмЕ: *Gage Canadian Dictionary* (GCD 1983); *The Canadian Oxford Dictionary* (COD 1998, 2004); *Dictionary of American English* (DAE 2000); *Gage Canadian Concise Dictionary* (GCCD 2002); *Paperback Oxford Canadian Dictionary* (POCD 2004). Часть примеров приведена из звучащего корпуса СпЕ (Абызов 2005b).

гласных фонем наблюдается большая тенденция к совпадению произносительных норм *CnE* и *AmE*.

Наиболее вариативными, по мнению Д. А. Шахбаговой, оказываются проточные сонорные /w/, /r/, /l/, /j/, субстанционально близкие к гласным, а также ряд других согласных: /t/, /h/. Это «зона» так называемых периферийных согласных, которые характеризуются слабой «интеграцией, неустойчивостью, вариативностью» (Шахбагова 1992: 86). К этому перечню следует также добавить ряд щелевых согласных: /θ/, /ð/, /f/, /v/, /ʃ/. Сегментные единицы, близкие по звучанию в *AmE* и *CnE*, рассматриваются в данной работе в качестве «частичных» канадизмов на фонетическом уровне. Сюда прежде всего следует отнести особенности реализации следующих фонем:

1) ретрофлексный /r/, произносимый во всех позициях (например, перед согласной, как в слове *learn*, и в конечной позиции, как в слове *mother*);

2) особенности произнесения фонемы /t/:

- в интервокальной позиции:

а) слабая (звонкая) артикуляция [t̚], напоминающая по звучанию /d/. Однако в речи жителей Канады наблюдается чёткая корреляция между глухим и звонким аллофонами фонемы /t/. Об этом может свидетельствовать позиционная дистрибуция данной фонемы в *CnE*, связанная с так называемым «канадским подъемом» (*Canadian Raising*), в таких словах, как *writer – rider; pouter – powder*, при произнесении которых не происходит нейтрализации /t/ и /d/ только благодаря позиционной дистрибуции пар дифтонгов: [əɪ] vs /aɪ/, [ʌʊ] vs /aʊ/. Одни учёные связывают озвончение /t/ с наследием раннего новоанглийского периода (McConnell 1978: 28), другие – с североамериканской инновацией (Orkin 1971: 141);

б) «хлопающий» [t̪] в пределах фонематического слова и на стыке слов, как в словах *starting, forty, parties*;

- слияние «хлопающего» [t̪] и назального [n] приводит к образованию единого «хлопающего» назального [n] при его артикуляции в словах типа *painting, twenty, mountain*;

- глоттализация /t/ в быстрой речи перед незаполненной паузой в словах типа *dot*, *I think that*, *quite a bit*;

3) вариативность произнесения начального /h/, состоящая в отсутствии или присутствии данного звука в таких словах, как *herb*, *human*;

4) вариативный характер функционирования фонемы /ð/, имеющей как звонкий, так и глухой аллофон, в таких словах, как *without*, *with*, *withal*, *withdraw*, при этом в *CnE* преобладает глухой аллофон;

5) чередование звуков: /ʃ/ и /z/ – в словах типа *Asia*, *Persia*, *version*; /ʃ/ и /k/ – в слове *schedule*; /f/ и /v/ – в слове *nephew*; /s/ и /z/ – в слове *greasy*; [kʃ] и [gʒ] – в слове *luxury*. Все варианты произношения этих фонем фиксируются словарями (GCD 1983; COD 1998, 2004; GCCD 2002; POCD 2004 и др.).

К «чистым» канадизмам в области согласных в *CnE* на фонетическом уровне следует прежде всего отнести:

1) тенденцию к чередованию, точнее, одновременному произнесению звонких согласных /ð/ и /d/, характерную для жителей провинции Онтарио, например, в предложении: *Do you want this [ðis] or this [dis] one?* (*Distinguishing Accents 2004*);

2) реализацию среднеязычного палатализованного [ç] вместо глайда /j/ в словосочетаниях *your studies*, *you cango*, *you continue*, зафиксированную Г. Р. Шепелиной (2002: 93) у жителей провинции Британская Колумбия. По нашим наблюдениям, данное явление также довольно широко маркирует быструю разговорную речь жителей юга провинции Онтарио.

Однако в наибольшей степени дивергентные (вариативные) черты *CnE* как национального варианта английского языка проявляются в системе вокализма. Сравнительный анализ *BrE*, *AmE* и *CnE* показал довольно широкую вариативность системы вокализма в канадском варианте английского языка, выразившуюся прежде всего в продвижении гласных переднего и заднего ряда в направлении смешанного ряда и вызвавшую системные изменения количественного и качественного характера гласных фонем в *CnE* за счет так называемых

мого «канадского передвижения гласных» и «канадского подъема». В результате традиционная для *BrE* и *AmE* координатная сетка гласных в виде трапеции в *SnE* по форме больше напоминает треугольник.

В табл. 1 представлена система гласных фонем канадского варианта английского языка по ряду и по подъему в соответствии с данными акустического анализа, полученными канадскими учеными (Voberg 2010). Стрелки указывают направление смещения гласных в координатной сетке по «канадскому передвижению гласных».

Таблица 1

Координатная сетка гласных фонем канадского варианта английского языка

Подъем	Разновидность	Ряд				
		Передний	Передний, отодвинутый	Смешанный	Задний, продвинутый вперед	Задний
Высокий	Узкая					
	Широкая	i ↓		ɜr ← u		ɔr
Средний	Узкая		eɪ ↓		ʊ	oʊ
	Широкая			ɒ ɛɪ ʌ	ɑr	
Низкий	Узкая			æ→	aɪ aʊ	a ɒ
	Широкая					

Система гласных в канадском варианте английского языка характеризуется следующими особенностями.

1. *Широкая вариативность дистрибуции признака долготы-краткости гласных в SnE.* Английские гласные традиционно подразделяются на исторически долгие и исторически краткие. Однако это характерно скорее для системы

гласных фонем нормативного типа произношения британского варианта английского языка (так называемого *Received Pronunciation*). Иная ситуация наблюдается в *CnE*, где отсутствует четкая корреляция долготы-краткости гласных (Gregg 1975: 134; Joos 1975: 79), приводящая к сокращению их долготы, а следовательно, к появлению омонимии таких пар слов, как: *is – ease; cot – caught; sod – sawed; Sam – psalm; pull – pool* и др.⁸.

Сравнительный анализ инвентаря гласных фонем (на примере лексикографических источников) показал широкую вариативность дистрибуции признака долготы-краткости гласных в *CnE*. Наиболее последовательно омонимия гласных прослеживается в словах типа *cot – caught* и *sod – sawed*, в которых словари (COD 1998, 2004; GCCD 2002; POCD 2004) фиксируют краткий гласный /ɒ/⁹, отличный от аналогичного лабиализованного звука заднего ряда низкого подъёма в *BrE*, поскольку он занимает промежуточное положение между последним и соответствующим ему долгим нелабиализованным звуком заднего ряда низкого подъёма широкой разновидности /ɑ:/ в *AmE* (Швейцер 1971: 34).

Данный процесс связан с делабиализацией /ɒ/ > /ɑ/, а позднее и /ɔ:/ > /ɑ/. Таким образом, гласный /ɒ/ в *CnE* явился результатом тройного «слияния» гласных /ɒ/, /ɑ/ и /ɔ:/ (Voberg 2010: 126–127). Впервые делабиализация зафиксирована в Западной Пенсильвании. Затем данный процесс начал охватывать и всю систему вокализма *CnE*: «Если в *AmE* делабиализированное произношение

⁸ Для иллюстрации количественных характеристик гласных фонем *CnE* использованы три авторитетных словаря канадского варианта английского языка: *The Canadian Oxford Dictionary* (COD 1998, 2004); *Gage Canadian Concise Dictionary* (GCCD 2002); *Paperback Oxford Canadian Dictionary* (POCD 2004). В словарях используется транскрипция, принятая в системе *International Phonetic Alphabet*, с поправками на инвентарь фонем *CnE*. Гласные фонемы *CnE* сравнивались с таковыми в британском и американском вариантах английского языка по двум авторитетным произносительным словарям: *Longman Pronunciation Dictionary* (Wells 2000); *English Pronouncing Dictionary* (Jones 2003). Среди других источников: Абызов 2005b; Nagiwarra 2012 и др.

⁹ В инвентаре фонем *CnE* знак /ɒ/ используется для обозначения нелабиализованного гласного низкого подъёма несколько продвинутого вперёд ряда широкой разновидности.

существует пока лишь как аллофон /ɔ:/ в слове *thought*, то для *CnE* гласный /ɑ/ – фонема с чётким статусом в системе вокализма *CnE*» (Шахбагова 1992: 116).

Таким образом, неогубленный [ɑ] употребляется в рамках *AmE* лишь как аллофон гласного /ɔ:/, в то время как в *CnE* он получил свой фонологический статус. Кроме того, делабиализация /ɒ/ > /ɑ/, сопровождающаяся удлинением, привела к важным системным изменениям, вызвавшим сокращение релевантности признака долготы. Д. А. Шахбагова напрямую связывает системный характер делабиализации в системе вокализма *CnE* с отсутствием жестких норм в рамках канадского варианта английского языка (Там же: 117). Н. Б. Цибуля объясняет это слияние гласных в канадском английском тем, что «...переселенцы в Канаду в XIX веке перенесли с собой три варианта произношения таких слов, как *caught*, *bought*, *taught* и *sause*, существовавшие в британском английском к концу XVIII века: 1) /ɒ/, как в слове *not*; 2) /ɔ:/, как в слове *form* и 3) /ɑ:/, как в слове *farm*» (Цибуля 2000: 73). В результате этого в современном канадском английском мы имеем смешанный вариант данного звука, не различающийся по долготе-краткости. В *BrE* и *AmE* гласные в этих словах различаются не только по степени лабиализованности, характеру подъёма, но и по показателю долготы-краткости (в *BrE* /ɒ/-/ɔ:/, а в *AmE* /ɑ:/). Так, слова *caught*, *thought*, *crawl*, *calm*, *already*, *father*, *all*, *talk*, *fall*, *thought*, *authority*, *already*, *always*, *almost* и др. маркированы в *CnE* одним и тем же гласным низкого подъёма заднего, несколько продвинутого вперед, ряда широкой разновидности [ɒ]. Данную особенность можно рассматривать как вариант количественной редукции гласного звука. При этом явления количественной редукции сопровождаются явлениями качественного характера.

По нашим наблюдениям, тенденция к смешанному характеру произношения звука [ɒ] прослеживается главным образом у носителей литературной разновидности английского языка Канады: дикторов радио и телевидения, преподавателей университетов и т. д. Напротив, в разговорной речи (прежде всего в

речи молодого поколения) более заметна тенденция к американскому типу произношения данного звука, т. е. [ɑ:]. Здесь речь может идти о наличии социальной вариативности в рамках *CnE*.

Нарушение корреляции долготы-краткости гласных фонем в словах типа *is – ease, pull – pool* привело к образованию соответствующих гласных средней долготы [i] и [u], обозначенных в словарях *CnE* то долгими, то краткими аллофонами.

2. Так называемое «канадское передвижение» (Clarke et al. 1995: 209; Boberg 2000: 2, 2010: 126, 2011: 21–22; Labov, Ash, Boberg 2006), вызванное де-лабиализацией гласных заднего ряда низкого подъема в *CnE* и затронувшее гласный переднего ряда низкого подъема широкой разновидности /æ/. Данный процесс привел к «смещению» фонемы /æ/ в направлении смешанного ряда, на которое, вероятно, повлияло слияние фонем /ɒ/, /ɔ:/ и /ɑ/ в словах типа *aunt, ask, dance, path, grass, thought, father*. За этим последовало смещение краткого гласного переднего ряда верхнего подъема /ɪ/ и краткого гласного переднего ряда среднего подъема /e/ вниз по вертикали и далее по горизонтали к смешанному ряду, вызвавшее серьезные изменения в системе вокализма канадского варианта английского языка (Boberg 2011: 21). Так, традиционно гласный переднего ряда низкого подъема в *CnE* имеет тенденцию к образованию гласного смешанного ряда низкого подъема. При этом в *CnE* и *AmE* это качественно разные фонемы. Так, например, гласному в словах типа *lot, hot, solid, rock* в *AmE* будет соответствовать гласный в словах типа *trap, hat, salad, rack* в *CnE*. Благодаря «канадскому передвижению» гласный переднего ряда низкого подъема широкой разновидности /æ/ в *CnE* представлен тремя аллофонами ([ɑ], [æ] и [ɒ]), например: *sake* ['saki], ['sæki], ['sɒki]; *samba* ['sambə], ['sæmbə]; *altruism* ['ɒltrɪzəm], ['æltrɪzəm] и др. Ч. Боберг считает явление «канадского передвижения» самым ярким свидетельством идентификации *CnE* как национального варианта английского языка (Boberg 2010: 147). Стоит также добавить, что вариант произношения с /ɑ:/ является результатом позднейшего британского

влияния, поскольку первые переселенцы из Англии XVIII века не знали этого звука, они произносили звук /æ/ вместо /ɑ:/. Следует заметить, что звук /ɑ:/ отличается от подобного звука в слове *father* продвижением в пределах горизонтали по направлению к переднему ряду (по сравнению с глубоким гласным заднего ряда в данном слове (Цибуля 2000)).

3. *Вертикальное смещение фонемы /æ/ по направлению к гласному переднего ряда среднего подъёма /e/, но только до его более широкого коррелята [ɛ], как и в AmE, т. е. мы имеем здесь тенденцию к сужению. Однако в AmE подобный процесс наблюдается, как правило, перед звуком [r], за которым следует гласный в таких парах слов, как marry – merry и Barry – berry, где полностью отсутствует оппозиция фонем /æ/ и /e/ в одной и той же позиции. SnE в этом отношении демонстрирует тенденцию к большей вариативности и сужению данной фонемы не только перед согласным [r], но и перед [g] (в словах типа bag, gag, tag) и [n] (в словах типа bang, bank, band). Следует отметить, что данная тенденция не прослеживается в норме BrE, ибо здесь сохраняется оппозиция по подъёму: /æ/ – /e/. При этом канадцы старшего поколения следуют британской модели произнесения данного звука, а молодое поколение – американской.*

Таким образом, можно констатировать весьма широкие возможности вариативности фонемы /æ/ в канадском английском, что в наибольшей степени отражает специфику последнего. Более широкая вариативность данной фонемы в SnE по сравнению с другими национальными вариантами английского языка, как утверждает Ч. Боберг, служит прямым продолжением непрекращающегося изменения среднеанглийского краткого /a/ (Boberg 2010: 153).

4. «Нативизация» /ɑ:/ (Boberg 2000) в SnE, под которой подразумевается особый характер произношения заимствованных слов, содержащих гласный заднего ряда низкого подъёма широкой разновидности. Так, если в BrE и AmE в словах типа *pasta, Mazda, drama, taco* и др. по преимуществу произносится гласный заднего ряда низкого подъёма широкой разновидности /ɑ:/, то в SnE имеется сильная тенденция к образованию гласного смешанного ряда низкого

подъёма /æ/, что можно расценивать как результат «канадского передвижения» (Абызов 2014). При этом канадский лингвист Ч. Боберг отмечает растущее число канадцев, произносящих указанные слова со звуком /ɑ:/. Причиной такого выбора канадцев, по мнению ученого, служат «престижность», «книжность» указанных форм, а не близость к *AmE*: «Престижным среди канадцев становится вариант произношения, маркированный как “молодежный”, “трендовый”, но не как “американский”, поскольку жители Канады не хотят, чтобы *CnE* напоминал по звучанию *AmE*» (Boberg 2000: 23).

5. *Влияние «канадского передвижения», вызвавшее также диаметрально противоположный процесс, а именно: продвижение вперед по ряду традиционно долгого гласного заднего ряда высокого подъема /u:/ в направлении смешанного ряда в словах типа goose, too, do. В результате в CnE данный звук полностью совпал по ряду с гласным /æ/: оба гласных располагаются в пределах среднего ряда в рамках координатной сетки системы гласных фонем канадского варианта английского языка, различаясь лишь по подъему. Однако Ч. Боберг (Boberg 2010, 2011) указывает, что данная тенденция в целом характерна для североамериканского типа английского языка, однако если в AmE процесс продвижения гласного заднего ряда в направлении гласного смешанного ряда носит характер тенденции и затрагивает еще и гласные ядра дифтонгов /aʊ/ и /oʊ/, то в CnE – это системное явление, вызванное рядом других преобразований гласных («канадским передвижением», в частности).*

6. *Вариативный характер произнесения гласного среднего подъёма смешанного ряда /ʌ/, приводящий к «смещению» данного звука в пределах горизонтальной оси от нейтрального /ə/ до отодвинутого назад лабиализованного [o] (Швейцер 1971: 36–37). Дело в том, что звук /ʌ/ в CnE выше по подъёму соответствующего ему коррелята в британской норме Received Pronunciation (Шахбагова 1992: 126) и поэтому демонстрирует определённую тенденцию к вариативности в пределах горизонтальной оси, приближаясь при определённых условиях к гласному центрального ряда среднего подъёма, близкого по звучанию к фонеме /ə/. Так,*

Gage Canadian Concise Dictionary (GCCD 2002) фиксирует следующий вариант дифтонга /aɪ/ – /əɪ/ в словах: *wife* [wəɪf], *bite* [bəɪt], *ice* [əɪs].

Необходимо также отметить, что литературно-разговорную речь в *SnE* маркирует качественная редукция фонемы /ʌ/ > /ə/ не только в безударной (слабой), но и в ударной (сильной) позиции (преимущественно в знаменательных словах). Некоторые учёные (Полюшкина 2003; Brown 1984) рассматривают случаи редукции гласного в сильной (ударной) позиции в спонтанной разговорной речи. И. В. Полюшкина отмечает значительную качественную и количественную вариативность гласных звуков, выражающуюся, главным образом, в сокращении длительности гласного. Лингвистически релевантным фактором модификации ударного английского вокализма учёный считает темп речи (Полюшкина 2003: 14–15). Напротив, Дж. Браун объясняет явления редукции в слабой и в сильной позиции изменениями звукового строя языка, развивающегося в сторону упрощения (Brown 1984: 75).

Вслед за Дж. Браун, явления качественной редукции как в слабой, так и в сильной позиции объясняются в данной работе изменениями звукового строя языка, развивающегося в сторону упрощения¹⁰. Неполный тип литературно-разговорной речи *SnE* в этом отношении не является исключением, например: *muggy* ['mʌɡi], *summer* ['sʌmə], *Sunday* ['sʌndeɪ], *lunch* [lʌntʃ], *something* ['sʌmθɪŋ], *once* [wʌns], *just* [dʒʌst], *trouble* ['trʌbəl], *stuff* [stʌf], *drunks* [drʌŋks], *sometimes* ['sʌmtaɪmz], *much* [mʌtʃ], *sunny* ['sʌni], *distrust* [dɪ'strʌst], *mother* ['mʌðər], *such* [sʌtʃ], *country* ['kʌntri], *brother* ['brʌðər], *hundred* ['hʌndrəd], *number* ['nʌmbər], *colours* ['kʌlərz], *couple* ['kʌpəl], *money* ['mʌni], *frog* [frʌɡ], *dozens* ['dʌzənz], *month* [mʌnθ], *Monday* ['mʌndeɪ] и др. Как видно из примеров, редукции подвергаются, как правило, гласные (o, u).

7. Вариативность в дистрибуции ряда сужающихся дифтонгов (/aɪ/, /aʊ/, /oʊ/, /ɔɪ/, /eɪ/), выражающаяся в качественном изменении их ядра. Прежде всего

¹⁰ Данная звуковая модификация носит характер фонетической тенденции в знаменательных словах и встречается, как правило, в быстрой разговорной речи (Хоменко 1979: 19).

стоит остановиться на так называемом «канадском подъёме» (Chambers 1973, 1989; Joos 1975; Vance 1987; Allen 1989; Moreton 2007; Dollinger 2008; Boberg 2010 и др.), затрагивающим ядро дифтонгов /aɪ/ и /aʊ/ в позиции перед глухими шумными согласными /p/, /t/, /s/ и /f/. Дифтонги в таких словах, как *knife* и *stout*, имеют в качестве ядра гласную фонему /ʌ/ и произносятся как [ʌɪ] (или [əɪ]) и [ʌʊ] (или [əʊ]). Таким образом, явление «канадского подъёма» оказывается позиционно ограниченным. Следует отметить, что как в *AmE*, так и в *CnE* гласный [ʌ] заметно выше по подъёму, чем в *BrE*, то есть уже. И в канадском, и в американском английском данный звук демонстрирует определённую тенденцию к вариативности в пределах горизонтальной оси, варьируя от гласного среднего ряда, близкого по звучанию к нейтральному [ə], до отодвинутых назад лабиализованных разновидностей, приближающихся к [o] (Швейцер 1971: 36–37).

Вариант дифтонга [ʌʊ] в канадском английском языке настолько узок, что американцам, например, слова *house* и *out* слышатся как [hu:s] и [u:t] соответственно (Canadian English 2003). Однако явление «канадского подъёма» распространено и в США, особенно в северных и приграничных с Канадой штатах, и здесь речь уже идёт о влиянии канадского английского на американский английский язык (Vance 1987; Allen 1989). Дж. Чеймберс указывает на неравномерный характер распространения данного явления в США. Так, в Вирджинии и других юго-восточных штатах встречается только «подъём» дифтонга /aʊ/, а на севере, напротив, – дифтонга /aɪ/ (Chambers 1989: 77).

Существуют различные мнения относительно причин «канадского подъёма». Дж. Чеймберс и другие канадские лингвисты, например, полагают, что данное фонетическое явление принесли с собой в Канаду «лоялисты» из мятежных США, однако «канадский подъём» довольно широко распространён и в тех провинциях (к примеру, в Новой Шотландии), где лоялистское влияние было наименьшим. Историческая фонетика напрямую связывает «канадский подъём» с Великим передвижением гласных, имевшим место в Англии в XV–XVI веках. Так, во времена Чосера в словах *out* и *house* произносился долгий гласный [u:],

как в слове *soon* в современном английском языке, а слова *knife* и *wife* произносились с долгим звуком [i:], как в слове *seen*. В дальнейшем происходит так называемый «перебой» в системе долгого вокализма, приведший к дифтонгизации долгих [u:] и [i:]. Но во времена У. Шекспира это ещё были не те дифтонги, которые мы слышим сейчас. Ядро дифтонга имело более закрытое произношение, а тело языка было более оттянуто назад. Когда к концу XVIII века процесс дифтонгизации закончился, то перед звонкими согласными ядро дифтонга стало более открытым и продвинутым ([aʊ] и [aɪ]), а перед глухими согласными сохранило своё качество ([ʌʊ] и [ɹɪ]). Именно такое качество произношения этих дифтонгов и принесли с собой в Канаду переселенцы с Британских островов в конце XVIII – начале XIX веков (Цибуля 2000: 71).

Качественные изменения дифтонга /ou/ заключаются прежде всего в монофтонгизации его ядра, приводящей к полной элиминации глайда и образованию монофтонга [o:] – лабиализованного гласного среднего, слегка приподнятого ряда, зафиксированного в ряде англо-канадских лексикографических источников. Так, в *Paperback Oxford Canadian Dictionary* (POCD 2004) монофтонг [o:] употребляется вместо дифтонга /ou/ в таких словах, как *no* [no:], *boat* [bo:t], *home* [ho:m] и др. Встречается также и произношение данных слов с дифтонгом, но с весьма ослабленным вторым элементом. Такой дифтонг по своему качеству больше по звучанию приближается к монофтонгу.

Р. Хагивара (Hagiwara 2012), ученый из Университета города Виннипега канадской провинции Манитоба, на материале ряда опытов с десятью взрослыми информантами – носителями *CnE* и по результатам акустического анализа, выявил более высокий характер произнесения ядра дифтонгов /ou/ и /ɔɪ/ в *CnE*. Кроме того, было установлено, что гласный ядра данных дифтонгов несколько далее отодвинут назад в канадском произносительном типе, что является характерной чертой произношения всех гласных заднего ряда в *CnE*.

Особенности реализации в речи *CnE* дифтонга /eɪ/ в словах *date*, *plate*, *same* и др. заключаются в более узком, а следовательно, и более высоком

произнесении ядра данного дифтонга по сравнению с британским и американскими типами произношения, что также явилось результатом продвижения гласного [ɪ] высокого подъема по вертикали в направлении к гласному среднего подъема [e] и далее по горизонтали к смешанному ряду, что подтверждается результатами акустического анализа, проведенного Р. Хагиварой. Это вызвано, как утверждает Ч. Боберг (Boberg 2010: 147, 2011: 21–22), «смещением» фонемы /æ/ ниже по ряду в вертикальном направлении и далее по горизонтали в направлении смешанного ряда. В целом следует отметить весьма вариативный характер реализации в *CnE* фонемы /e/, имеющей аллофоны от узкого, приведенного в качестве примера ядра дифтонга /e/, до более широкого монофтонга переднего ряда среднего подъема [ɛ] в словах типа *Mary – marry – merry, Barry – berry*.

8. Явление эпентезы гласного в конечном слоге в таких словах, как *pencil* ['pensəl], *able* ['eɪbəl], *bottle* ['bɒtəl] и др. Данное явление довольно ярко маркируется в *CnE*, в то время как в *AmE* и *BrE* оно носит факультативный характер. В качестве одной из причин произнесения эпентетического гласного в *CnE* можно рассматривать требование литературной нормы *CnE*, проводником которой в Канаде является Канадская вещательная корпорация (*Canadian Broadcasting Corporation – CBC*). Именно *CBC* предписывает нормативность произношения того или иного слова в Канаде (Orkin 1971: 121). С другой стороны, данное явление можно связать с особенностями акцентуации в *CnE* и *AmE*. О наличии или отсутствии эпентетического гласного в *CnE* также можно судить по маркированию последнего в словаре *Gage Canadian Concise Dictionary* (GCCD 2002) у слов типа *celery* с вариантами произношения ['seləri] и ['selri].

9. Качественная редукция безударных гласных /ɪ/ и /ʊ/ в середине слова в *CnE* (в отличие от нормы *BrE*, где данное явление не отмечено). В *AmE* также наблюдаются случаи качественной редукции безударного гласного /ɪ/, однако весьма непоследовательные.

Например:

	<i>BrE</i>	<i>AmE</i>	<i>CnE</i>
<i>alligator</i>	[ˈæliɡeɪtə]	[ˈæliɡeɪt̬ə]	[ˈæləˌgeɪt̬ər]
<i>compliment</i>	[ˈkɒmplɪmənt]	[ˈkɑːmpləmənt]	[ˈkɒmpləmənt]
<i>dulcimer</i>	[ˈdʌlsɪmə]	[ˈdʌlsɪmə]	[ˈdʌlsəmər]
<i>education</i>	[ˈedʒʊˌkeɪʃən]	[ˈedʒʊˌkeɪʃən]	[ˈedʒəˌkeɪʃən]

10. *Наличием в CnE (так же, как и в AmE) так называемых «ретрофлексных гласных»* [əɾ] и [zɾ], чуждых *BrE*. В словах типа *first, bird, sister, brother*, а также *hurry, courage, worry, derby, flurry*, где в *BrE* перед /r/ традиционно звучит /ʌ/ или /ə/, т. е. произносится гласный смешанного ряда среднего подъёма, позиционно соответствующий /ɜ:/ или /ə/, но со специфическим r-образным оттенком (r-colouring), который получается за счёт поднятия кверху переднего края лопасти языка и ретрофлексного положения кончика языка (Швейцер 1971: 35). Звук /r/ также произносится в сочетаниях [ɑ+r] > [ɑɾ], [ɔ+r] > [ɔɾ] в словах типа *car, four*. Для *CnE*, так же, как и для *AmE*, чужда вокализация /r/ в сочетаниях [ɪ+r] > [ɪɾ], [ʊ+r] > [ʊɾ], [e+r] > [eɾ], характерная для стандарта *BrE* ([ɪə], [ʊə], [eə]), как в словах *here, poor, pair*. Вокализация /r/ имела место в британском варианте в конце XVIII века. Ретрофлексные [əɾ] и [zɾ] артикулируются одновременно с гласным, сливаясь с ним, а в словах типа *car, four* и др. согласный /r/ артикулируется после гласного.

Вариативный характер фонетической системы *CnE* наглядно демонстрирует особенности произношения не только отдельных звуков, но и слов. Анализ произносительных вариантов в словарях *CnE* (GCD 1983; COD 1998, 2004; GCCD 2002; POCD 2004) показывает, с одной стороны, широкую вариативность в выборе образца написания или произнесения того или иного слова, а с другой – «вернакуларизацию»¹¹ данных образцов, даже если предпочтение от-

¹¹ Под «вернакуларизацией» (*vernacularization*) в данном случае понимается принятие и закрепление локального значения той или иной лингвистической единицы, отличной от оригинального источника инновации (Halford 2008: 26).

даётся либо американскому, либо британскому типу произношения. Как правило, при наличии нескольких произносительных вариантов одного и того же слова предпочтение в *CnE* может отдаваться то американскому типу, как в словах *schedule* ['skɛdʒəl], *leisure* ['li:ʒər], *advertisement* [ˌædvər'taɪzmənt], *either* ['i:ðər], *neither* ['ni:ðər], *finale* [fə'næli] и др., то британскому, как в словах *charade* [ʃə'rɑ:d], *route* [ru:t], *hostile* ['hɒstail], *lieutenant* [lef'tenənt], *chassis* ['ʃæsi] и др. С другой стороны, может присутствовать только американская модель произношения, например: *solder* ['sɒdər], *adhere* [æd'hɪr], *bitter* ['bɪtər], *coarse* [kɔ:rs], *deciduous* [dɪ'sɪdʒuəs] и др. Иногда наблюдается сочетание американского типа произношения с британской орфографией, например: *aeroplane* ['ɛrpleɪn]. Весьма редки случаи типично британской орфоэпической модели в *CnE*, например: *ration* [ræʃ(ə)n].

В то же время в *CnE* существует довольно большое количество лексических единиц («чистых» канадизмов), иллюстрирующих канадскую орфоэпическую норму, например: *arctic* ['ɑ:tɪk]; *asphalt* ['æʃfɒlt]; *bury* ['bɜ:ri]; *garage* [gə'rædʒ], [gə'ræʒ]; *government* ['gʌvərmənt]; *kharki* ['kɑ:kɪ]; *radiator* ['rædi,eɪtər]; *absolve* [æb'zɒlv]; *fungi* ['fʌŋbi]; *longitude* ['lɒdʒgə'tud]; *placate* ['plækət]; *house* [hʌʊs]; *night* [nɪt], [nəɪt] и др.

В области орфографии *CnE*, как и в орфоэпии, наблюдается довольно широкая вариативность, вызванная смешением соответствующих норм национальных вариантов английского языка Англии и США (Skorupska 2013: 8). Канадцы никогда не используют правила британской орфографии при написании таких слов, как *gaol*, *kerb*, *tyre* (в *Canadian English* и *American English*: *jail*, *cerb*, *tire*). Однако, подобно британцам, канадцы удваивают *l* в конце слова перед суффиксом, как в словах *equally*, *modelling*, *traveller*.

Большинство жителей Канады и Британии предпочитают правописание *-ce* в существительных типа *defence* и *offence*. Британские нормы орфографии также предпочитают канадцами в таких словах, как *axe*, *catalogue*, *centre*, *cheque*, *fulfil*, *grey*, и, напротив, правописание *encyclopedia*, *judgment*, *plow*, *program*,

analyze отражает американскую модель. С другой стороны, та же «вернакуляризация» просматривается и в области орфографии *CnE* (Абызов 2014), где с 60-х годов XX века задан вектор на установление определенного локального стандарта в письменной речи: замена американского правописания на канадское, соответствующее британскому типу как наиболее престижному. Так, начиная с 1990-х годов редакция *Globe and Mail* (известного канадского национального периодического издания) заменила используемый ранее в течение столетия вариант написания *-or* на принятое «канадское» (а на самом деле британское) написание *-our*. Этой практике под нажимом читателей в 1997 году стала следовать еще одна канадская газета – *Toronto Star* (Dollinger, Clarke 2012: 454). При этом может сохраняться и американский тип произношения слов, написанных по правилам британской орфографии.

Вообще тенденция к «канадизации» всех сфер жизнедеятельности общества становится весьма популярной в Канаде с каждым годом. Поэтому, исходя из сложившейся тенденции, можно допустить, что в будущем *CnE*, с определенной долей вероятности, ожидает выравнивание написания по канадскому (= британскому) образцу ряда слов, следующих пока американской модели правописания (например, *jail, cerb, tire, encyclopedia, judgment, plow, program, analyze* и др.). Косвенным свидетельством этого служит наличие параллельных орфографических вариантов слов в лексикографических источниках канадского варианта английского языка.

Большой интерес также представляют вопросы акцентологии в *CnE*. Так, сопоставительный анализ системы словесного ударения в трёх национальных вариантах английского языка (британском, американском и канадском) выявил определённые типы вариативности акцентологии в *CnE*¹². Иллюстрациями послужили наиболее частотные акцентные типы структур в системе английского словесного ударения (дву-, трёх-, четырёх- и многосложные структуры), вклю-

¹² Обзор акцентных структур слов сделан по авторитетным лексикографическим источникам: *Dictionary of American English* (DAE 2000), *Gage Canadian Concise Dictionary* (GCCD 2002) и *English Pronouncing Dictionary* (Jones 2003). См. об этом: Абызов 2005а.

чающие распределение в них главного, второстепенного и третичного типов ударения (Шахбагова 1992; Gimson 1981 и др.).

Характер различий в системе словесного ударения позволяет распределить произносительные варианты английского языка по трём группам. К первой группе относится *BrE*, вторую группу образует *AmE*, а третью – *CnE*.

Межвариантный сопоставительный анализ показал, что инвентарь акцентных типов и структур слов совпадает в исследуемых вариантах английского языка. Расхождения затрагивают в основном дистрибутивные различия в использовании акцентных типов. Понятие акцентной структуры слова тесно связано с понятием акцентного типа слова.

Вслед за Г. П. Торсуевым (1977: 79–84), под акцентным типом слова здесь понимаются особые структурные единицы фонетической системы английского языка, складывающиеся из различного количества ударений в слове и различий в степени ударения слогов. Акцентная структура слова в пределах одного акцентного типа складывается из распределения ударений по слогам слова (Левина 2001).

Среди многообразия акцентных типов и структур в системе английского словесного ударения рассмотрим наиболее частотные, включающие распределение главного, второстепенного и третичного ударения в дву-, трёх-, четырёх- и многосложных структурах (Абызов 2005а).

1. Двусложные структуры с акцентными типами¹³:

а) общими для *BrE* и *CnE* (единичные случаи):

	<i>BrE</i>	<i>AmE</i>	<i>CnE</i>
<i>frontier</i>	[- ' -] / [² - -]	[- ' -]	[- ' -] / [² - -];

б) общими для *BrE*, *AmE* и *CnE*:

	<i>BrE</i>	<i>AmE</i>	<i>CnE</i>
<i>defect (n.)</i>	[² - -] / [- ' -]	[² - -] / [- ' -]	[² - -] / [- ' -];

¹³ Степени ударения обозначены следующим образом: главное – [²-], второстепенное – [- ' -], третичное – [² - , -]; при этом второстепенное ударение стоит до главного, а третичное после главного.

в) общими для *AmE* и *CnE*:

	<i>BrE</i>	<i>AmE</i>	<i>CnE</i>
<i>research</i>	[- ' -] / [ʔ - -]	[ʔ - -] / [- ' -]	[ʔ - -] / [- ' -];

г) более типичными для *CnE*:

	<i>BrE</i>	<i>AmE</i>	<i>CnE</i>
<i>rebel (n.)</i>	[ʔ - -]	[ʔ - -]	[- ' -].

2. Трёхсложные структуры с акцентными типами:

а) общими для *BrE*, *AmE* и *CnE* (единичные случаи):

	<i>BrE</i>	<i>AmE</i>	<i>CnE</i>
<i>abdomen</i>	[ʔ - - -] / [- ' - -]	[ʔ - - -] / [- ' - -]	[ʔ - - -] / [- ' - -];

б) общими для *AmE* и *CnE*:

	<i>BrE</i>	<i>AmE</i>	<i>CnE</i>
<i>cabaret</i>	[ʔ - - -] / [, - - ' -]	[, - - ' -] / [ʔ - - , -]	[, - - ' -] / [ʔ - - , -];

в) более типичными для *CnE*:

	<i>BrE</i>	<i>AmE</i>	<i>CnE</i>
<i>cavalcade</i>	[, - - -] / [ʔ - - -]	[, - - ' -] / [ʔ - - -]	[ʔ - - , -] / [, - - ' -].

3. Четырёхсложные структуры с акцентными типами:

а) общими для *BrE*, *AmE* и *CnE* (единичные случаи):

	<i>BrE</i>	<i>AmE</i>	<i>CnE</i>
<i>anybody</i>	[ʔ - - , - -]	[ʔ - - , - -]	[ʔ - - , - -];

б) общими для *AmE* и *CnE*:

	<i>BrE</i>	<i>AmE</i>	<i>CnE</i>
<i>aristocrat</i>	[ʔ - - - -] / [-ʔ - - -]	[-ʔ - - , -] / [ʔ - - - , -]	[-ʔ - - , -] / [ʔ - - - , -];

в) более типичными для *CnE*:

	<i>BrE</i>	<i>AmE</i>	<i>CnE</i>
<i>primarily</i>	[-ʔ - - -] / [ʔ - , - - -]	[-ʔ - - -] / [ʔ - , - - -]	[ʔ - , - - -] / [-ʔ - - -].

4. Многосложные структуры с акцентными типами, типичными для *CnE*:

	<i>BrE</i>	<i>AmE</i>	<i>CnE</i>
<i>ordinarily</i>	[ʔ - - - - -] / [, - - ' - - -]	[ʔ - - , - - -] / [, - - ' - - -]	[, - - ' - - -] / [ʔ - - , - - -].

Исходя из вышеприведённых примеров, представляется возможным сделать некоторые выводы относительно акцентных типов и структур в системе английского словесного ударения: 1) совпадение инвентаря акцентных типов слов в *BrE*, *AmE* и *CnE*; 2) дистрибутивные различия в использовании акцентологических типов в исследуемых вариантах английского языка; 3) вариативность акцентуации *CnE* в двусложных и многосложных словах; 4) совпадение акцентологических моделей *CnE* и *AmE* в трёхсложных и четырёхсложных словах.

По нашим наблюдениям¹⁴, в ряде слов происходит смещение ударения, отличное от нормы *BrE* и *AmE*. Например: *re'bel* (*n.*), *'cavalcade*, *in'tricacy* и др. Безусловно, данная проблема требует отдельного рассмотрения, особенно в плане сопоставительного анализа британской, американской и канадской произносительных норм.

Если сегментный уровень *CnE* довольно широко представлен в первую очередь в англоязычной лингвистике, то супraseгментный ярус фонетической системы канадского варианта английского языка до сих пор остаётся малоизученным. В зарубежном и отечественном языкознании доминирует мнение относительно сходства просодии *CnE* и *AmE*. Так, в области просодии *CnE* исследователями (Блумфилд 1968; Фесенко 1987; Шахбагова 1992; Schlauch 1964; Cruttenden 1997 и др.) отмечается несколько замедленный, растянутый и монотонный характер речи носителей данного варианта английского языка, обусловленный прежде всего особенностями структуры мелодического контура (волнообразно-ровный), а также растянутостью ударных и безударных слогов, способствующих особой ритмической организации *CnE*, приводящей к выравниванию ударных и безударных слогов во фразе.

Тем не менее супraseгментный уровень в *CnE* обладает своей спецификой, проявляющейся в определенной дистрибуции терминальных тонов, вариативности темпоральных и ритмических характеристик, распределении фразовых ударений, а также в синтагматическом членении фраз. В фокусе нашего внима-

¹⁴ Наблюдения сделаны на основе анализа лексикографических источников *CnE*: GCD 1983; COD 1998, 2004; GCCD 2002; POCD 2004 и др.

ния находятся специфические (вариативные) особенности интонации *CnE*, проявляющиеся прежде всего в разговорном узусе. В ходе экспериментально-фонетического исследования интонационного оформления по преимуществу квазиспонтанных и спонтанных диалогических текстов литературно-разговорной разновидности¹⁵ канадского варианта английского языка были выявлены следующие особенности *CnE* на супрасегментном уровне: преобладание в речи односинтагменных фраз, короткой синтагмы, ровного, умеренного темпа, преимущественно низкой громкости звучания, кратких пауз, ровной шкалы нескольких типов (собственно ровной, волнообразно-ровной и скользяще-ровной) среднего и низкого регистров в сочетании с низким нисходящим терминальным тоном, замедленным темпом произнесения и умеренной громкостью (Абызов 2005b).

Нельзя не признать, что самым вариативным в *CnE* является *фонетический ярус*, представляющий собой взаимодействие двух тесно взаимосвязанных друг с другом уровней: сегментного и супрасегментного. При этом наиболее вариативной, следовательно, дивергентной оказывается система вокализма *CnE*. Вокализм в канадском варианте английского языка ярко демонстрирует тенденцию к продвижению гласных переднего и заднего ряда в направлении смешанного ряда. Это, в свою очередь, привело к системным изменениям количественного и качественного характера в сегментике *CnE*. В области же согласных фонем наблюдается бóльшая тенденция к совпадению произносительных норм *CnE* и *AmE*. Супрасегментный уровень в *CnE* также обладает своей спецификой, проявляющейся, с одной стороны, в области акцентологии, а с другой – в просодии речи: в определенной дистрибуции терминальных тонов, вариативности темпоральных и ритмических характеристик, распределении фразовых ударений, а также в синтагматическом членении фраз. В области акцентологии также присутствует определенная вариативность в *CnE*.

¹⁵ Большая часть носителей *CnE* (по преимуществу представителей среднего класса Канады) пользуются в повседневном общении литературно-разговорной речью, являющейся составной частью национального языкового стандарта.

3.2.3. Лексические особенности *CnE*

Ныне не вызывает сомнения тот факт, что лексика, наряду с фонетикой, выражает специфические признаки национального варианта языка, поскольку именно этот аспект языковых систем наиболее чувствителен ко всяким переменам в коммуникативном сообществе и его окружении (Жлуктенко, Быховец 1981: 60). Именно лексика, включающая множество слов, составляет ту часть *CnE*, которая четко демонстрирует национальные особенности, присущие только этому варианту английского языка.

Выше уже упоминалось о трактовке лексического «канадизма» как дивергентной единицы языковой системы *CnE* в одном из ранних лексикографических источников *CnE* (ДСНР 1967), предложенной известным канадским лексикографом У. Эвисом и его коллегами. В Предисловии к словарю ученый отмечает, что подход, выбранный им и коллегами к языковому материалу, принципиально отличается от подхода лексикографов США (Ibid.: XIII). Главные отличия подходов обусловлены терминологическими различиями. Напомним, что У. Эвис и его коллеги приводят довольно широкую трактовку канадизма: как любого лингвистического признака (например, в произношении, морфологии, синтаксисе, лексике, правописании), характерного для английского языка Канады. «Характерный» в данном контексте означает «специфический, своеобразный, являющийся отличительным» (Ibid.). По мнению У. Эвиса, американские ученые трактуют «американизм» более узко: как «любое слово или выражение, которое произошло (возникло) в США» (Ibid.: XII).

В Предисловии к словарю данной серии *A Concise Dictionary of Canadianisms* У. Эвис, объединяя генетический и функциональный критерии, дал дефиницию единицы дивергентной лексики *CnE*. По его определению, «...это слово, выражение (словосочетание) или значение, возникшее в Канаде или характеризующееся отчётливо канадским употреблением, хотя оно может употребляться и в других англоязычных странах. К первой группе можно отнести *Winnipeg couch*, а ко второй – *chesterfield (sofa)*» (CDC 1973: VIII).

Во вступительной статье к словарю *Gage Canadian Dictionary* (GCD 1983) У. Эвис, уточняя понятие лексического канадизма, отмечает, что лексика в наибольшей степени отражает вариативную составляющую национального стандарта Канады. Это сотни и даже тысячи лексем, возникших либо в Канаде, либо характеризующихся особым канадским употреблением. Локально маркированные лексические единицы включают в себя топонимы, наименования флоры и фауны, реалии политики, экономики и быта Канады.

В словаре *The Canadian Oxford Dictionary* (COD 1998) канадизм рассматривается как лексическая единица, обязанная своим происхождением и существованием исключительно Канаде.

По мнению авторов словаря *Paperback Oxford Canadian Dictionary* (POCD 2004), канадизмы – это не только дивергентные единицы национального языкового стандарта Канады, но также и регионализмы. Употребление данных единиц имеет особые пометы в указанном словаре со ссылкой на ту или иную провинцию или территорию Канады.

Несколько иначе локально-маркированная лексика *CnE* понимается Ч. Бобергом (Boberg 2010: 115–116), трактующим канадизмы как лексические единицы, имеющие разные названия для одних и тех же явлений и предметов окружающей действительности в разных вариантах английского языка. Свою точку зрения ученый строит на данных опроса двух тысяч канадских информантов о частотности использования определенных лексем. Результаты, полученные Ч. Бобергом в ходе опроса, приводятся в табл. 2.

Лексические единицы, обозначающие уникальные реалии канадской жизни, являются исключительно достоянием истории, культуры и быта жителей Канады. Таких слов насчитываются тысячи, включая многочисленные топонимы-заимствования из языков коренных жителей Канады – индейцев. Напротив, процент истинных канадизмов, по мнению Ч. Боберга, ничтожно мал. Тем не менее их вполне достаточно для характеристики *CnE* как национального варианта английского языка на лексическом уровне. На наш взгляд, трактовка Ч. Бобергом единицы дивергентной лексики *CnE* носит слишком упрощенный

и узкий характер, поскольку специфику функционирования *СпЕ*, по мнению многих ученых, составляет *вариативность в дистрибуции* так называемых «чистых» и «частичных» канадизмов на всех уровнях языка.

Таблица 2

Частотность использования одинаковых лексем в *СпЕ*, *АмЕ* и *ВрЕ*

Канадизм	Частотность употребления, %	Американизм	Англицизм (бритицизм)
bachelor apartment	62	studio apartment	studio flat, bed-sitting room
bank machine	55	АТМ	cash dispenser
chesterfield	15	couch, sofa	settee, sofa
eavestroughs	55	gutters	gutters
grade one (etc.)	85	first grade	first form
parkade	33	parking garage	car park
runners	26	sneakers, tennis shoes	trainers, plimsolls
running shoes	28	sneakers, tennis shoes	trainers, plimsolls
scribbler	31	notebook	exercise book
washroom	50	bathroom, restroom	cloakroom, lavatory, loo, toilet, WC

Исходя из более широкого понимания вариативной (локально-маркированной) единицы лексического уровня, в настоящей работе принимается приведенное выше определение У. Эвиса (CDC 1973: VIII). На основе данного определения представляется возможным дать более широкую трактовку понятия «лексический канадизм», выделив в нем в свою очередь понятия «чистый» и «частичный»¹⁶. Под «чистым» лексическим канадизмом понимается лексический признак, являющийся характерным для английского языка Канады, а под «частичным» – единица лексико-семантического уровня, функционирующая прежде всего в *СпЕ*, а также в одном или нескольких других нацио-

¹⁶ Термин заимствован из (Быховец 1988: 20), где он впервые употреблён для характеристики лексических единиц, у которых лишь часть смысловой структуры специфична для *СпЕ*. Иными словами, «частичный» канадизм является результатом семантического переосмысления как общеанглийских, так и заимствованных из других языков лексических единиц.

нальных вариантах английского языка (чаще в британском и американском английском), но с разным статусом лингвистического употребления.

По мнению ученых, англо-канадская лексика носит типично «гибридный характер» (Бондаренко 1999; Woods 1985; Boberg 2010 и др.). Под «гибридностью» понимается наличие в канадском варианте английского языка интервариантных синонимов: *faucet* (*AmE*) – *tap* (*BrE*); *mad* (*AmE*) – *angry* (*BrE*) и др.

Тем не менее, как полагает М. В. Бондаренко (1999: 66), гибридность канадского варианта английского языка не является его единственной, самодовлеющей чертой. Весьма ощутимое влияние на *CnE* на лексическом уровне оказал американский английский. При этом указанное влияние не всегда ведет к образованию интервариантных синонимических пар, а просто заполняет коммуникативный интервал в сфере обозначения тех объектов, которые либо имеют американское происхождение, либо с самого начала истории североамериканского английского языка получили на территории всей Северной Америки номинацию, отличную от британской. Однако слой общей для *CnE* и *AmE* специфической лексики составляет лишь 9,6 % всего корпуса лексических канадизмов (Быховец 1988: 114). Традиционные первичные наименования наблюдаются при условии, если:

1) британский (либо общеанглийский) вариант отсутствует: *drugstore*, *drive-in*, *chainstore* и др.;

2) в канадском английском языке американская лексическая единица исторически закрепились в противовес британской: *sidewalk*, *streetcar*, *fall*. Особенно изобилует американизмами канадский вокабуляр в области автомобилестроения¹⁷: *detour* (*BrE: diversion*), *divided highway* (*BrE: dual carriageway*), *fender* (*BrE: mudguard*), *license plate* (*BrE: number plate*), *muffler* (*BrE: silencer*), *rental car* (*BrE: hire car*), *rest area* (*BrE: layby*), *turn signal* (*BrE: indicator*), *windshield*

¹⁷ Здесь и далее примеры лексических канадизмов взяты из работ: Быховец 1988; Абызов 2005а, 2005b; Orkin 1971; Avis 1973а; McConnell 1978; Hamilton 1997; Barber 2008; Telfer 2009; Boberg 2010 и др. Часть примеров взята из канадских лексикографических источников: DCHP 1967; CDC 1973; GCD 1983; COD 1998, 2004; GCCD 2002; POCD 2004 и др.

(BrE: *windscreen*) и др.; в сфере легкой промышленности: *pants* (BrE: *trousers*), *vest* (BrE: *waistcoat*), *jumper* (BrE: *pinafore dress*) и др. Появление вариативной для *CnE* и *AmE* лексики объясняется общностью как географической среды Канады и США (флоры, фауны, особенностей климата, рельефа), так и границы протяженностью более чем в 3 тыс. км. Не стоит забывать также и о тесной экономической интеграции этих двух стран;

3) оба интервариантных синонима несут разную функциональную нагрузку и имеют дифференциальный компонент значения: *prison* – «тюрьма» / *penitentiary* – «тюрьма строгого режима»; *headmaster* – «директор государственной школы» / *principal* – «директор частной школы» и др.

Безусловно, наличие гибридной лексики в канадском английском внесло определенный вклад в становление его как национального варианта английского языка. Так, за счет гибридной лексики *CnE* пополнялся «частичными» лексическими канадизмами, прежде всего североамериканизмами (общими для *CnE* и *AmE* лексическими единицами), а также единицами общеанглийской лексики (общей для всех национальных вариантов английского языка). Тем не менее вариантный статус *CnE* в первую очередь определяет наличие в нем особого слоя общеканадской (дивергентной) лексики – «чистых» канадизмов.

Особенности словообразования в *CnE*

Пополнение дивергентной лексики *CnE* начиная с XV века¹⁸ шло разными способами.

1. *Внутреннее словопроизводство*, включающее:

а) *словосложение* (409 лексических единиц¹⁹), в результате которого главным образом образовывались существительные и прилагательные по следующим моделям²⁰:

¹⁸ Конец XV века – время появления первых английских колонистов на территории Канады.

¹⁹ Количественные данные приводятся по DCHP 1967.

²⁰ Принятые сокращения: N – noun (существительное); A – adjective (прилагательное); V – verb (глагол).

- N+N: *spring-bird* – «певчий воробей», *ice-axe* – «инструмент для резания льда», *bulldozer-plough* – «бульдозер со снегоочистителем», *river-driver* – «плотгон» и др.;

- A+N: *thickwoods* – «дремучий лес», *Bighorn* – «снежный баран», *white-head* – «белоголовый орлан» и др.;

- V+N: *carry-place* – «речной волок», *drive-barn (shed)* – «помещение для хранения сельскохозяйственного инвентаря» и др.;

- N+V: *windbreak* – «защита от ветра» и др.;

- Gerund+N: *trenching tool* – «инструмент для резания льда», *travelling spectacles* – «очки от снежной слепоты» и др.;

б) *аффиксальные канадизмы* (481 лексическая единица), которые возникали в основном за счёт использования общеанглийских суффиксов и префиксов. Например: *Canadian Acadian* – «акадиец» (суф. *-(i)an*), *portaging* – «перетягивание лодок войлоком», *tobogganing* – «катание на санях», *lumbering* – «лесной промысел» (суф. *-ing*), *cornerer* – «плотник, вяжущий углы бревенчатого здания», *skiffer* – «рыбак, промысляющий на ялике» (суф. *-er*), *unlocated* – «незанятый (об участке)» (преф. *un-*), *interoceanic* – «трансконтинентальный» (преф. *inter-*) и др.;

в) *конверсию* (187 лексических единиц), при которой образование нового слова происходило путём перехода основы в другую парадигму словоизменения по следующим основным моделям:

- N→V: *cariole* – «вид легких саней» > *cariole* – «ехать на санях», *raft* – «плот» > *raft* – «плыть на плоту», *blaze* – «зарубка» > *blaze* – «делать зарубки», *snowmobile* – «мотосани» > *snowmobile* – «путешествовать на мотосанях», *fireguard* – «противопожарная полоса земли» > *fireguard* – «создавать противопожарную полосу земли» и др.;

- V→N: *hap* – «ставить капкан» > *hap* – «капкан», *march* – «ехать в каноэ и т. п.» > *march* – «поездка», *flanker* – «светиться, сверкать» > *flanker* – «искра с костра» и др. По этой модели образовалась особая группа отглагольных существительных, возникших от сочетания глагола с постпозитивом: *haul-out* – «вы-

ходить на берег (о тюленях)» > *haul-out* – «периодический выход на берег», *scoop (out)* – «копать» > *scoop-out* – «яма для талой воды», *thaw* – «таять» > *thaw-up* – «период весеннего таяния», *smoke* – «курить» > *smoke-up* – «привал для перекура» и др.;

- N→A: *Canuck* – «канадец» > *canuck* – «канадский», *haywire* – «вязальная проволока» > *haywire* – «наскоро сколоченный, непрочный», *highball* – «сигнал “путь свободен”» > *highball* – «работающий ускоренным темпом» и др.;

- A→N: *smoky* – «темный, смуглый» > *smoky* – «индеец», *mild* – «мягкий, теплый (о погоде)» > *mild* – «период теплой погоды» и др.;

г) *семантическую деривацию* (2858 лексических единиц), то есть метафорическое переосмысление общеанглийских слов, американизмов, канадизмов и имён собственных по сходству звучания, внешней формы и функции, в результате которой образуются «частичные» канадизмы²¹. Например: *deer* – «олень вапити», *rat* – «ондатра», *rabbit* – «американский заяц», *cypress* – «сосна жесткая», *border* – «граница между США и Канадой», *coast* – «южная часть Лабрадора», *leather* – «оленья шкура», *gang* – «бригада лесорубов», *fat* – «тюлений жир», *enumerate* – «составлять список избирателей», *ethnic* – «член этнической группы», *rotting* – «старый (о льде)», *cottonplant* – «пушица», *footwarmer* – «конный плуг», *horsecollar* – «воротник сутаны» и др.

2. *Компрессированное словообразование*, включающее:

а) *структурно-семантические усечения* (64 лексические единицы):

- *апокобы* (усечение конца слова): *ammo* < *ammunition* – «снаряжение», *anglo* < *anglophone* – «англо-канадец», *con* < *concession* – «земельный участок из сенъории», *huskymaw* < *Husky* – «эскимос», *Newfie* < *Newfoundland* – «житель Ньюфаундленда», *On* < *Ontario* – «Онтарио», *rad* < *radical* – «радикал»,

²¹ В данном случае «частичные» канадизмы образуются путем вторичной номинации как одного из проявлений стремления к экономии языковых средств. Вторичная номинация представляет собой снятие неоднозначности плана содержания языковых единиц при порождении текста, переосмысление уже имеющихся в языке номинативных средств с целью избежания количественного приращения единого плана выражения (Телия 1981: 177).

corp < *corporal* – «младший офицер канадской конной полиции», *Douk* < *Doukhobor* – «духобор» и др.;

- *афрезис* (усечение начала исходного слова): *bogan* < *tobogan* – «сани для трелевания леса», *keg* < *muskeg* – «болото», *logan* < *pokelogan* – «заболоченная часть водоёма», *parl(o)ur* < *beerparl(o)ur* – «пивной бар», *skimo* < *eskimo* – «эскимос» и др.;

- *синкопы* (усечение середины исходного слова): *hydro power* < *hydroelectric power* – «электричество», *Nor'Wester* < *Northwester* – «водонепроницаемое покрытие у моряков», *lop-stick* < *lopped stick* – «северная ель с обрубленными до верхушки ветвями», *comp school* < *composite school* – «специализированное учебное заведение с профессиональной направленностью в коммерции и т. д.», *Peg* < *Winnipeg* – «г. Виннипег» и др.;

б) *телескопные структуры или слова-бленды* (35 лексических единиц). Слова-бленды образуются путём целенаправленного, семантически мотивированного сокращения исходных слов различных лексико-грамматических категорий (существительных, прилагательных, глаголов, наречий и др.). В результате образуется новое слово из двух (или больше) «осколков», как правило, с новым предметно-логическим значением. Например: *brunch* (*breakfast* + *lunch*) – «поздний завтрак», *FrenGLISH* (*French* + *English*) – «французский язык с большим количеством английских слов», *humidex* (*humidity* + *index*) – «показатель влажности», *permafrost* (*permanent* + *frost*) – «вечная мерзлота», *snowmobile* (*snow* + *automobile*) – «мотосани», *bruck* (*bus* + *truck*) – «автобус с большим отсеком для багажа», *cattalo* (*cattle* + *buffalo*) – «гибрид коровы с бизоном», *simulcast* (*simultaneous* + *broadcast*) – «одновременное вещание по радио и телевидению», *utilidor* (*utilidor* + *corridor*) – «большое надземное хранилище», *autoboggan* (*auto* + *toboggan*) – «мотосани», *denticare* (*dentist* + *care*) – «стоматологическая помощь», *medicare* (*medical* + *care*) – «медицинская помощь», *splake* (*speckled* + *lake*) – «гибрид форели», *boxla* (*box* + *lacross*) – «лакросс в закрытом помещении», *drat* (*god* + *rot*) – «проклятие», *Cancult* (*Canadian* + *culture*) – «культура Канады», *Canlit*

(*Canadian + literature*) – «литература Канады», *Socred* (*Social + Creditor*) – «член Партии социального кредита» и др.;

в) *акронимию* (71 лексическая единица). Акронимы бывают:

- *буквенные*, которые произносятся как отдельные буквы, например: *BC* < *British Columbia* – «провинция Британская Колумбия», *CBC* < *Canadian Broadcasting Corporation* – «Канадская теле- и радиовещательная корпорация», *CNE* < *Canadian National Exhibition* – «канадская национальная выставка», *CSA* < *Canadian Standards Association* – «Канадская ассоциация стандартов», *GST* < *Goods and Sales Tax* – «налог на товары и услуги», *PST* < *Provincial Sales Tax* – «налог с продаж для провинции Онтарио», *TSE* < *Toronto Stock Exchange* – «фондовая биржа в Торонто», *L.P.P.* < *Labrador Progressive Party* – «Прогрессивная партия труда», *N.F.* < *New Foundland* и др.;

- *звуковые*, которые произносятся как отдельное слово: *CIDA* < *Canadian International Development Agency* – «Международное канадское агентство по развитию», *APEC* < *Atlantic Provinces Economic Council* – «Экономический совет Атлантических провинций», *CUSO* < *Canadian Universities Service Overseas* – «Канадская служба высшего образования в зарубежных странах» и др.;

- *смешанные*, включающие сочетания начальных букв одного слова (или слов) с полной основой другого слова (или слов): *NW First Nations Peoples* < *North West First Nations Peoples* – «народы-аборигены северо-западных территорий», *BNA Act* < *British North America Act* – «Акт Британской Северной Америки», *DEWLine* < *Distant Early Warning Line* – «линия дальнего радиолокационного обнаружения» и др.;

- *акронимичные омонимы*: *BC* < *British Columbia* – «провинция Британская Колумбия» и *Before Christ* – «до н. э.», *NB* < *New Brunswick* – «Нью-Брансуик – одна из Атлантических провинций Канады» и *Nota Bene* – «важно» и др.;

- *телескопно-акронимические единицы*: *CANDU* < *Canada + deuterium + uranium* – «ядерный реактор, произведённый в Канаде» и др.;

г) *эллипс* (115 лексических единиц) как особый вид сокращений (Жлуктенко 1983; Быховец 1988 и др.), которые образуются за счёт эллипса одного из

компонентов в сложных словах или субстантивных словосочетаниях. Данный вид сокращений является переходным от единицы синтаксического уровня к единице лексического уровня. То есть в процессе эллиптизации происходит трансформация синтаксической единицы в лексическую, поэтому их можно отнести к явлениям лексического эллипса, который существует наряду с фонетическим и синтаксическим. В качестве примеров могут служить следующие лексические эллипсемы-канадизмы: *Assembly* < *the National Assembly in Quebec*, *Bay* < *Hudson's Bay Company* – «Компания Гудзонова залива», *blacktail* < *black tailed deer* – «чернохвостый олень-мул», *Canada* < *Canada goose* – «канадская казарка», *Siberian* < *Siberian wolf* – «полярный волк», *Coyote* < *Coyte French* – «язык метисов от смешанного франко-индейского брака», *cable* < *cable television* – «кабельное телевидение», *chicken* < *prairie chicken* – «луговой тетерев», *collegiate* < *a collegiate Institute* – «в некоторых провинциях Канады тип общеобразовательного учебного заведения, чья программа выходит за рамки средней школы», *homo* < *homogenized milk* – «цельное молоко», *keekwillie* < *keekwillie house* – «большая землянка», *Lakes* < *Great Lakes* – «Великие Озёра» и др.

3. *Соединение глагола с постпозитивом* (115 лексических единиц): *break up* – «таять, вскрываться (о льде)», *fit out* – «снаряжение экспедиции», *round up* – «сгонять скот для клеймения», *declare out* – «подавать в отставку (в армии)», *pitch up* – «отправляться в поездку, на охоту» и др.

4. *Иноязычные заимствования:*

а) *из французского языка* (459 лексических единиц). Данные заимствования в основном относятся к тематике, связанной с жизнью и деятельностью человека²². Например: *portage* – «перетаскивание лодок, провизии волоком по суше от одного водоёма к другому», *rapids* – «порог горной реки, стремнина», *prarie* – «канадские степи», *concession* – «надел, участок земли в провинциях Онтарио и Квебек», *sault* – «водопад», *anse* – «залив», *marais* – «болото», *Canadien* – «франко-канадец», *glacier* – «ледник, холодильник», *Ermite* –

²² Более подробно о характере французских заимствований в *СнЕ* см. в Главе II.

«сыр рокфор», *patro* – «молодежный клуб», *tinette* – «деревянная кадка для масла» и др.;

б) *языков индейцев* (в основном языки племени алгонкинцев – 179 лексических единиц). Бóльшая часть заимствований из индейских языков относится к области флоры, фауны, географии и местной топографии, при этом часть из них проникали в английский язык либо непосредственно, либо через французский язык, который раньше вступил во взаимодействие с языками аборигенов (Hamilton 1997: 6). Например: *muskeg* – «болото», *saskatoon* – «куст семейства розоцветных», *wapiti* – «североамериканский лось», *caribou* – «карибу (северный канадский олень)», *musquash* – «ондатра», *muskwa* – «медведь», *wavey* – «белый гусь», *moostoos* – «северный бизон», *kokanee* – «карликовая красная нерка», *saupan* – «маисовая каша». Из языков аборигенов в английский язык Канады было заимствовано много топонимов, среди которых особо выделяются названия: городов – *Mississauga*, *Ottawa*, *Saskatoon*, *Toronto*, *Winnipeg*; шести провинций и территорий Канады – *Manitoba*, *Nunavut*, *Ontario*, *Quebec*, *Saskatchewan*, *Yukon*; самой страны – *Canada*;

в) *языка эскимосов* (79 лексических единиц). Тематически это слова из области быта и мифологии народа, явлений Крайнего Севера, названия представителей фауны и т. д. (Avis 1973a: 25). Например: *tuctu* – «олень карибу», *angakok* – «эскимосский шаман», *сила* – «богиня погоды», *igloo* – «снежная хижина», *Innu* – «эскимос», *anorak* – «водонепроницаемое кожаное пальто», *mukluk* – «водонепроницаемый сапог из тюленьей шкуры», *оонок* – «гарпун для охоты на тюленей» и др.

Таким образом, о дивергенции *СнЕ* на лексическом уровне можно судить по наличию и функционированию в нём так называемых «чистых» и «частичных» канадизмов. Дивергенция *СнЕ* на данном уровне проявляется различными способами образования специфических (вариативных) лексических единиц (внутреннее словосложение, иноязычные заимствования, компрессированное словообразование и др.), что лишний раз характеризует английский язык Канады как особую жизнеспособную и активную национальную разновидность ан-

глийского языка, имеющую все перспективы для дальнейшего укрепления и развития. Безусловно, проведенный анализ лексического состава *CnE* ни в коей мере не претендует на исчерпывающее исследование означенной проблемы, здесь освещены лишь основные пути формирования специфической лексики *CnE*.

3.2.4. Грамматический аспект *CnE*

В области грамматики в *CnE* также наблюдается определённая дивергенция (вариативность) в употреблении отдельных форм по сравнению с *BrE* и *AmE*, хотя и не столь значительная. Судя по имеющимся данным²³, внутривариантная вариативность употребления тех или иных грамматических форм (в рамках *CnE*) сочетается с межвариантной вариативностью на уровне национальных микросистем *CnE*, *BrE* и *AmE*. Так, грамматические единицы, общие для *CnE* и *AmE*, а также для *CnE* и *BrE*, в данной работе относятся к категории «частичных» канадизмов на грамматическом уровне. Однако следует отметить, что в результате смешения межвариантных грамматических форм могут возникать и дивергентные единицы данного уровня.

К «частичным» канадизмам на грамматическом уровне следует прежде всего отнести²⁴:

1) отклонения в образовании неправильных глаголов. Предпочтение американских форм глаголов прошедшего времени *dove* (от *dive* (*BrE*: *dived*)); *snuck* (от *sneak*), *clumb* (от *climb*) (диалектные в *BrE*), формы *gotten* причастия прошедшего времени от глагола *get*, варьирование форм *drank* и *drunk* причастия прошедшего времени от глагола *drink* и др.;

²³ См.: Дроздова 1973; Касаткина 1973; Щур 1974; Жлуктенко 1981; Быховец 1988; Orkin 1971; Avis 1975; McConnell 1978; Fee, McAlpine 1997; Hamilton 1997; Scargill 2004; Woods 1999; Boberg 2010 и др.

²⁴ Примеры канадизмов грамматического уровня взяты из работ: Orkin 1971; Avis 1975; McConnell 1978; Fee, McAlpine 1997; Hamilton 1997; Woods 1999; Scargill 2004; Boberg 2010 и др. (часть примеров заимствована из лексикографических источников).

2) преобладание синтетической формы сослагательного наклонения (*Simple Subjunctive*) без вспомогательного глагола *should*. По мнению Т. И. Касаткиной (1973: 65), сохранение синтетической формы условного наклонения в *CnE* объясняется не столько влиянием *AmE*, сколько факторами собственного развития английского языка Канады;

3) частое отсутствие формы притяжательного падежа у существительных в *CnE* (и *AmE*) и сохранение её в *BrE*: *barbershop* вместо *barber's shop*;

4) использование вспомогательного глагола *do* в предложениях с глаголом *have* в *Present Indefinite* как в *CnE*, так и в *AmE*, например: *Do you have any marmalade?* вместо *Have you any marmalade?*, как в *BrE*. Впрочем, *BrE* также испытывает в этом отношении сильное влияние со стороны *AmE*, поскольку форма с вспомогательным глаголом все чаще слышится и на Британских островах;

5) характерное для *CnE* (и *AmE*) употребление собирательных существительных типа *committee*, *council*, *government*, *team* с глаголом в единственном числе (во множественном – для *BrE*), например: *The Committee has met* или *Canada is winning* (Boberg 2010: 163);

6) как правило, в *CnE* (как и в *AmE*) за глаголом чувственного восприятия (*appear*, *look*, *seem*, *sound*) следует глагол *to be* или слово *like*, а не прямое дополнение, как в *BrE*, например: *You look (like) a fool in that hat*, *That seems (like/to be) a large amount*, *She sounds (like) a nice girl* (Ibid.);

7) преобладание в *CnE* (как и в *AmE*) форм модальных глаголов *have to*, *should*, *will* (вместо *BrE must*, *ought to*, *shall*). Если в *BrE* глаголы *dare* и *need* могут выступать в роли смысловых и модальных глаголов, то в *CnE* и *AmE* – только как смысловые, например: *Do I dare to make a suggestion?*, *He doesn't dare to say anything*, *Do we need to bring anything?*, *You don't need to bother with that* (Ibid.).

К дивергентным (вариативным) грамматическим формам, функционирующим в *CnE*, можно отнести:

1) употребление наречия *anymore* в утвердительных предложениях (на островах Ньюфаундленд и Принца Эдуарда, а также частично в провинции Онта-

рию) в значении «ныне». Например: ”...*a poet may talk forever about forests and prairies and snow and the Land of the North and not be anymore Canadian than he will be Australian if he writes a sonnet on a kangaroo*” (Atwood M. *Second Words. Selected critical Prose.* – Toronto, 1982. – P. 131.)²⁵;

2) употребление слов *real, awful, terrible* без суффикса *-ly* в качестве наречий, например: *I'll miss her terrible* (Boberg 2010: 160);

3) употребление двух аналитических форм сослагательного наклонения с вспомогательным глаголом *would* в обоих случаях, например: *If I would have known we were walking, I would have worn different shoes* вместо *If I had known we were walking, I would have worn different shoes* (Woods 1999: 192–193; Boberg 2010: 161);

4) наличие формы множественного числа *monies* (*monies*) от существительного *money*, фиксируемой лексикографическими источниками (GCD 1983; GCCD 2002), а также широкоупотребляемой в публицистике. Например: ”*Whether or not the provincial government was set to seize \$ 7,4 million in unspent public school board monies is now beside the point*” (Calgary Herald. – 1994. – Dec. 2. – P. A4);

5) использование слова *Canada* в качестве прилагательного в обозначении реалий национальной флоры и фауны (*Canada goose, Canada jay, Canada lily, Canada Thistle*), а также в названиях некоторых национальных учреждений (*Canada Council, Canada Development Corporation, Canada Labo(u)r Relations, Canada Post*). Здесь, вероятно, ощущается влияние морфологии французского языка. Интерференцию со стороны французского синтаксиса, например, можно увидеть в особом порядке слов в названиях некоторых министерств правительства Канады (*Environment Canada, Revenue Canada, Statistics Canada* и др.) (Fee, McAlpine 1997: 91);

б) употребление слова *eh*, замещающего вопросительную часть разделительного вопроса и произносимого с повышением тона (Gold 2004). Следует отметить, что ряд учёных не признают слово *eh* в качестве заместителя вопро-

²⁵ Здесь и ниже примеры взяты из работ: Fee, McAlpine 1997; Woods 1999; Boberg 2010.

сительной части разделительного вопроса (особенно это касается *BrE* и *AmE*, где слово *eh* воспринимается как восклицание (междометие)). В *CnE* частотность употребления этого слова позволяет трактовать его как вариант вопросительной части разделительного вопроса, и семантически она полностью соответствует конечной части разделительного вопроса (типа: *isn't, doesn't, hasn't* и др.). Следующий пример из книги английского путешественника К. Криспа демонстрирует типично канадское употребление слова *eh*: "At a metaphorical border of Customs and Immigration at Toronto International Airport I was startled to hear an immigration official say, upon checking my passport, 'Vindicated at last, eh?' (The up-turned 'eh' is a species of linguistic dim-witticism to which Canadians are addicted.)"²⁶.

Можно констатировать, что между *CnE*, *AmE* и *BrE* на уровне грамматики чаще наблюдаются расхождения дистрибутивного характера, если рассматривать инвентарный аспект данного вопроса. Однако наличие в грамматической системе *CnE* как «частичных», так и «чистых» канадизмов может свидетельствовать о широких возможностях к варьированию единиц данного уровня.

В заключение стоит отметить, что английский язык в Канаде – это язык подавляющего большинства населения страны, родной для 18 млн человек. Английский язык доминирует почти во всех провинциях Канады, кроме Квебека, где единственным официальным языком считается французский язык, а английский – это язык меньшинства. Именно на территории Квебека английский язык наиболее тесно контактирует с французским – вторым официальным языком страны и, по иронии судьбы, миноритарным языком на остальной территории Канады. В Квебеке наблюдается подлинный и в то же время вынужденный (социально обусловленный) билингвизм (в большей степени со стороны англофонов и в меньшей – франкофонов). При этом проводником билингвизма выступает региональный диалект *Quebec English*, образовавшийся в результате тесного взаимодействия английского и французского языков на территории Квебека. *Quebec English* получил наибольшее распространение среди жителей

²⁶ Crisp Q. Manners from Heaven. A Divine Guide to Good Behaviour. – L., 1984. – P. 34.

Монреалья, являющегося, наряду с Оттавой, самым билингвальным городом Канады. Примечательно, что через *Quebec English* ряд локально маркированных, прежде всего лексических, единиц, отражавших первоначально реалии провинции Квебек, начинают осознаваться англо-канадцами как относящиеся ко всей территории Канады и далее проникать через речь билингвов и даже англофонов Квебека в национальный стандарт *CnE*, закрепляясь там на уровне системы.

Представляется также важным все усиливающееся влияние на *CnE* со стороны *AmE* прежде всего благодаря географической близости Канады и США, а также тесным историческим, культурным и экономическим связям между двумя этими странами. Все вышеуказанные факторы экстралингвистического характера изначально определили формирование и дальнейшее развитие канадского варианта английского языка по североамериканскому типу.

По мнению Ч. Боберга (Voberg 2010: 242), своим существованием *CnE* обязан стечению трех обстоятельств:

1) победе Великобритании в Семилетней войне с Францией в конце XVIII века, закрепившей за Великобританией территориальные и колониальные притязания на Канаду;

2) американской революции за независимость от Великобритании, способствовавшей притоку на север с территории США лоялистов, значительно пополнивших англоговорящее население Канады;

3) промышленной революции в Великобритании, приведшей к эмиграции значительных масс населения страны в Канаду в поисках новых земель и возможностей.

В результате англоговорящее население Канады еще больше возросло, что способствовало открытию новых обширных территорий на западе страны и их освоению, а также созданию предпосылок для экономического роста страны и формирования современного государства Канада.

По утверждению специалистов, в основе национального языкового стандарта Канады лежит диалект провинции Онтарио и Атлантических провинций, ведущий свое начало от языка американских лоялистов и многочисленных тер-

риториальных диалектов Британских островов (прежде всего Ирландии, Шотландии, севера и запада Англии). В речи американских лоялистов преобладали языковые формы более раннего этапа бытования вышеуказанных диалектов, что ставит под сомнение попытки обнаружения истоков *CnE* исключительно в речи американских колонистов. Скорее можно предположить, что в конце XVIII – начале XIX веков (в период формирования *CnE*) английский язык Канады представлял собой своеобразный «микс» региональных разновидностей английского языка Ирландии, Шотландии севера и запада Англии, а также северо-востока США. Представляется в наибольшей степени трудным проследить степень воздействия *AmE* на *CnE*, поскольку сами языковые формы *AmE*, неизбежно проникающие в *CnE* как престижные, могут вести свое начало от более ранних форм бытования английского языка (Voberg 2010: 245). Несмотря на объединение в общий с США североамериканский языковой континуум, а также на наличие общих черт с *AmE* в фонологии, лексике и грамматике, *CnE* признается многими учеными-лингвистами как самостоятельный национальный вариант английского языка, существующий прежде всего независимо от *AmE*. Ученые констатируют, что в настоящее время не наблюдается подавляющей американизации канадского варианта английского языка за рамками уже существующего тренда развития последнего по североамериканскому образцу. В пользу данного обстоятельства говорит ряд локально маркированных явлений в фонологии (канадское передвижение, канадский подъем и др.), лексике (выживание и постоянное появление канадизмов типа *bachelor apartment*, *bank machine*, *chesterfield*, *eavestroughs*, *grade one*, *parkade*, *runners or running shoes*, *scribbler*, *washroom*, *pop*, *double-double*, *backpack* и др.), грамматике (канадский характер морфологии, синтаксиса, междометия *eh* и др.).

Результаты изучения маркированных черт канадского английского языка, истории его развития, комплекса отношений в языковой системе свидетельствуют о том, что он обладает всеми признаками национального варианта (Исаев 2015: 123). Специфические особенности национального варианта осознаются носителями *CnE*, особенно это касается лексических единиц французского про-

исхождения. Тем не менее в работах фиксируются определенные расхождения в норме написания и произношения, употребления лексических единиц, характерных для британского и американского вариантов, что свидетельствует о незавершенности формирования национального языкового варианта Канады. Тенденции стандартизации в полной мере не осознаются в силу не только их специфики и определенной социальной маркированности, но и в силу отсутствия их явных проявлений (Исаев 2015).

Для канадского английского в период с 1960-х годов по настоящее время характерны *три основные тенденции стандартизации*: соответствие британской, американской либо собственно канадской модели развития. В средствах массовой информации и в разговорном английском доминирует вторая (американская) тенденция, а первая (британская) представлена среди наиболее образованной части населения и постепенно нивелируется, несмотря на ее высокий социальный престиж.

В ходе развития *СnE* в период второй половины XX века происходило постепенное изменение тенденций: от уподобления британскому варианту к стремлению следовать американскому варианту с последующим признанием собственно канадских единиц. Однако общее их регистрируемое количество все так же невелико, что объясняется не только спецификой инвентаря, но и недостаточной оформленностью мотивационных процессов (Там же). Подобные тенденции особенно ярко демонстрирует язык современных СМИ.

ГЛАВА IV

Канадский вариант французского языка

4.1. Лексикографический аспект *CnF*

Французскому языку Канады посвящены многочисленные работы отечественных и зарубежных ученых (Реферовская 1969, 1976, 2012; Клоков 2005; Голубева-Монаткина 2010; Barbeau 1963; Colpron 1971; Corbeil 1976, 1987; Darbelnet 1983; Poirier 1987, 1995, 2000; Lockerbie 2003 и др.). Особенности канадского варианта зафиксированы в многочисленных словарях и глоссариях, в частности в словарях В. Г. Гака (Гак 1997), В. Т. Клокова (Клоков 2000, 2004), Л.-А. Белиля (Bélisle 1979), М. Беланжера (Bélanger 2011), Л. Бержерона (Bergeron 1980), Ж. Бомона (Beaumont 2000), Ж. Дажене (Dagenais 1967), Ж. Дарблье (Darbelnet 1986), Л. Депекера (Derecker 1988), П. Деруссо (Desruisseaux 1990), О. Данна (Dunn 1980), Г. Дюлонга (Dulong 1989), П. Жильбера (Gilbert 1980), С. Клапена (Clapin 1974), Ж. Колпрона (Colpron 1982), И. Кормье (Cormier 1999), Ж. Лорена (Laurin 1975), Д. Летурно (Letourneau 1993), Л. Мене (Meneu 1999), Ж. Морэ (Maurais 1980, 1982), С. Робинсона и Д. Смита (Robinson, Smith 1992), П. Ру (Roux 1991), Ж. Селлара (Cellard 1982), Ж. Турнье (Tournier 1999), М. Хофлера (Hofler 1982), а также в *Glossaire du parler français au Canada* (GPFC 1968), *Dictionnaire universel francophone* (DUF 1997), *Dictionnaire français-anglais, anglais-français* (DFA-AF 1998), *Équipe TLFQ. Dictionnaire historique du français québécois* (Équipe TLFQ 1998), *Dictionnaire de la langue française. Lexis* (DLF Lexis 2001), *Le Grand dictionnaire terminologique* (GDT 2002) и др.

Ученые относят начало лексикографической регистрации особенностей канадского французского к XIX веку. В конце XIX века в Канаде появились работы, в которых впервые было проявлено позитивное отношение к особенностям местного варианта французского языка. С одной стороны, в соответствующих исследованиях изучалась история отдельных лексических единиц, а с другой – выявлялось культурное содержание локализмов, отражение ими особенностей местных реалий и местного менталитета. Среди работ того времени были «Франко-канадский глоссарий» О. Данна (1880) и «Канадско-

французский словарь» С. Клапена (1894)²⁷. В конце XIX века появляются и различные словари, фиксирующие лексические особенности канадского варианта английского языка. В первой половине XX века (1930) группа исследователей под руководством А. Ривара и Л.-Ф. Жоффриона публикует *Glossaire du parler français au Canada* (Rivard, Geoffrion 1930). Следующей важной публикацией (1957) стал «Всеобщий словарь французского языка в Канаде» Л.-А. Белиля (Кругляк 2006; см. также: Bélisle 1979). Обе книги удачно дополняли друг друга богатством представленного лексического материала.

В 1960-е годы начались по-настоящему научный сбор и тщательная обработка фактов, касающихся особенностей французского языка Канады. В это время под руководством Г. Дюлонга организуются экспедиции в различные регионы канадских провинций Квебек, Онтарио и Нью-Брансуик. В задачу экспедиций входил сбор данных для Лингвистического атласа восточной части Канады. Результаты обработки материалов были опубликованы Г. Бержероном (Bergeron 1980) и Г. Дюлонгом (Dulong 1989). Соответствующая работа была проведена и в некоторых других районах Канады другой исследовательской группой, результаты которой были опубликованы в 1985 году Г. Бержероном и М. Коте (см. Клоков 2000). В 1972 году М. Жюно приступил к серьезному анализу многих тысяч документов, собранных в полевых условиях. К ученому присоединились другие исследователи, составившие группу авторов «Тезауруса французского языка Квебека» (*Trésor de la langue française au Québec*) (Там же). В настоящее время эту группу возглавляет К. Пуарье. Над «Тезаурусом» работают десятки ученых, сотни студентов, при обработке данных широко применяется электронная техника. В итоге в Канаде появляются важные лексикографические работы и аналитические документы, предваряющие выход в свет «Тезауруса». Одной из значительных публикаций последнего времени считается «Исторический словарь французского языка Квебека», подготовленный группой ученых под общей редакцией К. Пуарье (Poirier 1987). Работа над «Тезаурусом французского языка Квебека» организационно вписывается в программу состав-

²⁷ Современные издания словарей О. Данна и С. Клапена см.: Dunn 1980; Clapine 1974.

ления всеобщего «Тезауруса французского языка», разрабатываемого большой группой ученых из многих стран мира. Материалы уже опубликованных или готовящихся к выходу в свет глоссариев и словарей особенностей французского языка отдельных стран Европы, Америки, Африки, Азии, территорий в Индийском и Тихом океанах должны войти в него составной частью.

В 1988 году издаются словари *Dictionnaire du français plus à l'usage des francophones d'Amérique* (Shiaty et al. 1988) и *Multidictionnaire de la langue française* (De Villers 1988), которые отражают два лексикографических подхода. Так, в первом из них специальным образом не отмечаются «квебекизмы». В последующие годы изменение по составу и наполнению словарей обусловлено не только признанием национального варианта французского языка, но и стремлением охранить его от посторонних воздействий. Особенно выделяется в подобном контексте «Квебекско-французский словарь» Л. Менэ (Meney 1999).

Лексикография в случае канадского французского языка является своего рода индикатором изменения отношения к языку, тенденций стандартизации и особенностей социолингвистической мотивации. В отечественной науке основы изучения канадского французского языка заложены Е. А. Реферовской (1969, 2012). Ученый рассматривает особенности канадского французского языка на различных структурных уровнях, от фонетического до текстового, наиболее подробно анализируя лексические социолингвистические маркеры. Дальнейшие исследования французского языка на территории Канады в отечественной лингвистике связаны с трудами В. Т. Клокова (2000, 2003, 2005), Н. А. Слобожаниной (2008), Н. И. Голубевой-Монаткиной (2010), З. А. Усмановой (2014а, 2014b), О. В. Устиновой (2015), Д. В. Исаева (2015). Среди современных зарубежных исследований особый интерес вызывает диссертация ученого Университета Оттавы А. Юэн (Yuen 1994), посвященная проблеме использования галлицизмов в Квебеке и других районах (как франкоговорящих, так и англоговорящих) Канады. А. Юэн отмечает, что англицизация французского языка долгое время считалась главной проблемой для Франции и Канады в связи со стремлением общественности минимизировать влияние глобального английского языка на французский. Использо-

нию галлицизмов в среде англоговорящего населения Канады (особенно в Квебеке) ранее уделялось недостаточно внимания в научной литературе. Галлицизмы, однако, являются яркой чертой квебекского и других вариантов английского языка на территории Канады, явлением широко распространенным и ведущим к «офранцузиванию» английского языка, т. е. к формированию *Frenglish* (французского английского). Указанная тенденция может привести к значительным изменениям разного характера на произносительном, лексическом и грамматическом уровнях обоих контактирующих языков на территории современной Канады.

4.2. Лингвистические особенности *CnF*

4.2.1. Статус *CnF*

Известно, что именно французские путешественники первыми ступили на землю Канады, именно их и называли канадцами (*canadiens*), положившими начало развитию канадского варианта французского языка.

Канадский французский характеризуется рядом особенностей, не свойственных французскому языку Франции. Канадский французский язык XXI века представляет собой развитую, относительно автономную, социально-коммуникативную подсистему с богатым инвентарем уникальных единиц. Различие между французским языком Канады и французским языком Франции начало углубляться с середины XVIII века, т. е. после поражения французов в войне с англичанами и последовавшего затем отъезда из Канады значительной части французов на исконную родину. Именно с этого момента контакты Канады с Францией значительно сократились (Устинова 2015). Вследствие этих исторических изменений на территориях Франции и Канады развитие французского языка пошло разными путями. Контакты французского языка Канады с французским языком Франции возобновились на современном этапе в связи с подъемом национального самосознания квебекцев, а также в результате улучшения экономического развития Квебека и возрастания его авторитета как в

пределах франкоязычного сообщества, так и на международном уровне. Начиная с 60-х годов XX столетия франко-канадцы стали осознавать свою принадлежность к мировому франкоязычному сообществу и стремиться занять в нем достойное место. Именно к этому времени следует отнести проведение мероприятий государственного масштаба, направленных на совершенствование французского языка в Канаде, на обогащение его письменной и устной разновидностей.

Канадский вариант французского языка изучен и описан достаточно глубоко, однако статус его во многом до сих пор остается неясным, спорными представляются и дальнейшие тенденции его развития. Своеобразие языковой ситуации в Канаде обуславливает не только специфику развития и современного состояния французского языка в стране, но и ее социолингвистическую мотивацию, отношение к данному национальному варианту как в самой языковой среде, так и за ее пределами. Французский язык в Канаде (или *квебекский французский*) представляет собой неоднородную социально-коммуникативную подсистему в макросистеме французского языка как такового (Исаев 2015: 126).

Исследователи различных областей науки все чаще обращаются к так называемому «квебекскому опыту», который стал широко известен не только резким подъемом национального самосознания в Квебеке, но и последовавшими резкими изменениями во всех государственных сферах Канады (Усманова 2014а, 2014b). Представители франко-квебекской лингвокультуры стали одними из первых, кто осознал необходимость выработки комплекса мер по защите языка и культурных ценностей. Феномен сохранения собственного языка и культуры в Квебеке на фоне всеобщей американизации стал примером для подражания во многих странах. В процессе формирования франко-канадской идентичности французский язык сыграл ключевую роль. Трудно переоценить его значение для развития квебекского самосознания, его символическую и ценностную значимость для лингвокультурной идентичности (Там же).

Канадский французский язык выступает, по мнению ученых, как средство национальной самоидентификации, что подразумевает стремление сохранить

специфические черты в ситуации доминирования другой кодификационной подсистемы (Усманова 2014а, 2014b). Подобная тенденция тем не менее ведет к значительно меньшей интеграции системы в метапроцессы языковой ситуации и способствует одностороннему характеру канадского билингвизма. То есть за счет социолингвистической мотивации и более конкретных установок по отношению к национальному варианту происходит сохранение состояния системы на предположительно более длительный срок. Сходные явления перекликаются со стремлениями как к языковой, так и к политической независимости, которые присутствуют в Квебеке, являющемся основным центром канадской франкофонии. Франкофония, как известно, определяется как особое единство народов, живущих в странах, где французский язык считается родным и выполняет важные коммуникативные функции (Дебов 1992). В Квебеке чрезвычайно популярен Международный День франкофонии (*Journée internationale de la Francophonie*), называющийся *Francofête* (французский праздник), и его значимость среди квебекцев постоянно растет (Усманова 2014b).

Отличительными чертами канадской разновидности французского языка являются консерватизм и архаичность по сравнению с языком Франции, а также наличие черт, являющихся результатом взаимодействия с английским языком. До конца XVIII века французский язык в Канаде не отличался от языка Франции: высшие чиновники и дворянско-буржуазные слои говорили на литературном французском языке, крестьяне, ремесленники и солдаты пользовались своими родными территориальными диалектами. Литературное произношение в значительной степени исчезло на территории Канады с отъездом части населения во Францию во время перехода страны под власть Англии (1763). Крестьянство, ремесленники, частично и духовенство, которые остались в Канаде, сохранили свою религию, свои семейные и бытовые традиции, но не литературный язык. Образование было сосредоточено в руках духовенства. Оно в большинстве своем вышло из крестьян и привнесло в преподавание языка черты народной речи. Постепенно французский язык в Канаде вырабатывает свой собственный путь развития. В нем появляются или углубляются черты,

не свойственные языку Франции. В то же время формируются особенности, развившиеся на канадской почве: сохраняются архаичные и диалектные черты, появляются особенности, являющиеся результатом тесного контакта с английским языком (Веденина 1987).

В исследовании Д. В. Исаева отмечается, что процесс становления и обособления любого национального варианта можно разделить на ряд периодов: *ранний* (ранний пассивный, ранний активный), *средний* (средний активный, средний пассивный) и *поздний* (с начала XX века по настоящее время) (Исаев 2015). Канадский французский язык прошел данные периоды достаточно быстро. В настоящее время он находится на позднем этапе становления, так как сформирован не только определенный инвентарь языковых единиц, комплекс подсистем, социолингвистическая мотивация, но и непосредственный, отличающийся от европейского французского, национальный стандарт. Именно на позднем этапе завершается формирование национального варианта как на языковом, так и на мотивационном уровне. На данное положение вещей повлияли следующие факторы (Там же): стремление к национальной самоидентификации, определенной независимости, вплоть до политической, и комплексный характер основы для формирования национального варианта, который в силу определенных причин послужил не разделению, а консолидации носителей, обуславливая облегченное принятие специфических особенностей.

Для канадского французского одним из главных факторов, ускоривших собственную эволюцию языковой подсистемы, являлось стремление к сохранению языка во «враждебном» лингвистическом окружении. Как отмечает В. Т. Клоков, передача языка от поколения к поколению происходила в Канаде в условиях достаточно ограниченных контактов с внешним окружением. Соответственно, канадский французский развивался по достаточно изолированной модели, что привело к возникновению отмеченной выше консервативной тенденции стандартизации на самом раннем этапе формирования национального варианта (Клоков 2005). Кроме того, определенную роль сыграло осознание собственной обособленности в плане языка от окружения, что и привело к

быстрым темпам дивергенции канадского и европейского французского языков, особенно если сравнивать их с национальными вариантами, развивавшимися по сходному сценарию, но в ином окружении (английский язык в США и Канаде).

Несомненным является тот факт, что французский язык в Канаде (Реферовская 2012: 64) подвергался влиянию индейских языков, английского, а также во многом сохранил диалектные явления, характерные для Франции, но не являвшиеся частью языкового стандарта. Совокупность выделенных причин определила облик национального варианта. Многие из подобных языковых черт в настоящее время являются архаизмами, сохранившимися либо в диалектах, либо исключительно в словарях. Статистические данные (сравнение переписей населения Канады) показывают расширение сфер применения канадского национального варианта французского языка, увеличение числа его носителей. Таким образом, он не только приобретает большую социально-коммуникативную функциональность, но и укрепляет свои позиции как независимый национальный вариант (Исаев 2015).

4.2.2. Характерные черты фонетики *SnF*

Следует заметить, что в области произношения отличия между канадским французским языком и французским языком во Франции наиболее ярко маркированы. Многие слова в речи канадцев трудно распознаются, поскольку они звучат иначе (на старофранцузский манер), чем в произношении французов нынешней Франции.

Отличительной особенностью канадского произношения является менее сильное напряжение мускулатуры речевых органов в сочетании с более сильным выдохом. Изучая канадское произношение, французские лингвисты отмечают, что оно отличается ненапряженным ртом (*la bouche molle*). Менее напряженная артикуляция, по сравнению с европейским вариантом, часто приводит к дифтонгизации некоторых гласных (например, *mon pa(i)re*), появлению согласных [ts] и [dz] из [t] и [d] перед рядом гласных (*tu dis* [tsu dzi]), палатализации [k] и [g] перед некоторыми гласными (*curé* [kjyʁe]). Дифтонгизация в *SnF*

непрестижна и рассматривается как признак менее культурной речи, поэтому в большинстве случаев наблюдается ее отсутствие, особенно в более культурных контекстах. Дифтонгизация становится более редкой. Причина этого явления, по мнению ученых, состоит, видимо, в том, что молодое поколение франкоговорящей Канады под влиянием языка радио и телевидения (или школьного образования) стремится приблизить свое произношение к нормативному произношению Франции. Однако дифтонгизация в целом не препятствует пониманию между носителями европейского французского и канадского национального варианта, при этом она является одной из наиболее ярко выраженных характерных черт, служащих весьма сильным социолингвистическим маркером.

Вследствие ненапряженной артикуляции *гласные* в произношении канадцев более открыты, длительность звучания их более продолжительна. В речи европейских французов выдох на первом слоге сильнее, чем на втором, а время произнесения первого слога, напротив, меньше долготы второго. В речи канадцев сила выдоха и время звучания слогов одинаковы, что и создает эффект монотонности речи канадцев. Канадские закрытые гласные часто звучат как открытые²⁸: *vous avez* [vu-za-ve]; *tu es allé* [ty-e-za-le]. Звук [ɛ] в позиции перед *r* становится [a]: *merle* [marl], *éternité* [e-tar-ni-te]. Неударные гласные произносятся как средний [e]: *soucoupe* [se-kup]; *concombre* [ke-kon:b]. Носовые часто теряют свое носовое качество: *a* носовое часто звучит как [a]; *o* носовое – как [o]. С другой стороны, становится более заметной тенденция к назализации гласного перед носовым согласным: *il aime*; *il gagne*. Более частым, по сравнению с нормативным произношением Франции, является выпадение [a]. Так, например, во фразе *Je l'ai fait de nuit* канадец дважды «проглотит» [ə] и произнесет ее как *J' l'ai fait d' nuit*, в то время как во французской речи, как правило, второе [ə] звучит *J' l'ai fait de nuit*.

Случается, что в потоке речи выпадают другие гласные, например [o], что не характерно для произношения французов. Сравним, например, звучание фразы *Ce n'est pas commode d'en parler* у канадцев и французов. Канадское:

²⁸ Примеры из работы В. В. Голотюк (Голотюк 2008).

C'n'est pas c'mmode d'en parler, французское: *C'n'est pas commode d'en parler*. Новая Франция пользовалась французским придворным языком Иль де Франса, где употребляли *i* вместо *ui*, например: *J'i ai donné l'argent que j'i dois* вместо французского *Je lui ai donné l'argent que je lui dois*; *Je pis* вместо французского *Je puis*; *Assisez-vous* вместо французского *Asseyez-vous*. А так как большинство выходцев-колонистов были родом из Нормандии, где некоторые слова произносили на *-eux*, то во многих словах канадского французского языка остался нормандский вариант: *têteux*, *siffleux*. В Канаде [oi] сохраняет произношение [we]; [œ] или [e], которые во Франции после XVI века были заменены [wa], в словах *boîte*, *oiseau*, *roi*, *fois*, *étoile* звучат [boet], [wezo], [fwe], [etwe1]. Слова, заканчивающиеся на *-oir*, чаще произносятся как слова на *-ouère*: *histouère* (*histoire*), *mémouère* (*mémoire*). Канадцы произносят дифтонги и [a] заднее, которые исчезли во Франции: *fête* [feit], *caire* [keir]. Существует мнение, что особенность произношения канадцами [a] можно объяснить особой орфографией: *Jâcques? Elle disait Jacques à la mode canadienne, en accentuant longuement le â*. В последнее время появилась и тенденция к исчезновению [a] заднего: *soit* («пусть») и *soie* («шелк») часто имеют одинаковое звучание.

Ненапряженная артикуляция проявляется при произнесении *согласных в CnF*, которые звучат неотчетливо, а в быстрой речи почти совсем не звучат. Согласные, расположенные между гласными, часто не произносятся. Так, например, *elleamal à latête* звучит как *aamal à latête*; *à lamaison* – как *aamaison*; *tousles matins* – как *touse matins*; *ilest sur la table* – как *iesuatab*. Существует явление *редукции* конечных согласных: так, *possible* произносится как *possib'*, *pauvre* – как *rauv'* и т. д. (подобное явление может влиять на связывание: *d'autres amis* > [dou tza' mi]) (Голубева-Монаткина 2010: 57).

Отмечается, что многие слова в речи канадцев трудно распознаются, т. к. в Канаде все еще сохраняется произношение XVII века. К примеру, в ряде случаев сохраняются нормы старофранцузского периода:

- *oi* произносится так же, как во Франции XVI века: *moé*, *toé*;
- *lui* – как *i* (*J'ai donné l'argent que j'i dois*);

- вместо *asseyez-vous* говорят *assisez-vous*;
- *e* произносится как [ej]: *fête* [fejt];
- *a* перед *n* всегда назализируется: *gagne*[gã̃n].

Интерференция английского языка проявляется в произношении и употреблении тех или иных слов и происходит постоянно. Звучание *t* и *d* в позиции перед [i], [y], [j] смягчается. Они произносятся как [ts] и [dz]: *tien* – [tsien], *tu* – [tsu], *viaduc* – [viadzuc], *dimanche* – [dzimanche], *petit* – [pətsi], *tu dit* – [tsu dzi], *têtu* – [têtsu]. Английские слова вошли в язык канадцев через устную речь и сохранили английское произношение (в отличие от французских англицизмов, попавших в язык через письменную речь). Поэтому такие слова, как *camping*, *laser*, в канадском произношении звучат иначе, чем во Франции: ср.: кан. [kəpiŋ], [leizə] и фр. [kãpiŋ], [lazer].

Интонационные характеристики речи франко-канадцев в целом мало отличаются от речи европейских французов. Различия в произнесении синтагм и фраз проявляются главным образом в их *ритмической организации*. Внутри ритмических групп неударные слоги длиннее, а ударный слог менее долгот, чем в речи французов. Различие по времени произнесения особенно заметно в звучании предударного и ударного слогов: ударный слог короче, а предударный значительно длиннее по сравнению с нормативным французским произношением. В результате предпоследнее слово, с точки зрения француза, оказывается как бы выделенным, например: *d e ux* – во фразе *Il l'a fait deux fois*; *est* – во фразе *La cave est pleine*; *ses* – во фразе *Elle a lavé ses bas*. Изменения в ритме фразы создают впечатление растянутости и певучести канадской речи по сравнению с европейской речью французов. Франко-канадцы – северный народ, поэтому темп их речи значительно медленнее, чем у европейских французов, и они гораздо меньше жестикулируют.

Если говорить о социолингвистическом статусе отличий канадского французского от европейского, то можно отметить, что наиболее значимые маркеры произношения в квебекском французском языке обладают четко выраженной идентификационной функцией. Отсутствие маркирующих черт артикуляции

звучков выдает в собеседнике иностранца. При сопоставлении силы и социолингвистической значимости фонетических особенностей национальных канадских вариантов английского и французского языков отмечается, что фонетика канадского французского маркирована сильнее (Исаев 2015).

4.2.3. Лексические особенности СпF

Квебекский французский обладает значительным инвентарем дивергентных единиц на всех языковых уровнях. Богатство и разнообразие национально-специфических особенностей обеспечивают ему определенное место в общем контексте франкофонии.

На развитие французского языка в Канаде оказало влияние большое количество внешних и внутренних факторов. Язык Канады развивался иначе, нежели французский язык Франции. Он сохранил в себе черты старофранцузского языка, архаизмы, диалектизмы, а также обогатился заимствованиями из языков индейцев и неологизмами, появившимися в результате столкновения с новыми природными и культурными явлениями. Большое влияние на развитие квебекского французского языка оказали англицизмы (англо-американизмы), а также кальки и переводы даже для тех англицизмов, которые используются повсеместно, в том числе и в общей системе французского языка (см. об этом Главу II). Англицизмы в настоящее время воспринимаются значительно более негативно, особенно те из лексических единиц, которые вошли в обиход достаточно недавно.

Архаизмы и диалектизмы

Изучение архаизмов в языке потомков французских переселенцев на Американский материк неотделимо от изучения диалектизмов, так как большинство слов, сохранившихся до настоящего времени в их речи, уйдя из литературного языка Франции, продолжает жить в современных ее диалектах. Нельзя забывать, что основная масса переселенцев состояла из людей, не очень хоро-

шо знакомых или даже совсем незнакомых с литературным языком своего времени. Они могли привезти на свою новую родину такую лексику, которая не может быть найдена в литературных образцах той эпохи. Архаизмы языка франко-канадцев различны по своему характеру.

Это могут быть, во-первых, отдельные слова, бывшие некогда словами литературного французского языка. Например, вместо *moitié* и *milieu* («половина, середина») канадцы говорят *mitan*. Это слово можно встретить во Франции, но не в городской речи и не в литературе, оно живо в диалектах центра, на западе, на востоке и на севере. В Средние века слово *mitan* употребляли лучшие авторы, а в наши дни *mitan* используется писателями как средство речевой характеристики персонажей и придания речи местного колорита.

Во-вторых, это слова, принадлежащие различным диалектам, главным образом диалектам центра и северо-запада Франции, т. к. именно эти области дали основную массу переселенцев. Так, глагол *rester* («оставаться») в значении *demeurer, vivre, habiter* («жить») и в старом языке, и в наше время употребляется только в диалектах.

В-третьих, это семантические архаизмы, т. е. слова, сохранившие значения, некогда бывшие им свойственными, а затем их утратившие или изменившие. Например, глагол *espérer* сейчас имеет во французском языке значение «надеяться», а лет 300–400 назад он употреблялся в значении «ожидать, предвидеть».

Кроме того, существуют фонетические архаизмы, т. е. слова, сохранившие свое устарелое звучание (так, дифтонг *oi* сохраняет старое произношение *oe: droit – droet* («правый»), *froid – froet* «холодный»)), и словообразовательные архаизмы – слова, образованные посредством суффиксов, не свойственных им в настоящее время, но некогда вполне возможных для них (*doutance* вместо *doute* («сомнение»), *coutange, coutance, coutement* вместо *coût* «цена»)), а также служебные слова и синтаксические конструкции, ныне не употребляющиеся в литературном языке Франции (*quand et* в значении *avec* («вместе с»), *d'abord que* в значении *puisque* («поскольку»)) (Реферовская 2012).

Неологизмы

Поселившись на берегах Северо-Американского материка, французские колонисты столкнулись с невиданными доселе растениями, животными, которых нет во Франции, и явлениями природы, которых они не знали у себя на родине. Возникли условия жизни, очень сильно отличавшиеся от условий жизни во Франции. Все это неизбежно приводило к появлению новой лексики, которая либо заимствовалась, либо создавалась заново. Тем самым язык обогащался если не всегда новыми словами, то во всяком случае новыми значениями, так как французские слова могли применяться для называния новых понятий и предметов, тем самым расширяя или изменяя свое значение.

Наряду с этим некоторые слова могли утрачиваться, заменяясь либо новообразованиями, либо другими словами, которые в этом случае полностью теряли свое прежнее значение. Так, веранда (фр. *véanda*) называется в Акадии *galerie*, окно – *croisée* (Реферовская 2012).

Язык франко-канадцев содержит неологизмы, возникшие на материале французского языка. Иногда это заново образованные слова. Чаще это переосмысление французских слов, т. е. неологизмы семантические: *habitant* – «земледелец»; *poudrierie* – «снежные вихри»; *jeunesse* – «молодая девушка».

Индианизмы

Влияние индейских языков сказывается главным образом в лексике. На грамматику и произношение они не оказали никакого влияния: переселенцы не учились индейским языкам, быть может, за исключением отдельных охотников, которые уходили в леса. Лишь на первых порах контакты с индейцами были дружественными. Вскоре отношения колонистов с местным населением изменились, они превратились во врагов. Контакты нарушились. Дружественными остались лишь некоторые полуоседлые племена: алгонкины и гуроны. Их-то языки и сделали небольшой вклад в речь североамериканских французов, сохранивших этот вклад до наших дней (Там же). Индейскими названиями французские переселенцы называли те новые для них явления, с которыми

они встретились в Новой Франции. Наибольшее число заимствований дали языки алгонкинов (*pecan* – «ласка», *wapite* – «канадский олень», *mackinaw* – «рубашка»), ирокезов (*tamarack* – «лиственница») и гуронов. Разумеется, больше всего индианизмов в топонимии Канады: начиная с самого ее названия, которое означает на языке гуронов и ирокезов «деревня» (*Québec, Ontario, Ottawa*). Помимо географических названий, во французский язык Канады вошло не так уж много индейских слов, но, войдя в него, многие из них стали в нем полноправными и употребляются не только в разговорной, но и в литературной речи (Реферовская 2012).

Англо-американизмы

В исследовании Н. А. Слобожаниной (2008) были раскрыты особенности формирования французского языка на территории Квебека под влиянием англо-американской речи на фонетическом, словообразовательном, лексическом, грамматическом уровнях. Так, фонетические особенности определяются двумя факторами: влиянием диалектального произношения и англо-американской речи. Лексическая система обогащается за счет большого количества калек, за счет изменения значений слов (семантические заимствования), а также путем образования новых лексических единиц при помощи таких словообразовательных моделей, как словосложение, суффиксация. Было выявлено, что чаще всего заимствованные из английского/американского языка существительные приобретают соответствующие грамматические категории во французском языке (род, число), а также частично заимствован из английского языка притяжательный падеж. Среди заимствований встречается небольшое количество прилагательных: те прилагательные, которые включены в состав *CnF* с французским суффиксом, приобретают соответствующие флексии женского рода и множественного числа, остальные прилагательные остаются неизменными, как и в английском/американском языке.

Н. А. Слобожанина отмечает, что синтаксической особенностью *Quebec French (QF)* считается замена предлога, принятого во французском словосоче-

тании, предложом соответствующего английского/американского предложного словосочетания. Н. А. Слобожанина также указывает, что специфика структуры лексических англоязычных заимствований в Квебеке (*QF*) сохраняет вследствие свойственной ему консервативности изрядное количество старых слов, которые есть и в английском/американском, так называемые «обратные заимствования». Н. А. Слобожанина описывает ряд структурных групп заимствований: морфосемантические заимствования, которые обозначают неизвестные ранее явления и предметы; семантические заимствования, которые существуют в речи местных жителей параллельно с французскими лексическими единицами; опосредованные заимствования, которые английский/американский перенял сам у другого языка; лжезаимствования, образованные от французских корней с добавлением английских/американских аффиксов (Слобожанина 2008).

По мнению Н. А. Слобожаниной, англо-американские прецедентные явления влияют на ценностную картину мира квебекцев, большое количество калек и простых, часто употребляемых в речи, англо-американских слов в *QF* объясняется языковой привычкой общения франкофонов с англофонами. Исследование степени семантической освоенности англо-американских заимствований, принадлежащих к массово-информационному и к художественному дискурсу (с опорой на лексикографические источники), указывает на расширение семантической структуры слова, связанное с образованием фразеологизмов, что позволяет говорить об определенной степени семантической освоенности и самостоятельности таких лексических единиц (Там же).

Общеизвестно, что аккумуляция импортированных концептов ведет к изменению системы ценностей в лингвокультуре. Это явление само по себе неизбежно как следствие тесного контакта двух лингвокультур. Н. А. Слобожаниной выделены паразитарные по отношению к французскому языку концепты, которые имеют общеоценочный характер и объясняются сегодняшней языковой модой, влиянием глобального английского языка и общежитием двух лингвокультур. Показаны также чужие концепты, апеллирующие к иной системе ценностей. Таким образом, можно констатировать, что не все случаи заимство-

ваний англо-американских слов и выражений свидетельствуют о заимствовании связанных с этими словами концептов. В отношении англо-американских концептов высказывается критика, причем часто осуждаются не сами концепты (пустые и паразитарные), а их вербальные проявления – неуместные заимствования. Причиной, лежащей в основе отрицательного результата пуристической активности, является реальная лингвистическая и экстралингвистическая ситуация, в которой происходит языковой контакт на территории Квебека (Слобожанина 2008).

Англо-американизмы активно проникают в массово-информационный и художественный дискурс (Там же). В массово-информационном дискурсе наблюдаются два типа интерпретации: 1) без какого-либо комментария; 2) с приводимым французским эквивалентом. В художественном дискурсе употребление англо-американизмов не сопровождается каким-либо комментарием или пояснением на французском языке. Случаи графического выделения этих единиц в тексте свидетельствуют о дополнительной авторской оценке того или иного события в жизни главного персонажа. Наличие большего числа англо-американизмов без какой-либо интерпретации в современном художественном дискурсе Квебека, по сравнению с такими же в массово-информационном дискурсе, позволяет говорить о том, что разговорный *QF* (отражением которого является художественная литература) более склонен воспринимать заимствованные слова в их первоначальной форме, чем переводить их с помощью собственных средств.

2.4.4. Грамматический аспект *SpF*

Морфологические особенности национального варианта французского языка в Канаде представляют определенный интерес для исследователей, поскольку они отражают значимые лингвистические процессы. Например, ряд существительных в канадском французском имеет другой род: *hiver*, *orange*, *ouvrage* в Квебеке женского рода. Распространено употребление наречий *ben* и *gros* как количественных: *J'ai pas ben de livres* («У меня много книг»). В гла-

гольной системе встречаются устаревшие формы причастий (*rèpons*), отличается произношение *futur immediat*, а также более часто употребление *passé simple* (Голубева-Монаткина 2010: 64–68).

Существуют некоторые различия в дистрибуции и валентности языковых единиц, в их коннотативной маркированности. Так, например, в Квебеке активнее используется личное местоимение 2 лица единственного числа *tu*, даже при обращении к незнакомому лицу, что невозможно во Франции, регистрируется несколько больший процент использования пассивных конструкций (Там же).

Особенности словообразования

Целый ряд слов снабжается франко-канадцами иными суффиксами, чем те, которые свойственны им в современном языке Франции. От одного и того же корня при помощи различных суффиксов могут образовываться различного вида существительные с одинаковым значением. Иными словами, в словообразовании имеют место процессы, свойственные среднефранцузскому периоду развития языка. В ряде случаев франко-канадцы сохраняют суффиксальные образования той эпохи, в других случаях – заново образуют слова от имеющихся корней, используя те или иные находящиеся в их распоряжении словообразовательные средства. Нередко франко-канадская форма представляет собой сохранение одного из старых словообразовательных вариантов слова. Сохранившиеся от старых времен являются, например: *doutance* вместо *doute* («сомнение»), *demeurance* вместо *demeure* («жилище»), а также *coutance*, *coutage* и *coutement*, употребляемые наряду с *coût* («цена, стоимость, издержка»).

Язык среднефранцузского периода XV–XVI веков был «пристрастен» к суффиксальному образованию существительных, особенно выражающих абстрактные понятия (Реферовская 2012). Оно приводило к тому, что выстраивались целые ряды слов, образованных от одного и того же корня, с разными суффиксами, но без каких-либо различий в значениях. Литературный язык XVII–XVIII веков устранил эти «излишества». Однако они еще частично сохраняются в диалектах, а также на Американском материке (Там же).

Суффикс *-ure* – один из очень распространенных в канадском французском языке суффиксов существительного. Вместо *tissu* («ткань») говорят *tissure*, вместо *froid* («холод») – *froidure*, вместо *épaisseur* («толщина») – *épaisure* (Chantal 1956). Такое пристрастие к суффиксу *-ure* не есть черта, специфическая только для французского языка в Канаде, оно было характерно и для старого времени.

Очень распространен в речи франко-канадцев суффикс *-age*. В некоторых случаях это – сохранение старофранцузской формы слова, в некоторых – новообразования: *amarinage* – *marinade* («маринад»), *bénissage* – *actiondebénir* – («благословение»).

Наибольшую по численности группу образуют такие словообразовательные неологизмы, которые, будучи произведены от соответствующих основ, дублируют формы французского языка, образованные от тех же основ, но с помощью других суффиксов. Например: *doutable* вместо *douteux* («сомнительный»), *meublerie* вместо *ameublement* («мебель»), *francheté* и *franchitude* вместо *franchise* («откровенность»). Характерна подмена в целом ряде существительных суффикса *-eur* суффиксом *-eux*. Это смешение суффиксов покоилось в XVI веке на особенностях их произношения. Ввиду того, что конечное *r* не звучало в это время, оба суффикса произносились одинаково. В результате целый ряд существительных заменил *-eur* на *-eux*. Так, существительные типа *vendeur* («продавец») стали звучать так же, как прилагательные *heureux*, *joyeux* («счастливый, радостный») (Реферовская 2012).

Таким образом, во французском языке Канады не только сохраняются некоторые суффиксальные формы существительных, давно уже несвойственные литературному французскому языку, но также появляются новые формы. Вместо суффиксальных форм употребляются слова, не осложненные суффиксами: *sifflement* – *siffle* («свист»), *respiration* – *respir* («дыхание») (Carbonneau 1948).

В прилагательных очень распространен суффикс *-able*: *regardable* – «смотрящий»; *vivable* – «живущий»; *disable* – «говорящий». Очень распространена в речи франко-канадцев форма наречия на *-ment*: *mauvaisement* – «плохо»; *raidement* – «несгибаемо»; *presquement* – «почти».

Грамматика канадского французского также подвергается определенному влиянию английского языка, особенно это касается разговорного стиля.

4.2.5. О тенденциях стандартизации СпF

Дебаты о норме, принципах стандартизации и статусе канадского французского языка в общей системе франкофонии нельзя считать завершенными до настоящего времени, так как на начало XXI века присутствуют научные труды, рассматривающие аргументы за и против основных выделяемых тенденций стандартизации. Для французского языка в Канаде вопрос тенденции стандартизации неотделим от проблемы системного статуса языка, т. к. здесь идет речь о тенденции либо уподобления языку Франции, либо укрепления и развития специфических, эндемических черт (Слобожанина 2008). Аргументы различны: с одной стороны, квебекский французский – такая же равноправная часть общей системы, а европейский французский нельзя считать однозначно «чистым», идеальным. Кроме того, национальные особенности квебекского французского языка несут определенный этнический и исторический колорит. С другой стороны, нередко постулируется мнение о необходимости избегания регионализмов в речи. Параллельно европейский французский рассматривается не как абстрактный «правильный» французский язык, а как наиболее приближенный к нему национальный вариант.

История исследований канадского французского языка противоречива, и во многом его парадигма детерминируется особенностями мотивации по отношению к национальному варианту. Французский язык на территории Канады имеет статус государственного наравне с английским языком, однако последний занимает превалирующее положение. Именно поэтому большую часть билингвов составляют франко-канадцы. Следует также отметить, что французский язык франко-канадцев неодинаков и варьируется в зависимости от региона и принадлежности к той или иной этнокультурной группе. Специфика развития канадского французского определила его «подчиненное» положение в общей

системе языковой ситуации, что, в свою очередь, привело к возникновению сильных консервативных тенденций, то есть к стремлению сохранить французский язык. Возрастание исследовательского интереса, признание особенностей квебекского французского языка как имеющего право на существование обусловили в свою очередь изменения в мотивации и в облике социально-коммуникативной подсистемы. Согласно новейшим исследованиям лингвистов, в частности К. Верро, французский язык Квебека характеризуется хронолектными, тополектными, социолектными, функционально-стилистическими и экспрессивными типами вариативности языка (Verreault 1999). В исследовании В. Т. Клокова (2003) раскрываются сущностные характеристики вариативности франко-квебекского языка. Ученый отмечает, что *хронолектная* вариативность проявляется в существовании историзмов, архаизмов и неологизмов, *тополектная вариативность* характеризуется наличием синонимичных рядов для обозначения одних и тех же денотатов, *социолектная вариативность* различается специфическими лексемами и выражениями, употребляемыми в тех или иных коммуникативных ситуациях, *функционально-стилистическая вариативность* проявляется в первую очередь в противопоставлении лексем, относящихся к устному и письменному регистрам речи, *экспрессивная вариативность* – в наличии экспрессивных, стилистически маркированных лексем и выражений. Развитие этой теории, по мнению З. А. Усмановой (2014а, 2014b), в перспективе помогло бы в определении франко-квебекского языкового стандарта, а также в проведении необходимой унификации квебекского варианта французского языка, характерного для квебекской лингвокультуры.

Заключение

В современных условиях широкого распространения многоязычия описание общих закономерностей и конкретных проявлений активного взаимодействия между языками в различных регионах планеты способствует созданию более объективной картины многообразных языковых ситуаций, наблюдающихся в социально-культурном, социально-экономическом, политическом и государственно-правовом аспектах жизни мирового сообщества.

Анализ языковой ситуации в современной Канаде на материале имеющихся сведений в специальной литературе, а также на основе наблюдений ученых над реальными языковыми фактами показывает, что английский язык для подавляющего большинства населения страны является родным и мажоритарным, доминируя почти во всех провинциях Канады, за исключением Квебека, где основное население говорит на французском языке, а английский является языком меньшинства.

На территории Квебека прослеживается наиболее тесный контакт английского с французским – вторым официальным языком страны и миноритарным языком на остальной территории Канады. Именно в Квебеке наблюдается подлинный и в то же время вынужденный (социально обусловленный) билингвизм: в большей степени – со стороны англофонов и в меньшей – франкофонов. Здесь выделяется особый региональный диалект – так называемый *Quebec English*, явившийся результатом тесного взаимодействия английского и французского языков на территории Квебека. При этом речь идет в основном об английском языке жителей Монреаля и Оттавы, являющихся самыми билингвальными городами Канады. Примечательно, что через *Quebec English* ряд локально маркированных языковых единиц, прежде всего лексических, отражавших первоначально реалии провинции Квебек, начинают осознаваться англо-канадцами как относящиеся ко всей Канаде и далее проникать через речь билингвов и даже англофонов Квебека в национальный стандарт *SnE*, закрепляясь в нем на уровне системы.

Представляется важным в оценке нынешней языковой ситуации на территории Канады усиливающееся влияние на *CnE* со стороны *AmE* вследствие прежде всего географической близости Канады и США, способствовавшей тесным историческим, культурным и экономическим связям между этими двумя странами. Вышеуказанные факторы экстралингвистического характера изначально определили формирование и дальнейшее развитие канадского варианта английского языка по североамериканскому типу

Несмотря на объединение в общий с США североамериканский языковой континуум, а также на наличие общих черт с *AmE* в области фонологии, лексики и грамматики, *CnE* признается многими учеными-лингвистами как самостоятельный национальный вариант английского языка, существующий независимо от *AmE*. Ученые констатируют, что в настоящее время не наблюдается массовой американизации канадского варианта английского языка за рамками уже существующего тренда развития последнего по североамериканскому образцу. Еще во многом предстоит выявить социальные факторы и последствия влияния *AmE* на *CnE*, а также вектор схождения/расхождения *CnE* и *AmE* с течением времени, языковые уровни схождения/расхождения указанных национальных вариантов. В целом, по мнению Ч. Боберга (2012), занимающегося проблемой *CnE*, национальный вариант английского языка в Канаде представляет собой сплав элементов американского, британского и канадского английского (*an amalgam of American, British and Canadian features*). Ученый отмечает, что современная форма *CnE* не статична, а постоянно находится в динамике развития языковых изменений под влиянием множества культурологических и социологических факторов.

Французский язык на территории Канады (*CnF*) остается, по мнению ученых (Исаев 2015), языком бытового и межличностного семейного общения при общей ограниченности его применимости в социально-политической сфере, детерминированной неравномерностью в билингвальном распределении жителей в государстве. В отличие от канадского английского языка, развитие квебекского французского было более последовательным. Подчиненное положение французского языка на протяжении достаточно длительного периода сыграло в определенном смысле

положительную роль в его сохранении и развитии. Дивергентные языковые единицы были сохранены, отношение к ним сменилось на положительное. Связь языка с национальной идентификацией, большее территориальное и социальное единство носителей французского языка в Канаде по сравнению с англофонами позволило национальному варианту оградиться от посторонних воздействий, что было достаточно для сохранения собственной системы, однако при этом произошло и ее обогащение за счет заимствований. По данным Д. В. Исаева (2015), выявленные маркированные единицы, проявляющиеся на всех уровнях языка (особенно на фонетическом уровне), определяющие облик национальной социально-коммуникативной подсистемы, демонстрируют, что канадский французский – полноценный, независимый, сформировавшийся национальный вариант.

Языковое будущее Канады видится в дальнейшем сближении двух национальных стандартов и углублении процесса билингвизма не только на территории отдельных провинций, но также и на всей территории страны, свидетельством чего могут служить попытки, в первую очередь со стороны федерального правительства, по увеличению количества билингвов в среде англоговорящего большинства страны за пределами Квебека. Оценивая характер билингвальной ситуации в современной Канаде в контексте языковой глобализации, характеризующейся победным шествием английского языка по странам и континентам в XXI веке, авторы хотели бы подчеркнуть непростой характер языкового взаимодействия английского языка с французским в современной Канаде. На сегодняшний день официальное двуязычие является отличительной чертой Канады и способствует эффективному социально-экономическому, политическому и культурному развитию страны. Именно поэтому поддержка ситуации двуязычия является приоритетным направлением в языковой политике правительства Канады. В стране создан специальный комитет по официальным языкам, который отвечает за осуществление плана языковой политики по усилению и продвижению двуязычия. В Канаде направленность государственных мер по регулированию языковой ситуации может быть охарактеризована как сохранение языков, занимающих подчиненное положение в системе, а также

стремление к отсутствию языковых барьеров в обществе за счет развития билингвизма (Исаев 2015). Население Канады также поддерживает языковую политику правительства. Важность сохранения двуязычия осознают 77 % канадцев. Двуязычие обладает, по их мнению, рядом преимуществ, включая быстрое экономическое развитие страны и культурное обогащение (Bilingualism in Canada 2014). Однако, несмотря на признание статуса билингвизма на государственном уровне, реальное языковое *status quo* для прибывающих в страну новых иммигрантов имеет весьма неопределенный характер, поскольку они не в состоянии естественным образом включиться в жизнь общества, если не могут говорить по-французски в Квебеке либо по-английски на остальной части страны, если они не владеют английским языком (Editorial Opinion 2015).

Несомненно, проблема билингвизма приобретает сейчас новые очертания в связи с грандиозными геополитическими изменениями в мире и с тенденцией к более тесному переплетению языков и культур в практике межкультурного общения, а также в свете как целенаправленного, так и стихийного экономического и делового сотрудничества. Лингвистические и социолингвистические проблемы билингвизма привлекают внимание как ученых, так и практиков. Особенно остро сейчас ощущаются политические аспекты языкового взаимодействия. Как справедливо отмечает К. В. Бахнян, «...различные модели языковой политики полиэтнических государств являются результатом процесса конвергентно-дивергентного развития двуязычия и многоязычия, языковых контактов и интерференции языков...». В наступившем XXI веке перед всеми полиэтническими и многоязычными государствами неизбежно и настойчиво «...встает стратегическая проблема выработки особых моделей развития языковой политики, во многом определяемых общей стратегией внутренней языковой политики, проводимой правительствами этих государств» (Бахнян 2014: 70, 80). Социально-политическую значимость языковых вопросов в русле современного ошеломляющего распространения билингвизма (многоязычия) во всем многообразии его форм и видов в ноосфере XXI века еще предстоит осмыслить не только лингвистам, но также ученым многих направлений современного научного знания в соответствии с требованиями времени.

Список использованной литературы

Абызов 2005а: Абызов, А. А. Некоторые особенности словесного ударения в General Canadian (в сравнении с нормой Received Pronunciation и General American) / А. А. Абызов // Лексика, лексикография, терминология в русской, американской и других культурах: материалы VI междунар. шк.-семинара. – Иваново, 2005а. – С. 130–132.

Абызов 2005b: Абызов, А. А. Фонетические характеристики английской компрессированной речи (на материале канадского варианта английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А. А. Абызов. – Иваново, 2005b. – 242 с.

Абызов 2014: Абызов, А. А. О так называемой американизации Canadian English (к проблеме взаимовлияния двух национальных вариантов английского языка на Северо-Американском континенте) / А. А. Абызов // Вестн. гуманитарного фак. ИГХТУ. – Иваново, 2014. – Вып. 6. – С. 6–11.

Абызов 2015: Абызов, А. А. Standard Canadian English – миф или реальность? / А. А. Абызов // Изв. вузов. Сер. Гуманитарные науки. – Иваново, 2015. – Т. 6. – Вып. 1. – С. 38–43.

Алефиренко 2004: Алефиренко, Н. Ф. Теория языка / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Академия, 2004. – 368 с.

Алимов 2005: Алимов, В. В. Интерференция в переводе (на материале профессионально-ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации) / В. В. Алимов. – М.: Эдиториал УРСС, 2005. – 232 с.

Алпатов 2014: Алпатов, В. М. Языковая политика в России и мире / В. М. Алпатов // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. – М., 2014. – С. 11–24.

Анищенко 1981: Анищенко, Л. В. Канадский национальный вариант французского языка // Варианты полинациональных литературных языков / Л. В. Анищенко. – Киев: Наукова думка, 1981. – С. 226–246.

Аристова 1978: Аристова, В. М. Англо-русские языковые контакты / В. М. Аристова. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – 150 с.

Артемьева 2003: Артемьева, Е. Ю. Глобальный английский язык как фактор сохранения языкового плюрализма в международном сообществе / Е. Ю. Артемьева // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. История. Политология. Международные отношения. – 2003. – № 1. – С. 368.

Ахманова 2013: Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Либроком, 2013. – 576 с.

Ахметзянова 2005: Ахметзянова, Ф. С. Интерференция родного и русского языков при контакте с немецким в условиях национально-русского двуязычия: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Ф. С. Ахметзянова. – Тобольск, 2005. – 170 с.

Ахонина 2002: Ахонина, В. С. Англо-французское двуязычие в современной Канаде / В. С. Ахонина // США. Канада: Экономика. Политика. Культура. – 2002. – № 12. – С. 111–120.

Багана 2004: Багана, Ж. Языковая интерференция в условиях франко-конголезского билингвизма: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Ж. Багана. – Саратов, 2004. – 350 с.

Багана 2006: Багана, Ж. Французский язык в Африке: проблемы интерференции / Ж. Багана. – М.: Наука, 2006. – 163 с.

Багана, Трещева 2008: Багана, Ж. Языковая политика в Канаде / Ж. Багана, Н. В. Трещева // Научная мысль Кавказа. – 2008. – № 2. – С. 126–128.

Багана, Хапилина 2010: Багана, Ж. Контактная лингвистика. Взаимодействие языков и билингвизм / Ж. Багана, Е. В. Хапилина. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 78 с.

Баранова 2003: Баранова, Т. В. Русский язык как рецептор и источник лексических заимствований: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Т. В. Баранова. – Орел, 2003. – 204 с.

Бахнян 2014: Бахнян, К. В. Модели языковой политики и социолингвистическая стратегия полиэтнических государств / К. В. Бахнян // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: междунар. конф. (Москва,

16–19 сент. 2014 г.): докл. и сообщ. / отв. ред.: А. Н. Биткеева, В. Ю. Михальченко; Ин-т языкознания РАН; Науч.-исслед. центр по нац.-яз. отношениям. – М., 2014. – С. 70–80.

Беляева, Потапова 1961: Беляева, Т. М. Английский язык за пределами Англии / Т. М. Беляева, И. А. Потапова. – Л.: Учпедгиз, 1961. – 152 с.

Безрукая 2009: Безрукая, А. Н. Лексико-семантические и фонетические манифестации языковой вариативности: на материале английского языка Великобритании, США и Канады: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А. Н. Безрукая. – Белгород, 2009. – 186 с.

Блумфилд 1968: Блумфилд, Л. Язык: [пер. с англ.] / Л. Блумфилд. – М.: Прогресс, 1968. – 607 с.

Бондалетов 2011: Бондалетов, В. Д. Социальная лингвистика / В. Д. Бондалетов. – М.: Либроком, 2011. – 200 с.

Бондаренко 2006: Бондаренко, Е. М. Регионализмы в национальной лексико-семантической системе канадского варианта английского языка: на материале имен существительных и субстантивных словосочетаний: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е. М. Бондаренко. – Самара, 2006. – 221 с.

Бондаренко 1998: Бондаренко, М. В. Диалектная лексика канадского английского как фактор диалога культур / М. В. Бондаренко // Семантика и прагматика языка в диалоге культур. – Самара: Изд-во Самар. гос. ун-та, 1998. – С. 26–31.

Бондаренко 1999: Бондаренко, М. В. Формирование стандарта канадского варианта английского языка в рамках североамериканского языкового континуума / М. В. Бондаренко // Язык и культура (исследования по германской филологии): межвуз. сб. науч. тр. – Самара: Изд-во Самар. гос. ун-та, 1999. – С. 64–68.

Брозович 1967: Брозович, Д. Славянские стандартные языки и сравнительный метод / Д. Брозович // Вопр. языкознания. – 1967. – № 1. – С. 3–33.

Будаев, Чудинов 2009: Будаев, Э. В. Лингвистическая советология / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. – 292 с.

Бужаровска 1996: Бужаровска, Е. Лексичката интерференция на балканските јазици во македонската и грчката паралела на данииловиот «Четиријазичник» / Е. Бужаровска // Јазиците на почвата на Македонија. Кн. 3. – Скопие, 1996. – С. 157–163.

Быховец 1988: Быховец, Н. Н. Лексические особенности английского языка Канады / Н. Н. Быховец. – Киев: Наукова думка, 1988. – 150 с.

Вайнрайх 1972: Вайнрайх, У. Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх // Новое в лингвистике. Языковые контакты. – М.: Прогресс, 1972. – Вып. 6. – С. 25–60.

Вайнрайх 1979: Вайнрайх, У. Языковые контакты: [пер. с англ.] / У. Вайнрайх. – Киев: Вища шк., 1979. – 263 с.

Васильев, Венцкуте 1974: Васильев, В. А. Об изменениях в произношении современного английского языка / В. А. Васильев, Д. П. Венцкуте // Иностр. яз. в высш. шк. – 1974. – Вып. 8. – С. 148–156.

Веденина 1987: Веденина, Л. Г. Особенности французского языка / Л. Г. Веденина. – М.: Просвещение, 1987. – 240 с.

Виноградов 1990а: Виноградов, В. А. Интерференция / В. А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990а. – 685 с.

Виноградов 1978: Виноградов, В. В. Избранные труды. История русского литературного языка / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1978. – 320 с.

Виноградов 1990б: Виноградов, В. В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей: от Карамзина до Гоголя / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1990б. – 386 с.

Виноградская 2009: Виноградская, М. В. Интерферентные явления в речи российских немцев: грамматический и лексико-семантический аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М. В. Виноградская. – Майкоп, 2009. – 180 с.

Вишневская 1993а: Вишневская, Г. М. Интерференция и акцент (на материале интонационных ошибок при изучении неродного языка): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Г. М. Вишневская. – СПб., 1993а. – 373 с.

Вишневская 1993b: Вишневская, Г. М. Интонационная вариативность акцентной речи (в ситуации билингвизма) / Г. М. Вишневская // Социальная и функционально-стилистическая вариативность языка: тез. докл. межвуз. конф. – Пятигорск: ПГЛУ, 1993b. – С. 10–18.

Вишневская 1997: Вишневская, Г. М. Билингвизм и его аспекты: учеб. пособие / Г. М. Вишневская. – Иваново: ИвГУ, 1997. – 98 с.

Вишневская 2002: Вишневская, Г. М. Межкультурная коммуникация, языковая вариативность и современный билингвизм / Г. М. Вишневская // Ярослав. пед. вестн. – 2002. – № 1 (30). – С. 29–35.

Вишневская 2008: Вишневская, Г. М. Современный билингвизм и языковая глобализация / Г. М. Вишневская // Современный билингвизм: теоретические и прикладные аспекты: межвуз. сб. науч. тр. – Иваново, 2008. – С. 6–12.

Вишневская 2009: Вишневская, Г. М. Языковая вариативность в условиях глобализации / Г. М. Вишневская // Межкультурная коммуникация в глобальном мире: материалы междунар. конф. – Владимир, 2009. – С. 251–254.

Вишневская 2011: Вишневская, Г. М. Литературно-художественный билингвизм: лингвистическая интерпретация / Г. М. Вишневская. – Иваново: ИвГУ, 2011. – 224 с.

Вишневская 2013: Вишневская, Г. М. Новые формы существования языка и языковая вариативность: XXI век / Г. М. Вишневская // Успехи современного естествознания. – 2013. – № 5. – С. 121–122.

Владимирова 2001: Владимирова, М. А. Влияние культурной среды на формирование национальной самобытности (на примере канадской и американской культур) / М. А. Владимирова // США и Канада: экономика, политика, культура. – М., 2001. – № 9. – С. 16–29.

Володарская 2001: Володарская, Э. Ф. Заимствование как универсальное лингвистическое явление / Э. Ф. Володарская // Вопр. филологии. – 2001. – № 1. – С. 11–27.

Володина 2007: Володина, Е. Г. Лексические заимствования из английского языка в современном турецком языке: на материале периодики: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Е. Г. Володина. – М., 2007. – 239 с.

Гаращенко 2009: Гаращенко, Н. Л. Лексический состав французского языка в Канаде / Н. Л. Гаращенко // Вісн. ЛНУ ім. Тараса Шевченка. – 2009. – № 13. – С. 9–16.

Голотюк 2008: Голотюк, О. В. Французский язык в Канаде / О. В. Голотюк // Новитня філологія. – Міколаїв: Вид-во МДГУ ім. Петра Могили, 2008. – № 9 (29). – С. 132–144.

Голубева-Монаткина 2000: Голубева-Монаткина, П. И. Билингвизм в Канаде / П. И. Голубева-Монаткина // Речевое общение в условиях языковой неоднородности / под ред. Л. П. Крысина. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 224 с.

Голубева-Монаткина 2003: Голубева-Монаткина, П. И. Франкофонное многоязычие Канады: языковая культура акадийцев, квебекцев и франкоонтарийцев / П. И. Голубева-Монаткина // Этнокультурная мозаика и проблемы канадской идентичности: материалы междисциплинарного семинара. – М.: Наука, 2003. – С. 168–187.

Голубева-Монаткина 2010: Голубева-Монаткина, П. И. Французский язык в Канаде и США: социолингв. очерки / П. И. Голубева-Монаткина. – 2-е изд. – М.: КомКнига, 2010. – 192 с.

Григорьев 1996: Григорьев, Е. И. Прагматический аспект речевой просодии: экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Е. И. Григорьев. – М., 1996. – 427 с.

Гриценко, Кирилина 2014: Гриценко, Е. С. Языковая политика в условиях глобализации / Е. С. Гриценко, А. В. Кирилина // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2014. – С. 95–101.

Гришаева 2007: Гришаева, Е. Б. Типология языковых политик и языкового планирования в полиэтническом и мультикультурном пространстве: функциональный аспект: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Е. Б. Гришаева. – Красноярск, 2007. – 592 с.

Гронская 2005: Гронская, Н. Э. Язык и политика: коммуникация, дискурс, манипулирование / Н. Э. Гронская. – Нижний Новгород: НГУ, 2005. – 180 с.

Дебов 1992: Дебов, В. М. Лексическая специфика французского языка в Алжире / В. М. Дебов. – Иваново: ИвГУ, 1992. – 72 с.

Домашнев 1988: Домашнев, А. И. К истории создания концепции национального варианта языка / А. И. Домашнев // Вопр. языкознания. – 1988. – № 5. – С. 96–105.

Доржиева 2011: Доржиева, Г. С. Топонимия Квебека как отражение франкоязычной культуры региона (этнолингвистический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.05 / Г. С. Доржиева. – М., 2011. – 52 с.

Дроздова 1973: Дроздова, Н. Н. О некоторых тенденциях употребления перфектных форм с опущением глагола *have* в разных территориальных вариантах современного английского языка / Н. Н. Дроздова // Вопр. лингвистики. – Ярославль, 1973. – С. 25–36.

Дудник 1986: Дудник, Л. М. Словообразовательная активность канадизмов французского происхождения в английском языке Канады / Л. М. Дудник // Словообразовательные типы и гнезда в индоевропейских языках. – Владивосток, 1986. – С. 88–98.

Дудник 1988: Дудник, Л. М. Новейшие тенденции в интерференции английского и французского языков Канады / Л. М. Дудник // Грамматические и лексические аспекты регионального варьирования полинациональных языков. – Киев, 1988. – С. 23–26.

Жигалёв 1984: Жигалёв, Б. А. Ассимилятивные процессы в английской разговорной и официально-деловой речи / Б. А. Жигалёв // Фонетические средства стилевой дифференциации устного текста в английском языке: межвуз. сб. науч. тр. – М., 1984.

Жлуктенко 1981: Жлуктенко, Ю. А. Теория национальных вариантов английского языка / Ю. А. Жлуктенко // Варианты полинациональных литературных языков. – Киев: Наукова думка, 1981. – С. 5–19.

Жлуктенко 1983: Жлуктенко, Ю. А. Неологизмы – телескопные слова / Ю. А. Жлуктенко // Английские неологизмы. – Киев: Наукова думка, 1983. – С. 101–113.

Жлуктенко, Быховец 1981: Жлуктенко, Ю. А. Канадский национальный вариант английского языка / Ю. А. Жлуктенко, Н. Н. Быховец // Варианты полинациональных литературных языков. – Киев: Наукова думка, 1981. – С. 45–73.

Забелина 2010: Забелина, Н. А. Двужычие: язык как достояние социума / Н. А. Забелина // Учен. зап.: электронный науч. журн. Курск. гос. ун-та. – 2010. – Вып. № 1 (13). – URL: <http://eur-lex.europa.eu>; <http://www.languages-study.com/statistics> www.gks.ru

Заботкина 1989: Заботкина, В. И. Новая лексика современного английского языка / В. И. Заботкина. – М.: Высш. шк., 1989. – 126 с.

Зеленцова 2011: Зеленцова, Ю. А. Языковая ситуация в Канаде / Ю. А. Зеленцова. – 2011. – URL: <http://www.pags.ru/science/conferences/E-conference/Zelentsova.doc>

Зенкевич 2003: Зенкевич, С. М. Аудирование как вид перцептивной деятельности: экспериментально-фонетическое исследование на материале британского варианта английского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / С. М. Зенкевич. – СПб., 2003. – 218 с.

Зорина 1996: Зорина, З. Г. Фонетические особенности функционирования русского языка в условиях двуязычия: экспериментально-фонетическое исследование на материале русской речи горных, луговых мари и русскоязычного населения Республики Марий Эл: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / З. Г. Зорина. – СПб., 1996. – 357 с.

Исаев 2011: Исаев, Д. В. Влияние социолингвистической мотивации на развитие языковой ситуации на примере Канады / Д. В. Исаев // Современные исследования социальных проблем. – 2011. – № 1. – С. 180–182.

Исаев 2015: Исаев, Д. В. Социолингвистическая мотивация в становлении и развитии национального варианта языка (на примере функционирования канадских вариантов английского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Д. В. Исаев. – Оренбург, 2015. – 209 с.

Ищенко 1977: Ищенко, Н. В. О функционировании французских заимствований в английском языке Канады / Н. В. Ищенко // Сб. науч. тр. Моск. пед. ин-та иностр. яз. – 1977. – Вып. 115. – С. 175–190.

Ищенко 1980: Ищенко, Н. В. Особенности заимствования французской лексики английским языком Канады: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н. В. Ищенко. – М., 1980. – 24 с.

Карасик 2002: Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Касаткина 1973: Касаткина, Т. И. Употребление сослагательного наклонения в различных стилях в современном английском языке Канады / Т. И. Касаткина // Вопр. лингвистики. – Ярославль, 1973. – С. 65–73.

Каспранский 1976: Каспранский, Р. Р. Статус разговорного языка и кодифицированного литературного языка в рамках единого национального языка / Р. Р. Каспранский // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. – Горький, 1976. – Вып. 7. – Ч. 1. – С. 224–230.

Касьяненко 2010: Касьяненко, Л. С. Механизм просодической интерференции в русской речи кабардино-черкесских билингвов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Л. С. Касьяненко. – Пятигорск, 2010. – 158 с.

Кимягорова 1989: Кимягорова, Р. С. Типы и виды адаптаций заимствованной лексики в русском языке Нового времени (XVIII–XX вв.) / Р. С. Кимягорова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 1989. – № 6. – С. 69–78.

Киритова 2010: Киритова, И. А. Особенности фонетической организации английской речи носителей тайского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / И. А. Киритова. – Владивосток, 2010. – 24 с.

Климов 1970: Климов, В. В. Языковые контакты / В. В. Климов // Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1970. – С. 245–287.

Клоков 2000: Клоков, В. Т. Французский язык в Канаде: Социолингвистический и лексикографический аспекты изучения / В. Т. Клоков // Романо-германская филология: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – Вып. 1. – С. 3–15.

Клоков 2003: Клоков, В. Т. Концептный компонент значения языковых и речевых единиц / В. Т. Клоков // Романо-германская филология: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – Вып. 3. – С. 3–14.

Клоков 2005: Клоков, В. Т. Французский язык в Северной Америке / В. Т. Клоков. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005. – 400 с.

Ковалева 2006: Ковалева, С. С. Билингвизм как социально-коммуникативный процесс: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / С. С. Ковалева. – М., 2006. – 144 с.

Ковылина 1981: Ковылина, Л. Н. Синтаксическая интерференция и способы ее изучения: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Л. Н. Ковылина. – Алма-Ата, 1981. – 226 с.

Кожемякина 1994: Кожемякина, В. А. Решение языковых проблем в многонациональной стране (на материале Канады) / В. А. Кожемякина // Язык в контексте общественного развития. – М., 1994. – С. 261–267.

Коршук 1987: Коршук, Е. В. Психолингвистическая типология межъязыковой лексической интерферентности: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е. В. Коршук. – Минск, 1987. – 186 с.

Костина 2006: Костина, Г. В. Вокалическая система кильдинского диалекта саамского языка в свете русско-саамской интерференции: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Г. В. Костина. – СПб., 2006. – 175 с.

Кругляк 2004: Кругляк, Е. Е. Английские заимствования во французском языке Канады / Е. Е. Кругляк // Романо-германская филология: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. – С. 35–39.

Кругляк 2006: Кругляк, Е. Е. Семантические изменения в условиях языкового контакта (на материале общественно-политической лексики французского языка Канады): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е. Е. Кругляк. – Саратов, 2006. – 21 с.

Кругляк 2012: Кругляк, Е. Е. Особенности лексики французского языка Канады / Е. Е. Кругляк. – 2012. – URL: <http://www.sgu.ru/files/nodes/13235/4.doc>

Крысин 1968: Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. – М.: Наука, 1968. – 208 с.

Кубрякова 2004: Кубрякова, Е. С. Язык и знание / Е. С. Кубрякова. – М.: Яз. слав. культуры, 2004. – 560 с.

Кузнецов 2001: Кузнецов, С. Н. Модели языковой политики в русскоязычном обществе / С. Н. Кузнецов // Русский язык: исторические судьбы и современность: материалы междунар. конгр. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 308–309.

Кузнецов 2014: Кузнецов, С. Н. Интерлингвистика: Теория. История. Терминология / С. Н. Кузнецов. – М.: Импэто, 2014. – 380 с.

Кузнецова 1998: Кузнецова, И. Н. Теория лексической интерференции (на материале французского языка): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.05 / И. Н. Кузнецова. – М., 1998. – 420 с.

Куликов 2004: Куликов, Д. В. Становление двуязычной личности в условиях искусственного билингвизма (лексический и лексикографический аспекты): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Д. В. Куликов. – Саратов, 2004. – 208 с.

Курбанов 2009: Курбанов, Х. Т. Проблема влияния английского языка на французский язык Канады / Х. Т. Курбанов // *Lingua – univsum*: межвуз. науч. журн. – Назрань, 2009. – № 2. – С. 12–15.

Кусанова 2009: Кусанова, Б. Х. Интегральность сегментной и супрасегментной слоговой интерференции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Б. Х. Кусанова. – Алматы, 2009. – 37 с.

Лаврентьева 2001: Лаврентьева, Н. Г. Вариативность акцентуации английских композитов (в парадигматике и синтагматике английской деловой речи): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н. Г. Лаврентьева. – Иваново, 2001. – 22 с.

Ладыгина 2014: Ладыгина, Е. В. Французский язык в Швейцарии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Е. В. Ладыгина. – М., 2014. – 185 с.

Лазарева 2004: Лазарева, Ю. А. Усечения в современной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ю. А. Лазарева. – М., 2004. – 16 с.

Лассвелл 2006: Лассвелл, Г. Язык власти / Г. Лассвелл // Политическая лингвистика. Вып. 20. – Екатеринбург, 2006. – С. 264–280.

Левина 2001: Левина, Т. В. Эволюция акцентной нормы сложных слов английского языка в XX веке: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Т. В. Левина. – М., 2001. – 424 с.

Леонтьев 1976: Леонтьев, А. А. Язык как социальное явление (к определению объекта языкознания) / А. А. Леонтьев // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. – М., 1976. – Т. 35. – Вып. 4. – С. 299–307.

Лисник 2005: Лисник, М. В. Лингвистические признаки речевой компрессии в ситуации искусственного билингвизма (русско-французский языковой контакт): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М. В. Лисник. – Ярославль, 2005. – 244 с.

Лукова 2004: Лукова, Н. В. Просодия русского специального вопроса в условиях греческой интерференции: экспериментально-фонетическое исследование: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Н. В. Лукова. – Пятигорск, 2004. – 226 с.

Лысенко 1979: Лысенко, А. И. О некоторых фонетических особенностях английского языка Канады / А. И. Лысенко // Вопросы диалектологии и истории немецкого языка: межвуз. сб. науч. тр. – Омск, 1979. – С. 132–136.

Любимова 1991: Любимова, Н. А. Фонетическая интерференция и общение на неродном языке (экспериментальное исследование на материале финско-русского двуязычия): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Н. А. Любимова. – СПб., 1991. – 375 с.

Макаев 1962: Макаев, Э. А. Понятие давления системы и иерархия языковых единиц / Э. А. Макаев // Вопр. языкознания. – 1962. – № 5. – С. 47–52.

Матвеева 2005: Матвеева, О. В. Лексическое калькирование как результат лингвокультурного влияния в условиях межкультурной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О. В. Матвеева. – Саратов, 2005. – 216 с.

Метлюк 1986: Метлюк, А. А. Взаимодействие просодических систем в речи билингва / А. А. Метлюк. – Минск: Вышэйш. шк., 1986. – 111 с.

Мечковская 2000: Мечковская, Н. Б. Социальная лингвистика / Н. Б. Мечковская. – М.: Аспект-Пресс, 2000. – 205 с.

Мечковская 2001: Мечковская, Н. Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков / Н. Б. Мечковская. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 312 с.

Мечковская 2008: Мечковская, Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: курс лекций: учеб. пособие для студ. филол., лингв. и переводовед. фак. вузов / Н. Б. Мечковская. – 3-е изд., стер. – М.: Академия, 2008. – 432 с.

Мечковская, Норман 1983: Мечковская, Н. Б. Общее языкознание: учеб. пособие для филол. фак. вузов / Н. Б. Мечковская, Б. Ю. Норман; под общ. ред. А. Е. Супруна. – Минск: Высш. шк., 1983. – 456 с.

Миронова 2006: Миронова, Е. А. Типологические особенности взаимодействия вариантов полинационального языка (на материале французского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е. А. Миронова. – Ульяновск, 2006. – 176 с.

Михальченко, Кожемякина, Кондрашкина 2010: Михальченко, В. Ю. Адаптация социальных функций языка к изменениям в социуме / В. Ю. Михальченко, В. А. Кожемякина, Е. А. Кондрашкина // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 402–412.

Морозова 2004: Морозова, О. Н. Аллофонное варьирование гласных (экспериментально-фонетическое исследование на материале канадского варианта английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О. Н. Морозова. – Благовещенск, 2004. – 186 с.

Нелюбин 2005: Нелюбин, Л. Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект): учеб. пособие / Л. Л. Нелюбин. – М., 2005. – 216 с.

Никитин 2010: Никитин, Д. С. Структурно-функциональные особенности иноязычных заимствований в тексте современной газеты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Д. С. Никитин. – Ярославль, 2010. – 193 с.

Оксентюк 1981: Оксентюк, О. Р. Становление лексико-семантических особенностей варианта английского языка в условиях двуязычия: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О. Р. Оксентюк. – М., 1981. – 25 с.

Оксентюк 1986: Оксентюк, О. Р. Языковая ситуация в двуязычном государстве и её проявление на речевом уровне / О. Р. Оксентюк // Сб. науч. тр. – М., 1986. – Вып. 273. – С. 64–75.

Оксентюк 1988: Оксентюк, О. Р. Особенности формирования и функционирования английского языка в Канаде и Австралии / О. Р. Оксентюк // Высказывание и текст: взаимодействие языковых единиц. – М.: Ин-т языкознания АН СССР; МГИМО, 1988. – С. 113–120.

Ощепкова 2006: Ощепкова, В. В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии / В. В. Ощепкова. – М.; СПб.: ГЛОССА: КАРО, 2006. – 336 с.

Панькин, Филиппов 2011: Панькин, В. М. Языковые контакты: краткий слов. / В. М. Панькин, А. В. Филиппов. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 160 с.

Пивоварова 2005: Пивоварова, М. О. Слоγο-ритмическая организация английской речи носителей вьетнамского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / М. О. Пивоварова. – Владивосток, 2005. – 180 с.

Пильгун 2012: Пильгун, Е. В. Влияние французской речевой культуры на английский язык в Канаде / Е. В. Пильгун. – 2012. – URL: www.fir.bsu.by/chairs/ee/publications_ee/pilgun/pilgrim_2012_cros_cultur_BGU.pdf

Подстрахова 2010: Подстрахова, А. В. Проблемы регионального варьирования языков в эпоху глобализации (на материале современного английского языка) / А. В. Подстрахова. – 2010. – URL: <http://vfnglu.wladimir.ru/files/netmag/v3/ar03.doc>

Полюшкина 2003: Полюшкина, И. В. Особенности ударного вокализма в английской спонтанной разговорной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / И. В. Полюшкина. – М., 2003. – 16 с.

Попков 2002: Попков, В. В. Проблемы графико-орфографической интерференции: на материале современных германских языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / В. В. Попков. – Барнаул, 2002. – 207 с.

Попова 1974: Попова, Л. Г. Некоторые лексические особенности канадского варианта современного литературного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л. Г. Попова. – М., 1974. – 23 с.

Попова 1978: Попова, Л. Г. Лексика английского языка в Канаде / Л. Г. Попова. – М.: Высш. шк., 1978. – 116 с.

Привалова 2005: Привалова, И. В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации) / И. В. Привалова. – М.: Гнозис, 2005. – 472 с.

Пунегова 2002: Пунегова, Г. В. Фонетическая интерференция в условиях коми-русского двуязычия: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Г. В. Пунегова. – Сыктывкар, 2002. – 291 с.

Разумова 2011: Разумова, Л. В. Соотношение понятий «региональный» / «миноритарный» язык / Л. В. Разумова // Гуманитарный вектор. Сер. Педагогика, психология. – 2011. – № 2. – С. 213–217.

Разумова 2014: Разумова, Л. В. Репрезентация языковой нормы квебекского варианта французского языка / Л. В. Разумова. – Чита: ЗабГУ, 2014. – 207 с.

Реферовская 1969: Реферовская, Е. А. Французский язык в Канаде / Е. А. Реферовская // Вопросы социальной лингвистики. – Л.: Наука, 1969. – С. 218–265.

Реферовская 1976: Реферовская, Е. А. Канадский вариант французского языка / Е. А. Реферовская // Типология сходств и различий близкородственных языков. – Кишинев: Штиинца, 1976. – С. 74–79.

Реферовская 2012: Реферовская, Е. А. Французский язык в Канаде / Е. А. Реферовская. – 3-е изд. – М.: URSS, 2012. – 216 с.

Розенталь, Теленкова 1985: Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.

Розенцвейг 1972: Розенцвейг, В. Ю. Основные вопросы теории языковых контактов / В. Ю. Розенцвейг // Новое в лингвистике. Языковые контакты. – М.: Прогресс, 1972. – Вып. 6. – С. 5–24.

Серебрянников 1970: Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка / под ред. Б. А. Серебрянникова. – М.: Наука, 1970. – 597 с.

Скарлупина 2009: Скарлупина, Ю. А. Лингвокультурные отношения франкоязычных стран / Ю. А. Скарлупина // Honors high school-2009: материалы за V междунар. науч.-практ. конф. – София, 2009. – С. 30–38.

Скибина 1996: Скибина, В. И. Национально-негетерогенный язык и лексикографическая практика / В. И. Скибина. – Запорожье: Видавец, 1996. – 76 с.

Скибина 1998: Скибина, В. И. Распространение национального языка и проблемы лексикографии (на материале английского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / В. И. Скибина. – Киев, 1998. – 26 с.

Слобожанина 2008: Слобожанина, Н. А. Англо-американизмы во французском языке Квебека: грамматический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н. А. Слобожанина. – Самара, 2008. – 230 с.

Сморозин 2006: Смородин, А. Ю. Социолингвистическая природа заимствованной лексики: на основе публицистических материалов по компьютерной технике: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / А. Ю. Смородин. – М., 2006. – 165 с.

Солнцев 1984: Солнцев, В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы / В. М. Солнцев // Вопр. языкознания. – 1984. – № 2. – С. 31–42.

Соснина 2006: Соснина, Н. И. Вариативность акцентуации бинарного именного терминологического словосочетания (на материале языка для специальных целей): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н. И. Соснина. – Ярославль, 2006. – 272 с.

Суперанская 1968: Суперанская, А. В. Ударение в заимствованных словах в современном русском языке / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1968. – 310 с.

Сусов 2006: Сусов, И. П. История языкознания / И. П. Сусов. – М.: Восток-Запад, 2006. – 295 с.

Суходоева 2006: Суходоева, Т. А. Языковые контакты в условиях активного доминирования мажоритарного языка над миноритарным (на примере взаимодействия луизианского варианта французского языка с английским языком): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Т. А. Суходоева. – Ульяновск, 2006. – 23 с.

Сухорукова 2005: Сухорукова, Ю. С. Динамика семантических процессов заимствования в современном французском языке (свободный и связанный

контекст): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Ю. С. Сухорукова. – СПб., 2005. – 24 с.

Телия 1981: Телия, В. Н. Типы языковых значений / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1981. – 269 с.

Тер-Минасова 2008: Тер-Минасова, С. Г. Война и мир языков и культур / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2008. – 334 с.

Тимачев 2005: Тимачев, П. В. Лингвокультурная интерференция как коммуникативная помеха: на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / П. В. Тимачев. – Волгоград, 2005. – 179 с.

Торсуев 1977: Торсуев, Г. П. Константность и вариативность в фонетической системе / Г. П. Торсуев. – М.: Наука, 1977. – 125 с.

Трегубова 2009: Трегубова, Ю. А. Социолингвистический аспект интерференции при неконтактном двуязычии: на материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ю. А. Трегубова. – Елец, 2009. – 212 с.

Трещева 2007: Трещева, Н. В. Типологические особенности заимствованных языковых единиц (на материале английских заимствований в канадском варианте французского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н. В. Трещева. – Белгород, 2007. – 160 с.

Усманова 2014а: Усманова, З. А. Квебекская идентичность сквозь призму лингвокультурной парадигмы: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / З. А. Усманова. – М., 2014а. – 209 с.

Усманова 2014b: Усманова, З. А. Языковая и лингвокультурологическая сущность французского языка Канады / З. А. Усманова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014b. – № 9. – Ч. 2. – С. 183–186.

Устинова 2015: Устинова, О. В. Отражение языковой картины мира в лексической системе канадских вариантов французского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / О. В. Устинова. – М., 2015. – 189 с.

Фесенко 1987: Фесенко, Е. А. Константные и вариативные признаки акцентно-мелодической структуры в интонационной системе английского языка

(на материале национальных вариантов английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е. А. Фесенко. – М., 1987. – 23 с.

Фомиченко 1998: Фомиченко, Л. Г. Когнитивные основы просодической интерференции: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Л. Г. Фомиченко. – М., 1998. – 357 с.

Хапилина 2005: Хапилина, Е. В. Контакты европейских языков на территории Африки (на материале английских заимствований в африканских вариантах французского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е. В. Хапилина. – Саратов, 2005. – 161 с.

Хауген 1972: Хауген, Э. Языковой контакт / Э. Хауген // Новое в лингвистике. Языковые контакты. – М.: Прогресс, 1972. – Вып. 6. – С. 61–80.

Хоменко 1979: Хоменко, С. А. Модификация звуков речи в зависимости от просодических структур устных текстов (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / С. А. Хоменко. – Минск, 1979. – 23 с.

Хохлова 2013: Хохлова, И. Н. Языковая политика национальных государств и ее развитие в современном мире / И. Н. Хохлова // Россия и Запад: диалог культур. – 2013. – № 3. – URL: <http://www.regionalstudies.ru>

Цибуля 2000: Цибуля, Н. Б. Произносительные тенденции в канадском варианте английского языка / Н. Б. Цибуля // Звучащая речь: Теория и практика: сб. науч. тр. – М., 2000. – Вып. 453. – С. 71–78.

Чугаева 2009: Чугаева, Т. Н. Звуковой строй языка в перцептивном аспекте (экспериментальное исследование на материале английского языка): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Т. Н. Чугаева. – СПб., 2009. – 346 с.

Шатохина 2007: Шатохина, Г. С. Перцептивный аспект русско-японской фонетической интерференции: экспериментальное исследование на материале бифонемных консонансов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Г. С. Шатохина. – СПб., 2007. – 234 с.

Шахбагова 1992: Шахбагова, Д. А. Фонетическая система в диахронии и синхронии (на материале британского, американского, австралийского,

канадского вариантов английского языка) / Д. А. Шахбагова. – М.: Фоллис, 1992. – 284 с.

Шепелина 2002: Шепелина, Г. Р. Анализ системы согласных фонем канадского варианта английского языка / Г. Р. Шепелина // Вестн. Амур. гос. ун-та. – Благовещенск, 2002. – Вып. 18. – С. 91–93.

Шефатов 2005: Шефатов, О. И. Социальная природа языка и его роль в современном обществе: дис. ... канд. филол. наук: 09.00.11 / О. И. Шефатов. – Ставрополь, 2005. – 160 с.

Швейцер 1971: Швейцер, А. Д. Литературный английский язык в США и Англии / А. Д. Швейцер. – М.: Высш. шк., 1971. – 200 с.

Швейцер 1976: Швейцер, А. Д. К вопросу о типологии национальных вариантов языка / А. Д. Швейцер // Типология сходств и различий близкородственных языков. – Кишинев: Штиинца, 1976. – С. 21–31.

Швейцер 1990: Швейцер, А. Д. Социолингвистика / А. Д. Швейцер // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

Швейцер 2008: Швейцер, А. Д. Литературный английский язык в США и Англии / А. Д. Швейцер. – 3-е изд. – М.: URSS, 2008. – 199 с.

Ширин 2006: Ширин, А. Г. Билингвизм: поиск подходов к исследованию в отечественной и зарубежной науке / А. Г. Ширин // Вестн. Новгород. гос. ун-та. – 2006. – № 36. – С. 63–67.

Щерба 1958: Щерба, Л. В. Избранные труды по языкознанию и фонетике / Л. В. Щерба. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. – Т. 1. – 182 с.

Щур 1974: Щур, Г. С. Об особенностях сослагательного наклонения в английском языке Великобритании, США, Австралии и Канады / Г. С. Щур // Вопросы теории романо-германских языков: сб. науч. ст. – Днепропетровск, 1974. – Вып. 5. – С. 20–27.

Ярцева 1969: Ярцева, В. Н. Развитие национального литературного английского языка / В. Н. Ярцева. – М.: Наука, 1969. – 286 с.

Ahrend 1934: Ahrend, E. R. Ontario Speech / E. R. Ahrend // American Speech. – 1934. – Vol. 9. – № 2. – P. 136–139.

Alexander 1951: Alexander, H. The English language in Canada / H. Alexander // Royal Commission Studies. – Ottawa: King’s Printer, 1951. – P. 13–24.

Allen 1975: Allen, H. B. Canadian-American Differences along the Middle Border / H. B. Allen // Canadian English: Origins and Structures / ed. by J. K. Chambers. – Toronto, 1975. – P. 102–108.

Allen 1980: Allen, H. B. Review of “Avis Walter S. and A. M. Kinloch. Writings on Canadian English. 1972–1975. Toronto”/ H. B. Allen // Journal of English Linguistics. – 1980. – № 14. – P. 36–39.

Allen 1989: Allen, H. B. Canadian Raising in the Upper Midwest / H. B. Allen // American Speech. – 1989. – Vol. 64. – № 1. – P. 74–75.

Avis 1956: Avis, W. S. Speech Differences along the Ontario-United States Border. Pronunciation / W. S. Avis // The Journal of the Canadian Linguistic Association. – 1956. – Vol. 2. – № 2. – P. 41–59.

Avis 1973a: Avis, W. S. Eskimo Words in Canadian English / W. S. Avis // Lexicography and Dialect Geography. – Wiesbaden, 1973a. – P. 25–36.

Avis 1973b: Avis, W. S. The English Language in Canada / W. S. Avis // Current Trends in Linguistics. – Hague: Mouton, 1973b. – № 10. – P. 40–74.

Avis 1975: Avis, W. S. The Phonemic Segments of an Edmonton Idiolect / W. S. Avis // Canadian English: Origins and Structures / ed. by J. K. Chambers. – Toronto, 1975. – P. 118–128.

Avis 1986: Avis, W. S. The Contemporary Context of Canadian English / W. S. Avis // Dialect and Language Variation / ed. by: H. B. Allen, M. D. Linn. – Orlando, 1986. – P. 212–216.

Barbeau 1963: Barbeau, V. Le français du Canada / V. Barbeau. – Montréal, 1963.

Bauer 2002: Bauer, L. An Introduction to International Varieties of English / L. Bauer. – Edinburgh: EUP, 2002. – 135 p.

Bednarek 2009: Bednarek, A. Studies in Canadian English: Lexical Variation in Toronto / A. Bednarek. – Cambridge, 2009. – 123 p.

Bilingualism in Canada 2014: Bilingualism in Canada. – 2014. – URL: http://www.ocol-clo.gc.ca/html/biling_e.php

Blom, Gumperz 1972: Blom, J.-P. Social Meaning in Linguistic Structure: Codeswitching / J.-P. Blom, J. Gumperz // Directions in Sociolinguistics: The ethnography of communication: Norway / eds.: J. Gumperz, D. Hymes. – N. Y.: Holt, 1972. – P. 407–434.

Bloomfield 1975: Bloomfield, M. W. Canadian English and its Relation to Eighteenth Century American Speech / M. W. Bloomfield // Canadian English: Origins and Structures / ed. by J. K. Chambers. – Toronto, 1975. – P. 3–11.

Boberg 2000: Boberg, Ch. Geolinguistic Diffusion and the U.S. – Canada Border / Ch. Boberg // Language Variation and Change. – 2000. – Vol. 12. – № 1. – P. 1–24.

Boberg 2005: Boberg, Ch. The North American Regional Vocabulary Survey: New Variables and Methods in the Study of North American English / Ch. Boberg // American Speech. – 2005. – Vol. 80. – № 1. – P. 22–60.

Boberg 2008: Boberg, Ch. Regional Phonetic Differentiation in Standard Canadian English / Ch. Boberg // Journal of English Linguistics. – 2008. – Vol. 36. – № 2. – P. 129–154.

Boberg 2010: Boberg, Ch. The English Language in Canada: Status, History and Comparative Analysis / Ch. Boberg. – Cambridge University Press, 2010. – 272 p.

Boberg 2011: Boberg, Ch. Reshaping the Vowel System: An Index of Phonetic Innovation in Canadian English / Ch. Boberg // University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. – 2011. – Vol. 17. – № 2. – P. 21–29.

Boberg 2012: Boberg, Ch. Standard Canadian English / Ch. Boberg // Standards of English: Codified Varieties around the World / ed. R. Hickey. – 2012. – P. 159–178.

Breton-Carbonneau, Cleghorn 2010: Breton-Carbonneau, G. What's language got to do with it? An exploration of the learning environment in Quebec's classes d'accueil / G. Breton-Carbonneau, A. Cleghorn // Canadian and International Education Journal. – 2010. – № 39 (3). – P. 101–121.

Brown 1984: Brown, G. Listening to Spoken English / G. Brown. – M.: Просвещение, 1984. – 171 p.

Burton et al. 1987: Editing Canadian English / L. Burton [et al.]. – Vancouver: Douglas & McIntyre, 1987. – 205 p.

Canadian English 2003: Canadian English. – 2003. – URL: [http://www.ic.arizona.edu/~lsp/Canadian English.html](http://www.ic.arizona.edu/~lsp/Canadian%20English.html)

Carbonneau 1948: Carbonneau, H. Nos vieilles façons de dire aux Iles de la Madeleine / H. Carbonneau. – Quebec, 1948. – 65 p.

Chambers 1973: Chambers, J. K. Canadian Raising / J. K. Chambers // Canadian Journal of Linguistics. – 1973. – Vol. 18. – № 2. – P. 113–135.

Chambers 1975a: Canadian English. Origins and Structures / ed. by J. K. Chambers. – Toronto: Methuen, 1975a. – 144 p.

Chambers 1975b: Chambers, J. K. The Ottawa Valley "Twang" / J. K. Chambers // Canadian English: Origins and Structures / ed. by J. K. Chambers. – Toronto: Methuen, 1975b. – P. 55–59.

Chambers 1986: Chambers, J. K. Three Kinds of Standard in Canadian English / J. K. Chambers // In Search of the Standard in Canadian English. – Kingston: Loughheed, 1986. – P. 1–19.

Chambers 1989: Chambers, J. K. Canadian Raising: Blocking, Fronting, etc. / J. K. Chambers // American Speech. – 1989. – Vol. 64. – № 1. – P. 75–88.

Chambers 1995: Chambers, J. K. The Canada-U.S. Border as a Vanishing Isogloss: The Evidence of Chesterfield / J. K. Chambers // Journal of English Linguistics. – 1995. – № 23. – P. 155–166.

Chambers 1997: Chambers, J. K. The Development of Canadian English / J. K. Chambers // Moderna Sprak. – 1997. – Vol. 91. – № 1. – P. 3–15.

Chambers 1998a: Chambers, J. K. English: Canadian Varieties / J. K. Chambers // Language in Canada / ed. by J. Edwards. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998a. – P. 252–272.

Chambers 1998b: Chambers, J. K. Social Embedding of Changes in Progress / J. K. Chambers // Journal of English Linguistics. – 1998b. – Vol. 1. – № 26. – P. 5–36.

Chambers 2002: Chambers, J. K. Sociolinguistic Theory: Linguistic Variation and Its Social Significance / J. K. Chambers. – Oxford, 2002. – 320 p.

Chambers 2010: Chambers, J. K. English in Canada / J. K. Chambers // Canadian English: A Linguistic Reader (Strathy Language Unit. Occasional Papers. № 6) / ed. by: E. Gold, J. McAlpine. – Kingston: Ontario, 2010. – P. 1–35.

Chambers, Hardwick 1986: Chambers, J. K. Comparative Sociolinguistics of a Sound Change in Canadian English / J. K. Chambers, M. Hardwick // English Worldwide. – 1986. – Vol. 7. – № 1. – P. 23–46.

Chantal 1956: Chantal, B. Quelques archaïsmes dans le parler populaire des Canadiens français / R. Chantal // La vie et le langage. – Paris, 1956. – № 68. – 130 p.

Chilton 2003: Chilton, P. Analysing Political Discourse: Theory and Practice / P. Chilton. – N. Y.: Routledge, 2003. – 240 p.

Chilton 2014: Chilton, P. Language, Space and Mind: The Conceptual Geometry of Linguistic Meaning / P. Chilton. – Cambridge: CUP, 2014. – 325 p.

Clarke 1993: Focus on Canada (Varieties of English around the World G11) / ed. by S. Clarke. – Amsterdam: Benjamins, 1993. – 208 p.

Clarke 1997: Clarke, S. Language in Newfoundland and Labrador: past, present and future / S. Clarke // Journal of the CAAL (Canadian Association of Applied Linguistics). – 1997. – Vol. 19. – № 1–2. – P. 11–34.

Clarke et al. 1995: The Third Dialect of English: Some Canadian Evidence / S. Clarke [et al.] // Language Variation and Change. – 1995. – № 7. – P. 209–228.

Colpron 1971: Colpron, G. Les anglicismes au Québec. Répertoire classifié / G. Colpron. – Montréal, 1971.

Considine 2003: Considine, J. Dictionaries of Canadian English / J. Considine // Lexicos. – 2003. – Vol. 13. – P. 250–270.

Corbeil 1976: Corbeil, J. C. Origine historique de la situation linguistique québécoise. Langue française / J. C. Corbeil. – Paris, 1976. – № 31.

Corbeil 1987: Corbeil, J. C. Vers un aménagement linguistique comparé. Politique et aménagement linguistique / J. C. Corbeil. – Québec, 1987.

Cruttenden 1997: Cruttenden, A. Intonation / A. Cruttenden. – Cambridge, 1997. – 201 p.

Crystal 2003: Crystal, D. English as a Global Language / D. Crystal. – Cambridge, UK: CUP, 2003. – 212 p.

Crystal 2004: Crystal, D. *The Language Revolution* / D. Crystal. – Malden, MA: Polity Press, 2004. – 128 p.

Cumming 1997: Cumming, A. *English Language in Education Policies in Canada* / A. Cumming // *Language policy: Dominant English, Pluralist Challenges* / ed. by: W. Eddington, H. Wren. – Amsterdam: John Benjamins, 1997. – P. 91–107.

Darbelnet 1983: Darbelnet, J. *La norme lexicale et l'anglicisme au Québec. La norme linguistique (sous la rédaction de Bedard E., Maurais J.)* / J. Darbelnet. – Québec: CLF, 1983. – P. 693–623.

Dean 1963: Dean, Ch. *Is There a Distinctive Literary Canadian English?* / Ch. Dean // *American Speech*. – 1963. – Vol. 38. – № 1–4. – P. 278–282.

Distinguishin Accents 2004: *Distinguishing Accents in English*. – 2004. – URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Distinguishing_accents_in_English

Dollinger 2008: Dollinger, S. *New-Dialect Formation in Early Canada: Evidence from the English Modal Auxiliaries* / S. Dollinger. – Amsterdam; Philadelphia, 2008. – 355 p.

Dollinger 2011: Dollinger, S. *Academic and Public Attitudes to the Notion of Standard Canadian English* / S. Dollinger // *English Today*. – Cambridge: Cambridge University Press. – 2011. – Vol. 27. – № 4. – P. 3–9.

Dollinger, Clarke 2012: Dollinger, S. *On the Autonomy and Homogeneity of Canadian English* / S. Dollinger, S. Clarke // *World Englishes*. – 2012. – Vol. 31. – № 4. – P. 449–466.

Editorial Opinion 2015: *Editorial Opinion*. – 2015. – 22 March. – URL: <http://www.thestar.com>

Edwards 1998: Edwards, J. *Language in Canada* / J. Edwards. – CUP, 1998. – 507 p.

Fairclough 2013: Fairclough, N. *Language and Power* / N. Fairclough. – 2-nd ed. – N. Y.: Routledge, 2013. – 226 p.

Fee 2008: Fee, M. *French Borrowing in Quebec English* / M. Fee // *Anglistik: International Journal of English Studies*. – 2008. – Vol. 19. – № 2. – P. 173–188.

Feng 2009: Feng, A. English in China: Convergence and Divergence in Policy and Practice / A. Feng // *Multilingual, Globalizing Asia: Implications for Policy and Education* / eds.: L. Lim, E. Low. – AILA Review (Special Issue), 2009. – № 22. – P. 85–102.

Ferguson 1959: Ferguson, Ch. Diglossia / Ch. Ferguson // *Word*. – 1959. – Vol. 15. – P. 325–340.

Fortin 1988: Fortin, C. Bilingualism in Canada / C. Fortin // *Journal of American and Canadian Studies*. – 1988. – № 2. – P. 21–68.

Gimson 1981: Gimson, A. C. An Introduction to the Pronunciation of English / A. C. Gimson. – L., 1981. – 352 p.

Gold 2004: Gold, E. Canadian English? A Survey of Contemporary Use / E. Gold // *Proceedings of the 2004 Canadian Linguistic Association Conference*. – 2004. – URL: <http://www.carleton.ca/~mojunker/ACL-CLA>

Gold, McAlpine 2010: Canadian English: A Linguistic Reader (Strathy Language Unit. Occasional Papers. № 6) / ed. by: E. Gold, J. McAlpine. – Kingston: Ontario, 2010. – 235 p.

Grant-Russell 1996: Grant-Russell, P. An Investigation of Lexical Borrowings from French in Quebec English / P. Grant-Russell // *Lacus Forum XXIII*. – Claremont Graduate University, 1996. – P. 429–439.

Grant-Russell 1999: Grant-Russell, P. The Influence of French on Quebec English: Motivation for Lexical Borrowing and Integration of Loanwords / P. Grant-Russell // *Lacus Forum XXV*. – Claremont Graduate University, 1999. – P. 473–486.

Gregg 1973: Gregg, R. J. The Linguistic Survey of British Columbia: the Kootnay Region / R. J. Gregg // *Canadian Languages in their Social Context* / R. Darnell. – Edmonton, 1973. – P. 105–116.

Gregg 1975: Gregg, R. J. The Phonology of Canadian English as Spoken in the Area of Vancouver, British Columbia / R. J. Gregg // *Canadian English: Origins and Structures* / ed. by J. K. Chambers. – Toronto, 1975. – P. 133–144.

Gregg 1993: Gregg, R. J. Canadian English Lexicography / R. J. Gregg // *Focus on Canada* / ed. by S. Clarke. – Amsterdam: Benjamins, 1993. – P. 27–44.

Hagiwara 2012: Hagiwara, R. Visualizing the Canadian English Vowels / R. Hagiwara. – 2012. – URL: <http://www.aip.org/149th/hagiwara.html>

Halford 2008: Halford, B. K. Americanization, Globalization or Vernacularization of Canadian English / B. K. Halford // *Anglistik: International Journal of English Studies*. – 2008. – № 19. – P. 23–42.

Hamilton 1975: Hamilton, D. E. Notes on Montreal English / D. E. Hamilton // *Canadian English: Origins and Structures* / ed. by J. K. Chambers. – Toronto, 1975. – P. 46–54.

Hamilton 1997: Hamilton, S. Canadianisms and their Treatment in Dictionaries. MA Thesis / S. Hamilton. – Ottawa, 1997. – 210 p.

Haugen 1953: Haugen, E. The Norwegian Language in America: A Study in Bilingual Behavior / E. Haugen. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1953.

Hewings, Tagg 2012: Hewings, A. The Politics of English / A. Hewings, C. Tagg. – N. Y.: Routledge, 2012. – 416 p.

Jenkins 2015: Jenkins, J. Global Englishes: A Resource Book for Students / J. Jenkins; ed. G. B. Abingdon. – 3-rd. – Routledge, 2015. – 280 p.

Joos 1975: Joos, M. A Phonological Dilemma in Canadian English / M. Joos // *Canadian English: Origins and Structures* / ed. by J. K. Chambers. – Toronto, 1975. – P. 79–82.

Kachru 1990: Kachru, B. B. The Alchemy of English: The Spread, Functions, and Models of Non-Native Englishes / B. B. Kachru. – Champaign, IL: University of Illinois Press, 1990. – 216 p.

Kirsten 2013: Kirsten, V. R. The Identity of Canadian English / V. R. Kirsten. – GRIN Verlag, 2013. – 72 p.

Kosel 2013: Kosel, J. The Language Situation in Canada with Special Regard to Quebec / J. Kosel. – GRIN Verlag, 2013. – 60 p.

Labov, Ash, Boberg 2006: Labov, W. The atlas of North American English: Phonetics, Phonology and sound Change / W. Labov, Sh. Ash, Ch. Boberg. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. – 318 p.

Language and Politics 1998: Language and Politics in the United States and Canada: Myths and Realities / eds.: Th. K. Ricento, B. Burnaby. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1998. – 357 p.

Lasswell 2006: Lasswell, H. D. Language of Power / H. D. Lasswell // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006. – № 20. – С. 264–280.

Lilles 2000: Lilles, J. The Myth of Canadian English / J. Lilles // English Today. – 2000. – V. 16. – № 2. – P. 3–9.

Llamas, Watt 2009: Llamas, D. Language and Identities / D. Llamas, C. Watt. – University of York, 2009. – 320 p.

Lobunez 2009: Lobunez, Y. Canadian English / Y. Lobunez. – GRIN Verlag, 2009. – 24 p.

Lockerbie 2003: Lockerbie, I. Le débat sur l'aménagement du français au Québec / I. Lockerbie // Revue Internationale d'études québécoises. – 2003. – Vol. 6. – № 1. – P. 125–149.

Mackey 1998: Mackey, W. F. The Foundations / W. F. Mackey // Language in Canada / ed. by J. Edwards. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – P. 13–35.

McArthur 1989: McArthur, T. The English Language as Used in Quebec: A Survey / T. McArthur // Occasional Papers, Strathy Language Unit. – Kingston: Queen's University, 1989. – № 3. – 82 p.

McConnell 1978: McConnell, R. E. Our Own Voice: Canadian English and How it Came to be / R. E. McConnell. – Toronto, 1978. – 276 p.

Mesthrie 2006: Mesthrie, R. World Englishes and the Multilingual History of English / R. Mesthrie // World Englishes. – 2006. – № 25 (3–4). – P. 381–390.

Moreton, Thomas 2007: Moreton, E. Origins of Canadian Raising in Voiceless-Coda Effects: A Case Study / E. Moreton, E. R. Thomas; eds.: J. Cole, J. I. Hualde. – Papers in Laboratory Phonology 9. – Berlin: Mouton, 2007. – P. 37–64.

Orkin 1967: Orkin, M. Speaking Canadian French. An Informal Account of the French Language in Canada / M. Orkin. – L., 1967. – 119 p.

Orkin 1971: Orkin, M. Speaking Canadian English. An Informal Account of the English Language in Canada / M. Orkin. – L., 1971. – 276 p.

Pennycook 2010: Pennycook, A. Popular Cultures, Popular Languages, and Global Identities / A. Pennycook // Handbook of Language and Globalisation / ed. by N. Coupland. – Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010. – P. 592–607.

Phillipson 1992: Phillipson, R. Linguistic Imperialism / R. Phillipson. – Oxford: OUP, 1992. – 190 p.

Poirier 1987: Poirier, C. Le français “regional”, méthodologie et terminologie. Français du Canada, français de France / C. Poirier. – Tubingen, 1987.

Poirier 1995: Poirier, C. Le français au Québec. Histoire de la langue française 1914–1945 / C. Poirier. – CNRS-Editions, 1995.

Poirier 2000: Poirier, C. Q comme Québec, un français d'Amérique / C. Poirier // Tu parles. Le français dans tous ses états. – Paris, 2000.

PL 2007: Political Linguistics. – 2007. – URL: <http://www.uw.edu.pl>

PL 2009: Political Linguistics. – 2009. – URL: <http://www.uw.edu.pl>

PL 2014: Political Linguistics. – 2014. – URL: <http://www.uw.edu.pl>

Poplack 1985: Poplack, Sh. Contrasting Patterns of Code-Switching in Two Communities / Sh. Poplack // Methods V: papers from the V International Conference on Methods in Dialectology / ed. by H. J. Warkentyne. – Victoria, BC: University of Victoria, 1985. – P. 363–385.

Poplack, 2008: Poplack, Sh. Quebec English / Sh. Poplack // Anglistik: International Journal of English Studies. – 2008. – Vol. 19. – № 2. – P. 189–200.

Poplack, Walker, Malcolmson 2006: Poplack, Sh. An English “like no other”? Language Contact and Change in Quebec / Sh. Poplack, J. Walker, R. Malcolmson // Canadian Journal of Linguistics / Revue canadienne de linguistique. – 2006. – № 51 (2–3). – P. 185–213.

Pratt 2002: Pratt, T. K. Canadian English / T. K. Pratt // Gage Canadian Concise Dictionary. – Toronto, 2002. – P. 6–7.

Priestley 1951: Priestley, F. E. L. Canadian English / F. E. L. Priestley // British and American English since 1900 / E. Partridge, J. W. Clark. – L., 1951. – P. 72–79.

Pringle 1986: Pringle, I. The Concept of Dialect and the Study of Canadian English / I. Pringle // Dialect and Language Variation / ed. by: H. B. Allen, M. D. Linn. – Orlando, 1986. – P. 217–236.

Richler 2007: Richler, H. Global Mother Tongue: The Eight Flavours of English / H. Richler. – Montreal: Véhicule Press, 2007. – 169 p.

Rindler 1983: Rindler, S. Zum Phänomen der Interferenz im Prozess des Sprachwechsels: Ein Beitrag zur empirischen Sprachkontaktforschung / S. Rindler // Gegenwartige Tendenzen der Kontaktlinguistik. – Bonn, 1983. – Bd. 1. – S. 81–91.

Scargill 1955: Scargill, M. H. Canadian English and Canadian Culture in Alberta / M. H. Scargill // Journal of Canadian Linguistic Association. – 1955. – № 3. – P. 26–29.

Scargill 1975: Scargill, M. H. The Sources of Canadian English / M. H. Scargill // Canadian English: Origins and Structures / ed. by J. K. Chambers. – Toronto, 1975. – P. 12–15.

Scargill 1977: Scargill, M. H. A Short History of Canadian English / M. H. Scargill. – Victoria, 1977. – 70 p.

Scargill 2004: Scargill, M. H. English Language / M. H. Scargill // The Canadian Encyclopedia. – 2004. – URL: <http://www.thecanadianencyclopedia.com>

Schlauch 1964: Schlauch, M. The English Language in Modern Times / M. Schlauch. – Oxford, 1964. – 316 p.

Shakhbagova 1982: Shakhbagova, D. A. Varieties of English Pronunciation / D. A. Shakhbagova. – M.: ВУСШ. ШК., 1982. – 128 p.

Skorupska 2013: Skorupska, A. Canadian English: A Study of Variation in Canadian English Spelling and the Spelling Policies of Canadian Newspapers / A. Skorupska. – GRIN Verlag, 2013. – 48 p.

Sridhar 1992: Sridhar, S. N. The Ecology of Bilingual Competence: Language Interaction in the Syntax of Indigenized Varieties of English / S. N. Sridhar // World Englishes. – 1992. – № 11. – P. 141–150.

Stevens 1985: Stevens, P. Standards and the Standard Language / P. Stevens // English Today. – 1985. – Vol. 1. – № 2. – P. 5–8.

Trudgill 2004: Trudgill, P. New-Dialect Formation. The Inevitability of Colonial Englishes / P. Trudgill. – Edinburgh: EUP, 2004. – 180 p.

Trudgill, Hannah 2002: Trudgill, P. International English. A Guide to Varieties of Standard English / P. Trudgill, J. Hannah. – 4-th ed. – L.: Arnold, 2002. – 153 p.

Vance 1987: Vance, T. J. "Canadian Raising" in Some Dialects of the Northern United States / T. J. Vance // *American Speech*. – 1987. – Vol. 62. – № 3. – P. 195–210.

Verreault 1999: Verreault, C. L'enseignement du français en contexte québécois: de quelle langue est-il question? / C. Verreault // *La norme du français au Québec. Perspectives pédagogiques (Terminogramme 91–92)*. – Québec: Les Publications du Québec, 1999. – P. 21–40.

Vishnevskaya 2000: Vishnevskaya, G. M. Phonetic Variation, the Pronunciation Norm of English and the Russian Learner / G. M. Vishnevskaya // *Фонетическая вариативность: билингвизм и диглоссия*. – Иваново, 2000. – С. 67–73.

Vogt 1948: Vogt, H. Reply to the question: "Dans quelles conditions et dans quelles limites s'exercer sur le système morphologique d'une langue l'action du système morphologique d'une autre langue?" / H. Vogt // *Actes Vie Congrès Internationale de Linguistes*. Paris: Klincksieck, 1948. – P. 31–45.

Walker 2015: Walker, J. A. Canadian English: A Sociolinguistic Perspective / J. A. Walker. – Routledge Chapman Hall, 2015. – 150 p.

Watt, Llamas 2014: Watt, D. Language, Borders and Identity / D. Watt, C. Llamas. – University of York, 2014. – 288 p.

Weinreich 1953: Weinreich, U. Language Contact: Findings and Problems / U. Weinreich. – The Hague: Mouton & Co., 1953. – 148 p.

Woods 1979: Woods, H. B. A Socio-Dialectology Survey of the English Spoken in Ottawa: A Study of Sociological and Stylistic Variation in Canadian English / H. B. Woods. – University of British Columbia, 1979.

Woods 1985: Woods, H. B. Variation of English as a Second Language in Canada // *In Search of Standard in Canadian English* / H. B. Woods. – Kingston: Loughheed, 1985. – P. 139–151.

Woods 1999: Woods, H. B. The Ottawa Survey of Canadian English / H. B. Woods. – Kingston: Strathy Language Unit, Queen's University, 1999.

Yuen 1994: Yuen, A. L. Gallicisms: An Analysis Leading Towards a Prototype Gallicisms Checker. MA Thesis / A. L. Yuen. – University of Ottawa, 1994. – 202 p.

Список лексикографических изданий

Гак 1997: Гак, В. Г. Новый франко-русский словарь / В. Г. Гак. – М.: Рус. яз., 1997. – С. 1195.

Клоков 2000: Клоков, В. Т. Словарь французского языка за пределами Франции / В. Т. Клоков. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – 494 с.

Клоков 2004: Клоков, В. Т. Словарь французского языка в Канаде. Квебек и Акадия / В. Т. Клоков. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. – 522 с.

Barber 2008: Barber, K. Only in Canada, You Say: A Treasury of Canadian Language / K. Barber. – Oxford, 2008. – 272 p.

Beaumont 2000: Beaumont, J. C. Le québécois de poche / J. C. Beaumont. – Québec: Cedex, 2000. – 101 p.

Bélanger 2011: Bélanger, M. Petit guide du parler québécois / M. Bélanger. – Québec: Alain Stanké, 2011.

Bélisle 1979: Bélisle, L. A. Dictionnaire général de la langue française au Canada / L. A. Bélisle. – Québec: Beauchemin, 1979. – 1487 p.

Bergeron 1980: Bergeron L. Dictionnaire de la langue québécoise / L. Bergeron. – Montréal: VLB éditeur, 1980.

CDC 1973: A Concise Dictionary of Canadianisms. – Toronto: Gage, 1973. – 254 p.

Cellard 1982: Cellard, J. Ça mange pas de pain. 400 expressions familières ou voyantes de France et du Québec / J. Cellard. – Paris: Sillery, 1982.

Clapin 1905: Clapin, S. Nugent's Up-To-Date English-French and French-English Dictionary According to the Best Authorities, and Containing All the Words Generally Used in Both Languages = Nugent – Nouveau dictionnaire Français-Anglais et Anglais-Français rédigé d'après les meilleures autorités, et contenant tous les mots généralement en usage dans les deux langues / S. Clapin. – Montréal: Librairie Beauchemin, 1905.

- Clapin 1974:** Clapin, S. Dictionnaire canadien-français / S. Clapin. – Québec: Les Presses de l'Université Laval, 1974.
- COD 1998:** The Canadian Oxford Dictionary. – Oxford, 1998. – 1707 p.
- COD 2004:** The Canadian Oxford Dictionary. – Oxford, 2004. – 1825 p.
- Colpron 1982:** Colpron, G. Dictionnaire des anglicismes / G. Colpron. – Montréal: Librairie Beauchemin, 1982. – 247 p.
- Cormier 1999:** Cormier, Y. Dictionnaire du français acadien / Y. Cormier. – Canada: Editions Fides, 1999.
- Crystal 2006:** Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. – Cambridge University Press, 2006. – 489 p.
- CSD 1979:** Canadian Senior Dictionary. – Toronto, 1979.
- DA 1952:** The Dictionary of Americanisms / ed. by M. M. Mathews. – Chicago: University of Chicago Press, 1952.
- DAE 2000:** Dictionary of American English. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 1069 p.
- DAEHP 1951:** The Dictionary of American English on Historical Principles / ed. by M. M. Mathews. – Chicago: University of Chicago Press, 1951.
- Dagenais 1967:** Dagenais, G. Dictionnaire des difficultés de la langue française au Canada / C. Dagenais. – Montréal: Éditions pédagogie, 1967. – 680 p.
- Darbelnet 1986:** Darbelnet, J. Dictionnaire des particularités de l'usage / J. Darbelnet. – Québec: Presses de l'Université du Québec, 1986.
- DCHP 1967:** A Dictionary of Canadianisms on Historical Principles / ed. by: W. S. Avis [et al.]. – Toronto: Gage, 1967. – 927 p.
- Depecker 1988:** Depecker, L. Les mots de la francophonie / L. Depecker. – Paris: Éditions Belin, 1988. – 653 p.
- Des Ruisseaux 1990:** Des Ruisseaux, P. Dictionnaire des expressions québécoises / P. Des Ruisseaux. – Montréal: Bibliothèque québécoise, 1990.
- De Villers 1988:** De Villers, M.-É. Multidictionnaire de la langue française / M.-É. De Villers. – Québec: Amérique, 1988.
- DFA-AF 1998:** Dictionnaire français-anglais, anglais-français. – 5-eme ed. – Paris: Le Robert & Collins Senior, 1998.

- DLF Lexis 2001:** Dictionnaire de la langue française. Lexis. – Paris: Larousse, 2001. – 2109 p.
- DUF 1997:** Dictionnaire universel francophone. – Paris: Hachette, 1997.
- Dulong 1989:** Dulong, G. Dictionnaire des canadianismes / G. Dulong. – Montréal: Larousse Canada, 1989.
- Dunn 1980:** Dunn, O. Glossaire franco-canadien et vocabulaire de locutions vicieuses usités au Canada / O. Dunn. – Québec: Imprimerie A. Côté et Cie, 1980. – 255 p.
- Équipe TLFQ 1998:** Équipe TLFQ. Dictionnaire historique du français québécois. – Québec: Les Presses de l'Université Laval, 1998 – 152 p.
- Fee, McAlpine 1997:** Fee, M. Guide to Canadian English Usage / M. Fee, J. McAlpine. – Toronto: Oxford University Press, 1997. – 549 p.
- Fee, McAlpine 2007:** Fee, M. Guide to Canadian English Usage / M. Fee, J. McAlpine. – 2nd ed. – Toronto: Oxford University Press, 2007. – 658 p.
- GCCD 2002:** Gage Canadian Concise Dictionary. – Toronto, 2002. – 1024 p.
- GCD 1983:** Gage Canadian Dictionary. – Toronto, 1983. – 1314 p.
- GCT 1998:** Gage Canadian Thesaurus. – Toronto, 1998. – 757 p.
- GDT 2002:** Le Grand dictionnaire terminologique. – Québec: Office de la langue française. – 2002. – URL: <http://www.granddictionnaire.com>
- Gilber 1980:** Gilbert, P. Dictionnaire des mots contemporaines / P. Gilbert. – Paris, 1980.
- GPFC 1968:** Glossaire du parler français au Canada. – Québec: Les Presses de l'Université Laval, 1968.
- Hofler 1982:** Hofler, M. Dictionnaire des aglicismes / M. Hofler. – Paris: Librairie Larousse, 1982. – 308 p.
- Isajlovic, Martin 2003:** Isajlovic, R. Quebecois Dictionary & Phrasebook: English-Quebecois / Quebecois-English: Dictionary & Phrasebooks / R. Isajlovic, I. Martin. – N. Y., 2003. – 183 p.
- Jones 2003:** Jones, D. English Pronouncing Dictionary / D. Jones. – 16th ed. – Cambridge, 2003. – 606 p.

- Laurin 1975:** Laurin, J. Corrigeons nos anglicismes / J. Laurin. – Montréal: Éditions de l'Homme, 1975.
- Letourneau 1993:** Letourneau, D. Vocabulaire des loisirs de plein air: vocabulaire anglais-français / D. Letourneau. – Québec: Éditions de l'Homme, 1993.
- Maurais 1980:** Maurais, J. Lexique des boissons gazeuses / J. Maurais. – Québec: Édition Guerin, 1980.
- Maurais 1982:** Maurais, J. Lexique des pates alimentaires / J. Maurais. – Québec: Édition Guerin, 1982.
- McArthur 2003:** McArthur, T. Oxford Guide to World English / T. McArthur. – Oxford: OUP, 2003. – 501 p.
- Meney 1999:** Meney, L. Dictionnaire québécois-français: pour mieux se comprendre entre francophones / L. Meney. – Montréal: Éditions Guerin, 1999. – 1884 p.
- Meriam-Webster's Dictionary 2005:** Meriam-Webster's French-English / English-French Dictionary / Meriam-Webster, Incorporated. – Springfield (Massachusetts, USA), 2005. – 804 p.
- OED 1989:** The Oxford English Dictionary / ed. by: J. Simpson, E. Weiner. – 2-nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 1989.
- POCD 2004:** Paperback Oxford Canadian Dictionary. – Oxford, 2004. – 1229 p.
- Robinson, Smith 1992:** Robinson, S. Dictionary of Canadian French. The Most Authoritative Guide to the Language of French-Speaking Canada / S. Robinson, D. Smith. – Chicago: NTC, 1992.
- Roux 1991:** Roux, P. Lexique des difficultés du français dans les médias en usage à la Presse / P. Roux. – Québec: Issuu, 1991. – 218 p.
- Rivard, Geoffrion 1930:** Rivard, A. Glossaire du parler français au Canada / A. Rivard, L.-Ph. Geoffrion. – Québec: L'action sociale, 1930.
- Sandilands 1912:** Sandilands, J. Western Canadian Dictionary and Phrase-book: Explaining in Plain English for the Special Benefit of Newcomers the Meaning

of the Most Common Canadianisms and Colloquialisms / J. Sandilands. – Ottawa: National Library of Canada, 1912.

SD 1973: The Senior Dictionary. – Toronto, 1973.

Shiaty et al. 1988: Dictionnaire du français plus à l'usage des francophones d'Amérique. Multidictionnaire de la langue française / A. E. Shiaty [et al.]. – Montréal; Québec: Centre éducatif et culturel, 1988. – 1856 p.

Telfer 2009: Telfer, G. Dictionary of Canadianisms: How to Speak Canadian, Eh! / G. Telfer. – Folklore Publishing, 2009. – 352 p.

Tournier 1999: Tournier, J. Les mots anglais du français / J. Tournier. – Paris: Éditions Belin, 1999. – 589 p.

Weiner 1985: Weiner, E. The Oxford Guide to the English Language / E. Weiner. – Oxford, 1985. – 608 p.

Wells 2000: Wells, J. C. Longman Pronunciation Dictionary / J. C. Wells. – Harlow, 2000. – 870 p.

Научное издание

Вишневская Галина Михайловна

Абызов Алексей Алексеевич

КАНАДСКИЙ ЯЗЫКОВОЙ РАЗЛОМ

(англо-французский билингвизм)

Научный редактор

доктор филологических наук, профессор

А. А. Григорян

Редактор *О. Р. Ростов*

Подписано в печать 17.03.2016. Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бумага писчая. Плоская печать.
Уч.-изд. л. 9,53. Усл. печ. л. 9,77. Тираж 500 экз.

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный политехнический университет»
Издательский центр ДИВТ
153000, г. Иваново, Шереметевский проспект, 21